

Art of War

Главный редактор:
Илья Плеханов

Редколлегия:
Аркадий Бабченко
Алексей Муратов
Егор Лосев

Директор по распространению:
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Александр Гуров

Корректоры:
Анна Кунарева
Иван Николаев

Обложки и вкладка:
Александр Гуров

Адрес для корреспонденции:
115573, г. Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
www.navoine.ru
E-mail: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8 903 524 16 19

**Свидетельство
о регистрации:**
ПИ № ФС77 26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
“Мико-Принт”

Подписано в печать:
27.08.2009

**Номер издан
при поддержке:**

Творческое объединение
"Северный Ветер"

Региональная
общественная
организация
ветеранов
подразделений
специального
назначения
“ЗАЩИТА-Р”

Тел.: 981-04-00
760-93-95

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Война — самое грязное, подлое и бесчеловечное занятие, известное человечеству. И она же составляет одну из самых заметных частей всемирной истории, от самого её начала и до наших дней. К сожалению, и перспективы у кровавого бога войны куда более ясные, чем у прочих. В условиях обостряющейся борьбы за ресурсы и наглого завоевания всё нового жизненного пространства, когда есть только одно право — право сильного, как бы его не ретушировали и не гримировали, выбор невелик. Или новые войны — или безоговорочная капитуляция.

Поэтому кровавые войны по самым безумным поводам выжигающие целые страны и народы, буду продолжаться. И будут ветераны этих войн: всё те же узнаваемые седые инвалиды с засаленными наградными планками в переходах, всё те же вечно праздничные генералы на трибунах, менее знакомые, но растущие в числе респектабельные и, вроде бы, состоявшиеся в этой жизни мужчины в дорогих авто, и тысячи простых незаметных обычному глазу работяг в сёлах. И как всегда, не остановится рост числа навечно застывших надгробий по всему миру. И будет жизнь, равнодушно текущая мимо живых и павших ветеранов.

Но будут и такие ветераны прошлых войн, которые не смогут усидеть на месте в спокойном быту гражданки и снова поедут на новые войны и на места былых сражений. Поедут уже в другом качестве: как журналисты, сапёры, миротворцы, инструкторы, сотрудники частных военных компаний, переводчики или экскурсоводы. Война не кончится для них, она будет бесконечна. И они расскажут нам о новых войнах уже с высоты своего опыта, расскажут более мудрыми и взвешенными словами, но то и дело будут проскакивать незабываемые огнедышащие нотки их первой в жизни войны.

Войны, которая, как и раньше, будет везде. От Северной Ирландии до Камбоджи, от соседней Грузии до далекой Сьерра-Леоне. Всё в том же вечном Афганистане.

Поэтому, глядя на новые витки разворачивающихся войн, на очередную гонку вооружений и бесконечную резню, ветераны скрипят зубами и плюют на всё. В результате, многим гораздо интереснее общаться со вчерашними врагами, с которыми когда-то перестреливались в джунглях или городских развалинах. Они хорошо понимают друг друга. У них общее прошлое, в котором были четко разделены друзья и враги. Общее презрение к тыловым крысам, наживающимся на войне и щедро награждающим друг друга за это. И общая страшная ностальгия по войне, которой они делятся в письмах, интервью и на международных ветеранских сайтах. Которой они делятся на страницах нашего Альманаха.

Как написала польская поэтесса Уршула Козел: «Война не заканчивается. Она отдыхает».

Читайте.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

1 **От редакции**

Афганистан

4 Владимир ЩЕННИКОВ
Рукопашная схватка у Чимтаны...

9 Александр МАГЕРАМОВ
Вывод (окончание)

Чечня

14 Аркадий БАБЧЕНКО
Фишка

15 Рустем БИЗЯНОВ
Чеченское танго (окончание)

Приднестровье

22 Андрей ЗАГОРЦЕВ
Vua ne zio (отрывок из повести)

Грузия

27 Юрий ХАБИБУЛИН
Брат

Ирак

32 Александр НЕМЕНОВ
Разговоры с бумагой (Часть I)

Африка

39 Дмитрий СУХОРУКОВ
Любовь

42 Алексей КУЗИКОВ
Сьерра-Леоне. Конвой

Ближний Восток

Владимир ДУДЧЕНКО
Канал (отрывки из повести) **44**

Сергей АУСЛЕНДЕР
**Трудности перевода
Один рабочий день** **47**

Вьетнам

Ван Кок НГУЕН
Один бой вьетнамского аса **49**

Лонни ДОТСОН
Они отлично воевали **53**

Энтони ПАЛЬ
Не молчать о своей войне **55**

Северная Ирландия

Кен УОРТОН
**Беды Ольстера глазами
британской армии (отрывок из книги)** **59**

Камбоджа

Виктор ПРИТУЛА
Поля смерти **64**

История одной песни

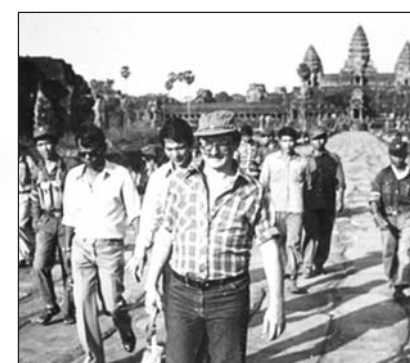
Геннадий ШЕЛОМЫТОВ
**Все считали, что такого
не могло быть никогда** **67**

Поэзия

Антон БЛАЖКО, Валерий ЖУКИН,
Сергей ГАВРИЛОВ **70**

Опыт

Андрей ЗАГОРЦЕВ
Пайки (окончание) **72**

Владимир
ЩЕННИКОВhttp://artofwar.ru/s/shennikow_w_w/РУКОПАШНАЯ СХВАТКА
У ЧИМТАНЫ, ИЛИ КТО ПЕРВЫМ
ВСТАЛ, ТОГО И ТАПОЧКИ

2 мсб 149-го гвардейского мсп относился к разряду так называемых «рейдовых» батальонов на всем протяжении своего присутствия на территории ДРА. Имея место постоянной дислокации в Кундузе, 2мсб непрерывно участвовал в боевых действиях, причем, далеко не только в зоне своей ответственности. Вехи боевого пути нашего батальона растянулись от восточных районов Бадахшана (Бахарак, Ишкашим) на северо-востоке до реки Герируд на северо-западе. От Асмара у Пакистанской границы на реке Кунар одноименной провинции на восток, до Иранской границы в провинции Герат на западе. От вдоль и поперек исхоженных провинций Тахар, Балх, Джуджан, Фарьяб, Кундуз, Бадахшан, Саманган на севере до южных провинций Забол, Гильменд, Пактия. Второй батальон участвовал практически во всех Панджшерских операциях, в Кунарской операции 1985 года. Ходили на Хост, участвовали в известной операции «Магистраль». Бывали в зеленке Чарикарской долины. Облазили все окрестности Саланга. Участвовали в Мармольских операциях. Нахрин, Ишкамыш, Сеид, Бурка, Кучи, Карабатур, Алихейль, Хисарак, Базарак, Мохаджир, Бахарак, окрестности Кишима и Файзабада помнят смелость и отвагу наших бойцов. Наш батальон также участвовал в боевых действиях в провинциях Газни, Нангар-

хар, Парван, Лагман, Вардак, Баглан, Пактика, Логар. За 9 лет в Афганистане путь был пройден немалый. Немного в 40-й армии было батальонов с такой или более богатой географией и биографией боевых действий. Чтобы описать все эти события, понадобился бы не один энциклопедический том. Здесь же вашему вниманию предлагается не самый результативный, не самый тяжелый, но достаточно необычный и запоминающийся бой из жизни нашего батальона. Дело было в последних числах апреля 1984 года.

Появились разведанные из достаточно надежного источника о месторасположении банды, которая создавала большие проблемы. Своими силами была разработана хитроумная операция по уничтожению зарвавшихся моджахедов. Для наживки запустили дезинформацию о прохождении колонны с продовольствием и ГСМ. При этом «маршрут следования» проходил через весьма удобное для засады место в зеленке. Убедились, что деза дошла до «клиента» и была принята за чистую монету. Естественно, ложная колонна, обозначив выдвижение, через указанное место не пошла бы. Нашей задачей было вычислить маршрут и время выдвижения банды на засаду и «радушно» встретить ее, перехватив на марше. Самой большой сложностью было незаметно выдвинуться и занять

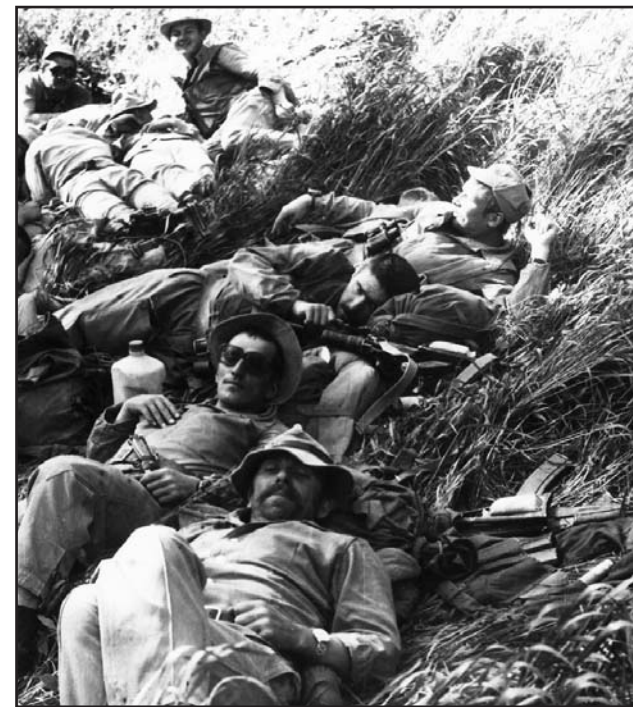
необходимую позицию так, чтобы многочисленные басмотские соглашения и доноски не сорвали наши планы. Ведь местность находилась под контролем банды и без ведома «духов» здесь даже осел чихнуть не смог бы. Чтобы минимизировать возможность нашего досрочного обнаружения, надо было занять позиции перед самым прохождением банды. С этой задачей нам помогли справиться наши кундузские вертолетчики. Летуны были опытные. В Афгане служили по второму сроку или, вернее сказать, залету.

Накануне нашей высадки они вылетали в другой район и обозначали «ложную», сделав несколько заходов для верности, чтобы духи поверили, что мы пошли за другими и у них развязаны руки для своего черного дела.

Мы вылетели затемно в сторону ложной высадки, проведенной накануне. Летели низко, над самыми вершинами деревьев в зеленке. Пройдя над ложным районом, сделали ход конем и направились к месту реальной высадки, обозначая возвращение на базу. Так как летели очень низко, а местом высадки была небольшая плешка в зарослях зеленки, то, проходя над ней, вертушки чуток снизившись, замедляли скорость, вытряхивая нас на ходу. Высаженные таким образом, мы всеоразно разбежались под сень растительности. Нашу роту высадили первой. Тут же заняли круговую оборону, обеспечивая высадку остальным силам батальона. Перед вылетом тщательно, как перед каждой засадой, проверили, чтобы снаряжение было грамотно подогнано, чтобы ни у кого ничего не гремело и прочее. Например, пулеметные ленты для ПК при укладке в коробки перекладывали ватой, «как доктор прописал». Тем, у кого не было, сшили самопальные жилеты для магазинов. В общем, все было по-взрослому. Уж очень хотелось прищучить банду, которая специализировалась на колоннах и пила много крови.

Светало. Значительная часть нашего выдвижения на засаду проходила по оврагу. Кстати сказать, местность была испещрена многочисленными оврагами, сухими руслами, ручьями и канавками. Дело было в междуречье. Всего в нескольких километрах на северо-запад от нас река Ханабад впадала в реку Кундуз. Бассейны этих рек объединялись и пересекались как раз в районе нашего местонахождения. Повсюду вокруг нас мелкие овраги и овражки объединялись в более крупные. Овраг, по которому мы двигались, тоже не был исключением. Понимая, что находимся в вотчине душманов, передвигались скрытно и бесшумно. По этому поводу все были тщательно проинструктированы. Банда же, находясь на своей территории и не подозревая о нашем присутствии, вела себя более нагло и развязно, забыв об осторожности. Это и погубило её. В тишине рассвета мы услышали шум передвижения душманов задолго до того, как они подошли к нам вплотную. Звуки разговора, бряцание оружия и даже смех отчетливо доносились до нас со стороны, откуда они приближались. Как уже упоминалось, наша рота, будучи в ГПЗ (головной походной засаде — прим. ред.), передвигалась, соблюдая все меры предосторожности, и на момент, когда банда обнаружила себя, наш БРД (боевой разведдозор) обследовал более крупный овраг и местность к нему прилегающую. Стало ясно, что басмачи приближаются к нам по соседнему оврагу и в скором времени подойдут к месту соединения их оврага и нашего. Времени на раздумья не оставалось, изготовились к бою.

Здесь следует пояснить, что наш и соседний овраги последние 80-90 метров перед соединением проходили очень близко друг от друга. Расстояние между ними на этом участке колебалось от 15 до 40 метров. Очень комфортно для броска гранаты. Чем и воспользовалась наша рота. Когда «голова» банды втянулась в объединенный овраг на 15-20 метров, по отмашке командиров, вся рота выполнила команду «Гранатами огонь». Метнув по три гранаты, в основном Ф-1,

выскочили в атаку. Среди духов царил хаос и паника. Всё произошло для них настолько внезапно, что никто не мог ничего понять. Шли, мило беседуя, совершая «утренний моцион», предвкушая легкую добычу и возможность пожить. Вдруг: разрывы, разрывы, разрывы, которые уничтожали и калечили. Рой осколков, дым, пыль, кровь. Сразу десятки убитых и раненых. Что происходит? Ведь так не бывает и не должно быть! Не успели рассеяться дым и пыль, как, словно из-под земли, выросла стена из шуров, которые быстро приближались. С перекошенными лицами и орущими ртами, держа наперевес оружие, которое извергало огонь и смерть. «Что делать? Куда бежать? Куда прятаться? Эх, если бы можно было провалиться сквозь землю», — крутилось в ошалевших головах. Приблизительно так это выглядело со стороны моджахедов.

Появившись вместо нас инопланетяне из приземлившейся у них на глазах летающей тарелки или стаи чертей, произведенный ими эффект был бы куда меньше. Паника была невообразимой: кто упал на землю, закрывая голову руками; кто, стоя на коленях, тянул руки к небу; кто ползал на четвереньках; кто, пробежав несколько метров в одном направлении, разворачивался и бежал в другом; кто хватался за оружие; кто вытягивал его перед собой, словно пытаясь за ним спрятаться или прикрыться.

Конечно, были и те, кто оказывал беспорядочное сопротивление: бросались в рукопашную, отстреливались, но не прицельно, а как бы пытались отмахнуться.

Нам же казалось, что время словно остановилось или, по крайней мере, значительно замедлилось. Духи двигались, как при замедленной съемке, плавно шевеля конечностями и чем-то напоминая огромную кучу раков в корзине, которая долго стояла на солнце-пёке. Всё вокруг, что было привычно, известно и понятно, вдруг изменилось настолько, будто мы попали в другое измерение. Зрение стало таким объемным, как будто можно было видеть все, что творится вокруг тебя чуть ли не на 360 градусов, причем одновременно и не поворачивая головы. Видно было (а может, каким-то образом известно), кто бежит сзади тебя, что творится по бокам, с обеих сторон одновременно, и даже, как бы это было ни удивительно, что находится за спиной и на спине духа, находящегося или возникшего перед тобой. Это все можно было бы видеть, если в это время нахо-

даться над самим собой в полете на небольшой высоте. Но ракурс зрения-то был другим, не сверху. Предметы и люди вокруг как-то отличались от повседневных своей геометрией, а именно — чуть изменившимися пропорциями и углами соединения составных частей. Появилась способность слышать избирательно — именно те звуки, которые несли необходимую информацию, выделять их из невообразимой звуковой какофонии боя. Даже цвета и запахи стали другими. Более насыщенными и богатыми множеством оттенков. Причем цвета не более яркие, а именно насыщенные, с какой-то другой структурной составляющей. Также и структура поверхности многих предметов стала более зернистой: шероховатой, чешуйчатой, пупырчатой, ребристой и т.д., в зависимости от материала, из которого состояла. В описываемом состоянии значительно выросли физические возможности: сила, скорость, гибкость, координация, чувство расстояния, скорость принятия решений и т. д. и т. п. Грубо говоря и несколько утрируя, но чтобы было понятно: ты бежал всё вокруг, там поприседал, там на одной ноге поскакал, там покувыркался, тут упал-отжался, вернулся туда, откуда выбегал, а тот, кто там с тобой стоял, за промежуток времени твоего отсутствия моргнул разок, от силы дважды, даже не заметив твоего временного отсутствия. По воспоминаниям в такое состояние тогда попали многие из нас. Разница при обсуждении данной темы заключалась в том, что одни, сами того не желая, вошли в более глубокую стадию этого состояния, другие в более легкую, поверхностную. К примеру, как разные стадии гипноза. Опять же, долго — применяя наши временные параметры — в этом состоянии находиться вряд ли возможно. Активная фаза измеряется секундами, реже минутами. Может накапывать волнами — прилив-отлив — в зависимости от ситуации. Вот такие видимые и ощущаемые метаморфозы произошли вокруг многих из нас всего за несколько мгновений, если измерять в единицах привычного нам времени. Не приведи Бог встретиться с противником, находящимся в таком трансе, когда ты — обычный человек. Шансов не будет. Судя по всему, к такому умозаключению пришел и наш противник в первые же секунды, возможно, даже на подсознательном уровне. Мало приятного — воевать не с людьми, а с киборгами какими-то.

В экстремальной ситуации включились неизученные и неведо-

мые человеческие способности и возможности. Кто испытывал подобное, без труда поймет меня. Описать же подобное состояние, всё многообразие ощущений и зрительных восприятий очень сложно, а, скорее, в полной мере и невозможно, так как запас смыслового значения слов, употребляемых нами в обычной жизни, весьма ограничен. Но не для нашей жизни, а именно для описываемого состояния, когда смысл не в словах, а в ощущениях и образах.

Через какие-то достаточно небольшие секунды те члены банды, которые не остались в овраге на том месте, где их застал бой — убитыми, ранеными, сдавшимися в плен, впадшими в прострацию — воспользовавшись царившей неразберихой и столпотворением, бросились врассыпную куда глаза глядят. В азарте боя за ними кинулись наши бойцы. Вот уж поистине, всё смешалось на поле боя. Можно было видеть, как за группой духов бежит несколько наших. За ними опять духи, которые даже не видят или не понимают, за кем бегут, потом опять наши. Да, братцы, РУКОПАШНАЯ — это, скажу я вам, не фунт изюма, а скорее даже, если, конечно, слоями пошла, сельдь под шубой: разноцветная, многослойная, разной консистенции. Да и пахнет не всегда приятно. А потом не всегда поймешь, кто кого гоняет и за кем будет заключительное слово. В общем,

Пулеметчики, боясь зацепить своих, вынуждены были прекратить огонь и использовали свое убойное оружие в качестве неслабых дубин

острое национальное блюдо. К тому же, исторически сложившееся. Так что, как водится, набегались и настрелялись досыта. Очень немногим представителям наших оппонентов удалось уйти не в мир иной. Десятка не наберется. По нашим данным, бачей 7-8 от силы. А банда была не хилая, не менее двухсот басмаческих единиц. И до сей встречи с нами имела статус неуловимой, крайне дерзкой и везучей. Но фортуна, как известно, женщина капризная. Посему — не всё коту масленица, бывает и постный день.

Из врезавшихся в память эпизодов этого боя стоит упомянуть, как Нурик Алибаев, впоследствии геройски погибший в Кунаре, а тогда еще молодой, неопытный боец, сошелся в рукопашной со здоровеннейшим духом. Нелегко пришлось Нуритдину не в своей весовой категории. Поискав, но не найдя из последних сил более весомых аргументов, наш Нурик, почти задохнувшись под тяжестью духовского исполина, изловчился и перегрыз оному глотку, причем окончательно и бесповоротно лишившись сил. Так что, услышав не то слабое рычание, не то сдавленный хрип, по окончании активной фазы боестолкновения бойцы перевернули тело погибшего великана и извлекли из-под него полузадохнувшегося, липкого и мокрого от чужой крови Нуритдина. Немного отдышавшись, Нурик, в то время ещё не твердо владея русским языком, произнес фразу, несколько перекликавшуюся с фразой аскакалов из фильма «Белое солнце пустыни»: «Что не слышите, давно здесь лежу!» За что тут же получил закрепившееся за ним прозвище Бобо, что означает дедушка. Прозвище оказалось кстати, так как Нуритдин был на редкость мудрым и рассудительным. Всегда держался с достоинством. Воевал умело и со смекалкой. В роте имел заслуженный авторитет.

В другом эпизоде Василий Иванов срезал с пояса очередь из автомата китайца, выросшего, словно из-под земли и целящегося в нашего комбата из гранатомета с расстояния 40 метров. Потом он же в пылу погони за духами заметил, как группа из пяти душманов

юркнула в одно из ответвлений оврага. Василий за ними. За ним, чтобы прикрыть, ещё один Василий, но по фамилии Ткачук и с пулеметом ПК. Об особом применении этого грозного оружия в описываемом бою хочется сказать отдельно. Пулеметы, выручающие нас не раз в различных сложных ситуациях в боевой обстановке, в рукопашной при непосредственном контакте с противником, как говорится, нос к носу, оказались почти бесполезными в качестве огнестрельного оружия. В данных условиях их огневая мощь могла нанести нам не меньший урон так называемым «дружественным огнем», чем противнику. Пулеметчики, боясь зацепить своих, вынуждены были прекратить огонь и использовали свое убойное оружие в качестве неслабых дубин. Благо, парни были в основном крепкие и здоровы махать таким «дубьем» хватало.

Вернемся к Иванову. Наш Вася, стреляя на бегу из автомата, забил троих из пытающихся скрыться духов. Убегая, душманы, конечно отстреливались, но не убедительно, не прицельно. Далее, на его глазах двое оставшихся беглецов пытаются заскочить за куст у стенки оврага, чтобы притаиться за ним. Как потом выяснилось, за кустом была небольшая пещерка — вымоина. Так вот, в тот момент, когда первый уже нырнул за куст, а второй пытается последовать примеру товарища, набегает Иванов.

Второй душман, разворачиваясь, давит на спуск автомата, но не успевает повернуть оружие на нужный угол, ведь у Васи выигрышное положение — ему разворачиваться не надо и выстрелил он первым. Очередь, выпущенная душманом, не достигает цели, а сам он падает, сраженный Василием.

Поняв, что не отсидеться, из-за куста встает, вскидывая бур, спрятавшийся дух. Вася, находясь в положении изготавившегося к стрельбе, давит на спуск, но его безотказный автомат молчит — магазин пуст. В это время басмач продолжает вскидывать бур. Это описывать долго, а происходит-то всё в доли секунды. Вся ситуация происходит на глазах Ткачука Василия, который приближается, пытаясь помочь тезке, но стрелять из своего ПК не может, так как товарищ на линии огня. Вот уж когда нет ни мгновения — ни оценить, ни понять, ни подумать. Момент истины. Разве что остановить время на какой-то промежуток, чтобы успеть что-то сделать.

Вася успел бросить автомат в душмана и попал срезом ствола в переносицу врагу. То есть, в мгновение, в которое он нажал на спуск и выстрела не последовало, тут же произошел бросок автомата. Моджахед, не успев выстрелить, бросает бур и хватается за разбитую голову. В этот момент, как коршун, держа в замахе пулемет, налетает Ткачук и с разбега со всего маха обрушивает свою импровизированную дубину на голову невезучего душмана, забивая его. А ведь все могло сложиться по-другому.

В момент, когда Ткачук Василий добивал вывалившегося из-за злополучного куста басмача, подскакивает третий Василий по фамилии Сорока, тоже с ПК и... дает пулеметную очередь в куст. Первые два Василия хотели возмутиться неразумными действиями тезки, но так и замерли, вытаращив глаза и пооткрывав рты. Потому что, всем троим на удивление, из-за «волшебного» куста вывалился третий «клиент», в богатой чалме и с никелированным маузером в руке.

Сорока, икнув, произнес: «А це шо за дэтина? Побачте! Нэ, цэ нэ минтай по-ляхски. Я вам кажу! Цэ Облеман Коти!». Так оно и вышло. Дегина, «Облеман Коти», как назвал его Василий Сорока, оказался главарем разгромленной нами банды. На что указали плененные нами его соратники. Убежав раньше других, он схоронился за поистине «роковым» кустом в пещерке и, возможно, благополучно бы отсиделся. Но оказалось — не судьба. «Картину маслом» испортили подчиненные, решившие составить компанию шефу, сами, судя по всему, об этом не подозревая. А тут еще Сорока подскочил обиженный, что всех завалили — ему никого не оставили. Но вышло, что не всех. Приберегла судьба сюрприз.

Вот такие факиры и фокусники служили с нами. Одна троица Василиев чего стоит. Каждый достоин, чтобы о нем отдельную книгу написали. Особенно Иванов. Ну а пока книг никто не пишет, обойдемся хотя бы добрыми словами о наших боевых друзьях. У Васи Иванова было прозвище Ванька (производное от фамилии). Что весьма символично. Ведь именно «пехотный Ваня» своим терпением, мужеством, неприхотливостью и смекалкой вынес все самые тяжелые моменты всех войн, которые вела Россия. «Пехотный Ваня» первым и по праву расписался на Рейхстаге. И это помнят,

что бы ни говорили политики и главнокомандующие всех ведущих стран мира. Так и наш Вася Иванов своей службой всегда подтверждал самые лучшие эпитеты, сказанные о пехотном «Ваньке».

А вы говорите: «Тупорылая пехота!»

Только на месте рукопашной схватки насчитали более 120-ти моджахедов убитыми, остальные их погибшие собратья встретили смерть в радиусе 300 метров от места первоначальной стычки. Примерно двадцати духам удалось сдаться в плен, что, прямо скажем, при таком накале страстей было непростой задачей. Но у каждого своя судьба. В состав банды входили китайские и арабские наемники и инструкторы. Банда была вооружена большим количеством гранатометов, пулеметов и снайперских винтовок. Непосредственно в бою было взято более двухсот единиц огнестрельного оружия. Справедливости ради надо отметить, что разведка у душманов была организована на очень высоком уровне, и нам очень повезло, что всё сложилось именно таким образом. Среди бумаг, найденных у главаря банды, было много тех, которые содержали секретную информацию о наших войсках. Графики и маршруты движения наших колонн, позывные, основные и запасные частоты радиосвязи. Таблица с тактико-техническими данными нашего вооружения и техники и т.д. и т.п. Но, как говорят, своя рубашка ближе к телу. Поэтому нас больше всего потрясла информация о нашем батальоне. Она содержала довольно свежие данные: должности, звания, фамилии и имена почти всех офицеров батальона, их позывные. Суммы денежных вознаграждений за голову каждого. Точно такая же информация содержалась на офицеров разведроты нашего полка и на офицеров дивизионного разведбата. При этом все три упомянутых подразделения были выделены в категорию особо опасных и имелась строгая рекомендация — услышав наши позывные, соблюдать крайнюю осторожность.

Вот такой авторитет у моджахедов имели наши подразделения в своей зоне ответственности.

Что подтвердил случай, произошедший несколько позже. Суть дела была в следующем: часть подразделений 1 мсб нашего полка попала в сложную ситуацию на участке Ханабат-Талукан. Зажали наших мужиков довольно плотно. Противник имел и численное и позиционное превосходство. Спас ситуацию командир взвода гв. ст. л-нт Карим Алимов, проявив недожиданные способности дипломата. Используя личное знание узбекского и таджикского языков, Карим, прикрывшись несколькими аксакалами, пошёл на переговоры с главарями моджахедов. Признав свое сложное положение, Карим заявил, что наши солдаты и офицеры будут биться до последней капли крови и если не будет другого выхода, то геройски погибнут все, стараясь убить как можно больше душманов. «А что будет потом, вы подумали?» — спросил гв. ст. л-нт Алимов у главарей моджахедов. Те понятное дело, ухмыльнулись и стали отпускать в адрес командира взвода различные колкости, по поводу того, чем он сможет им навредить после того, как они ему отрежут голову и некоторые другие части тела. Карим дал им насладиться чувством превосходства в сложившейся ситуации и твердо сказал: «Мертвый не сможет навредить или отомстить живому. За мертвых мстят живые. Вы это сами знаете. За нас есть, кому отомстить, если мы погибнем. Придут наши друзья, наши братья. «Блеск» придет, «Рулет» придет, «Банан» придет, «Ампула» придет. Вы знаете, о ком я говорю. От них вы не сможете спрятаться, если они будут искать именно вас. Они найдут и убьют каждого из вас. Они шутить с вами не будут. Кто тогда будет смеяться? Подумайте!» Приблизительно такими словами гвардии старший лейтенант высказал свою мысль, делая особый упор на позывные рот нашего батальона и позывной разведроты нашего полка. В успехе своей миссии Карим не был уве-

рен, но хватался за соломинку, которую ему подкинуло подсознание. Старшие духи подумали-подумали, пораскинули мозгами и... дали первому батальону уйти без боя. Они поверили словам Карима, решив, что проблем у них хватает и незачем обзаводиться столькими новыми кровниками. Мы в это время участвовали в операции за пределами зоны нашей ответственности. Вернувшись и узнав о произошедшем, мы были крайне удивлены и смущены. Но Карим — умница, как ему в голову пришло такое учудить! Сколько жизней спас! Убедил и уболтал бородатых! Случай из серии, когда один в поле воин. Каких только чудес на войне не бывает! Вернемся к бою у Чимтаны. Тоже ведь ситуация не из ординарных. Много в ней заставляет задуматься.

Это, конечно, далеко не единственный пример результативных операций без потерь с нашей стороны, но до такой сумасшедшей рукопашной больше не доходило. Вообще, рукопашная схватка — довольно редкое явление для Афганистана. В описанной схватке нос к носу столкнулись порядка 400 человек. Насколько мы знаем, противник старался избегать этого вида боя, подозревая, а может и понимая, что ствол в ствол, глаза в глаза у него не будет шансов одержать победу.

Тогда, чтобы удостовериться в истинности доложенных результатов операции и самому во всем разобраться, прилетал на место боя начальник штаба Туркестанского Военного Округа генерал-полковник Кривошеев. Судя по его поведению, он был искренне поражен всем увиденным. Генерал Кривошеев приказал построить батальон и, пройдя вдоль строя, лично пожал руку каждому солдату, сержанту и офицеру, пообещав, что все принимавшие участие в этом бою будут награждены орденами и медалями. Но не это обещание окрыляло и переполняло радостью и гордостью наши души и сердца, а то, что мы бились плечом к плечу, не на жизнь, а на смерть, защищая и прикрывая друг друга, и все остались живы и здоровы. Противник тогда не выдержал энергетики нашего напора и дрогнул. Потому что у них каждый сражался сам за себя, а у нас каждый за всех и все за каждого. У моджахедов началась настоящая паника и они бросились врассыпную, беспорядочно отстреливаясь. Ими владела одна мысль — убежать. То, что мы не потеряли ни одного человека, было большим чудом и без Божьего провидения здесь не обошлось. Главным отличием почти всех наших самых успешных операций было то, что командовали нами наши непосредственные начальники. Вторым немаловажным условием было то, что мы не посвящали в свои планы дружественную афганскую армию и госбезопасность. В этих случаях исключалась утечка информации о месте и времени проведения операции. В противном случае, о том, куда мы идем, знали даже маленькие дети из соседних кишлаков. <ИВ>

Александр МАГЕРАМОВ

<http://artofwar.ru/m/maa/>

ВЫВОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН С НАПРАВЛЕНИЯ ШИНДАНД-КУШКА В 1988-1989 ГОДАХ

ОКОНЧАНИЕ

Ведь для нас так и осталось непостижимой загадкой, почему в Афганистан нельзя было завезти в достаточных количествах хотя бы лимонад или минеральную воду в полторалитровых полистирольных бутылках, которой в Туркмении было буквально навалом после открития там соответствующего завода. Ведь наши военнослужащие даже во время нахождения в пунктах постоянной дислокации постоянно хлебали хлорированную воду либо покупали минералку «Боржоми» и лимонад втридорога в афганских магазинах, где иногда подсовывали и отраву. Интересно было то, что в момент завоза товаров в военторг курс обмена «чеков» среди афганцев резко возрастал, и минералку советского производства можно было видеть в свободной продаже только у них! Недаром, похоже, говорится: «кому война, а кому мать родна»! На моей памяти был единственный случай, когда мне в полку досталась по распределению упаковка из 24-х 0,33-литровых банок датского лимонада «Si-si», купив которую, я взял ее на «боевые», а, выпив все банки, мы с экипажем вновь перешли на хлорированную воду. Солдатам не светило урвать даже этого напитка, так же как и югославского лимонада «Рорі», который иногда «выбрасывали» на прилавки нашего локана.

Хлорированная же вода нами потреблялась в просто невероятных количествах: водяную цистерну в 400 литров экипаж из 4-5 человек летом выпивал обычно за 3 дня. Ведь жара, особенно на «иранке» и в Кандагаре, была просто невыносима, до 70 градусов на солнце (а где ты ее на блоке найдешь, тень-то?), БМП при этом раскалялась так, что на ее броне можно было жарить яйца и греть воду. Много пили еще и из-за того, что в 1988 году вновь изменилось мнение советских медиков по проблеме потребления воды: «...в воде себя в жару ограничивать вредно, особенно если в этом нет необходимости». Поэтому пили мы постоянно, конечно, кроме случаев действий в пешем порядке, когда воды, кроме как во флягах, просто не было по несколько суток. А среднестатистический портрет военнослужащего нашего батальона того времени можно было вывести следующий: худой до предела, загорелый до черноты субъект с отвисающим из-за непрерывного потребления воды животом. Мы не узнавали возвращающихся из отпуска товарищей — так они отъедались за месяц-два потребления домашних харчей.

С женщинами у нас проблем тоже не было, у нас в полку их было семь, и все они, за исключением двух официанток из офицерской столовой и библиотекарши, были уже «закреплены» за полковым начальством. Официантки были женщинами независимыми, свободными и, в общем-то, жили с теми, с кем хотели. Главной проблемой для нас было найти время для общения с ними, а также другими представительницами лучшей половины человечества из многочисленных частей и учреждений Шинданда, так как, возвращаясь из очередного рейда, мы после непродолжительных сборов, чередуя-

щихся нарядами и строевыми смотрами, вновь выходили на очередные «боевые».

Отношения между военнослужащими складывались по-разному в различных частях и подразделениях. В полку солдаты офицеров называли шакалами за непрерывные попытки хоть что-то урвать в военторге, отношения между ними строились так, как обычно строятся взаимоотношения между начальниками и подчиненными. Между собой солдаты и сержанты обычно также выстраивали типичные для этой среды отношения, хотя на примере нашего батальона могу сказать, что махровой дедовщины у нас не было. После нескольких «боевых», где я увидел, как пашут старослужащие и за себя, и «за того парня», то есть, за так называемых «чижики», к которым относили всех вновь прибывших, независимо от возраста и воинского звания, я сквозь пальцы стал смотреть на их «подай-принеси-постырай-погладь» в ППД. Увольняемых, особенно в разведке, практически было невозможно заставить что-то делать своими руками, да мы и не сильно к этому стремились, ведь сломав традицию наставничества, мы получили бы ораву бестолковых молодых солдат, по первой команде неопытного командира бросающихся под огонь и на минные поля. А так «чижи» на боевых правом голоса не обладали, сидели молча, готовили еду, снаряжали боеприпасами вооружение и технику, рыли окопы, смотря, что и как при этом делают старослужащие. Или делали то, что им приказывают, а по мере освоения специальности становились «шарунами», начиная вначале понемногу, а затем по-полной программе привлекаться к участию в «боевых». Непригодные списывались в вечные наряды по роте, от них отрешивались и всячески третировали, поэтому вскоре они оказывались в лечебных учреждениях и других «небоевых» подразделениях. А кому будет нравиться живущий рядом с тобой субъект, который не ходит на «боевые» из-за каких-то непонятных «личных качеств», а ты

из-за этого должен нести дополнительную нагрузку?

Зато, когда было необходимо что-то сделать на вооружении или технике, тут альтернативы старослужащим не было. В ГСВГ я тоже служил на БМП-2 и знал, какая это сложная техника. В полку в Перлеберге был только один выпускник Киевского танкового инженерного училища, который ремонтировал блоки ее наведения на интегральных микросхемах, зачастую даже не нарисованных на электронных схемах (нарисован был вход и выход, а вместо микросхемы — пробел). Когда уже здесь, в Шинданде, возникла необходимость восстановления упавшей за два года до того с моста БМП, командир 4-й роты старший лейтенант Толстов посоветовал мне, только что прибывшему в роту, привлечь для ремонта своих наводчиков-операторов рядовых Никитина и Субботина. Зная объем работ, я спланировал, что на ремонт вооружения уйдет до трех суток непрерывной работы, так как в башне не работало ничего и она вообще была сорвана с направляющих. Можете представить мое удивление и восхищение этими парнями-работягами, когда к вечеру они доложили, что БМП заводится и стреляет. И не их вина, что большую часть запчастей на ней поменяли на полуубитые за те два года, что она стояла неисправной в учебном классе.

В полку взаимоотношения строились в зависимости от того, в каких подразделениях служили люди. Самые уважаемые служили в разведке и других боевых подразделениях. Корпоративная солидарность была, в общем-то крепкой и батальонных «молодых» не позволяли обижать чужим дембелям. Оружие при этом каждый чистил сам, и никого нельзя было заставить чистить чужой автомат. Как-то я поставил задачу солдату почистить пулемет военнослужащего, находящегося в наряде по столовой. Посоветовавшись со старослужащими, он пришел ко мне и прямо сказал, что чистить пулемет не будет, так как это обязанность его хозяина, и вообще, поставленная мною задача «противоречит традициям».

Впоследствии я понял, почему так было принято: например, какой-то не в меру ретивый дембель заставил чистить свой автомат «молодого». Что могло помешать обиженному солдату устроить в автомате какую-нибудь неисправность? Например, вынуть фиксатор ударника из затвора или пружину на выбрасывателе. В бою человек с таким оружием, если и останется в живых, то навлечет на себя постоянные насмешки и презрение со стороны товарищей как солдат, не умеющий управляться со своим автоматом. Кому он будет предъявлять при этом свои претензии? То-то!

Вообще, солдаты и сержанты в Афганистане, особенно старослужащие в боевых подразделениях, разительно отличались от тех, кто проходил службу в других регионах страны и Группх войск. Часто ни по внешнему виду, ни по поведению было невозможно понять, с кем ты разговариваешь — с офицером, прапорщиком или с сержан-

том-рядовым. Разительное отличие всех категорий личного состава состояло в том, что они ДУМАЛИ, как выполнить поставленную задачу, и в этот процесс включалось множество факторов, характерных для каждого индивидуума. Одни выполняли задачу, опираясь на знания, другие на опыт, третьи на интуицию, и только успех при выполнении задачи впоследствии влиял на то, что подчиненные впоследствии, НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ, выполняли приказы уважаемого ими командира, за которым они были готовы идти и в огонь, и в воду. Часто солдат или сержант просто направлял неопытного офицера-прапорщика к постановке правильной задачи, не допуская, таким образом, лишних потерь и вообще неудач при выполнении приказа. Если командир в таком случае начинал показывать спесь и свое командирское «Я», сержант мог просто отказаться выполнять заведомо неправильную задачу, доложив вышестоящему командиру, что нижестоящий начальник пытается нарушить его приказ. В таких случаях замкомвзвод мог сказать своему командиру взвода: «Если Вы считаете, что задачу надо выполнять так, то выполняйте ее один, а людьми я вам рисковать не позволю! Я считаю, что выполнение вашего приказа приведет к неоправданным потерям, кроме того, ваш приказ противоречит задаче, поставленной взводу командиром роты!» И я не помню, чтобы тот же командир роты поддержал взводного из офицерской солидарности. Кстати, наш командир батальона капитан Гушин относился именно к такой категории уважаемых офицеров, и в батальоне подобных командиров было довольно много.

Рукоприкладство имело место между всеми категориями военнослужащих, но оно не носило характера одного лишь унижения. Били обычно за конкретные нарушения, когда солдат, несмотря на неоднократные предупреждения, творил что-то непотребное или опасное для подразделения, например, засыпал на посту. Часто приходилось видеть такую картину: командир лупит заснувшего солдата, при этом автомат часового упирается ему в живот. Но никто и никогда у нас не нажал при этом на спусковой крючок. А вот в 1-м батальоне такое было: сбежавшего от расправы за расстрел сослуживцев солдата потом вылавливал в горах наш разведвзвод. Здесь я в основном говорю про свой батальон, так как не знаю наверняка, что творилось в других подразделениях и частях.

Бывало, что у людей из-за постоянного напряжения и ежеминутной вероятности погибнуть или стать инвалидом происходили странные изменения в психике. Однажды один прапорщик после конфликта со своим начальником бросил в его комнату ручную гранату, а потом долго не мог вспомнить, зачем он это сделал и из-за чего. Еще был солдат, который открыл огонь по личному составу своей заставы, ранив двух человек. Я уже молчу, что взрывы в знаменитом полковом туалете типа «сортир» гремели с ужасающей регулярностью, так как отдельные военнослужащие, видимо, из-за необратимых изменений в психике, а может быть из хулиганских побуждений, обвязывали нитками запалы гранат Ф-1, выдергивали чеку и бросали их в зловонную жижу. После перегнивания нитки, а это могло произойти и через несколько лет, происходил взрыв. Хорошо, что у нас при этом ни разу никто не пострадал. Впрочем, с ума в полку не сошел никто, а вот через год во время моей службы в Иолотани среди солдат-десантников 56-й бригады это происходило с пугающей регулярностью. Жара!

Из командования полка огромным уважением пользовался, как я уже писал, сам командир полка и еще замполит, подполковник Турлаков Александр Александрович. Гораздо меньшим авторитетом пользовался начальник штаба подполковник Джантемиров Вячеслав Абильевич из-за того, что он редко ездил с нами на «боевые», и из-за своего мелочного, злопамятного характера. Но, поскольку он вместе с начальником разведки полка майором Мелеховым Ива-

ном Ивановичем (очень хорошим и грамотным человеком и офицером) был непосредственным начальником у всей полковой разведки, с ним приходилось часто общаться. Позже, уже во время моей службы в батальоне, с начальником штаба мы схлестнулись в карауле, когда он во время проверки, уже собираясь уходить, поинтересовался, почему не работает один из трех карманных фонариков, с которыми разводящие ходили на посты. Я был тогда злым, как собака, так как прибывший из очередного загула командир роты, видимо, в благодарность за то, что я вместо него почти два месяца командовал подразделением и ходил на «боевые», поставил меня на Новый год в караул. Подполковнику на его вопрос я ответил, что фонарик не горит потому, что некий высокий руководитель в его лице, который в соответствии с Уставом гарнизонной и караульной службы должен обеспечивать смену материально-технических средств в виде батареек, самоустранился от участия в этом процессе, а решение этой проблемы переложил на начальников караулов. Естественно, Вячеслав Абильевич не смог простить своему подчиненному такого мнения, кардинально отличающегося от его точки зрения, и с наряда меня снял. Кроме того, после моего наглого заявления в карауле были выявлены многие другие недостатки, в том числе, отсутствие у меня личного оружия, за что я даже отсидел впоследствии трое суток на гарнизонной гауптвахте. Так что Новый год я встречал в компании моего однокашника, Павла Лобачева из 3-го мсб, причем настроение было при этом совсем не праздничным.

Ближе к концу января нас хотели отправить на самолетах в аэропорт Кандагара для доставки боеприпасов местному «сарбозовскому» гарнизону, но потом все переиграли, и на «Ариану» полетел 650-й раз-

Бывало, что у людей из-за постоянного напряжения и ежеминутной вероятности погибнуть или стать инвалидом происходили странные изменения в психике.

ведбат во главе с подполковником Мауренко. Несмотря на то, что мы чуть ли не били копытом от радостного ощущения того, что свалим, наконец-то, из ненавистного ППД пусть хоть черту в пасть, ребятам из орб никто из нас не завидовал. Кандагар он и есть Кандагар, там всегда было непредсказуемо, жарко и очень кроваво. Но разведчики с честью вышли из этого крайне опасного мероприятия, потеряв пару самолетов и несколько человек ранеными. Вот что мне написали про это: «По ночам прилетали с Маров транспортники «Аны» по шесть машин, мы охраняли их разгрузку и пинали «дружественную армию» прикладами, чтобы быстрее шевелились на разгрузке и ничего в самолеты не подбросили. Т. к. посадка ночью — вещь сложная, один приземлился весьма жестко: сломал стойку шасси и потерял свой хвост вместе со стрелком. Был еще один самолет (кажется, из Баграма, летающая медоперационная, тоже антоновской марки), стоял с недельку, пока какой-то РС все-таки рядом да попал. Куча пробоин, текущий керосин, короче, и его нам дали на разграбление и уничтожение. Получается два, но их никто не терял, они сами потерялись. Главное, что все живы остались! Да, было одно прикольное «духовское» мероприятие, единственное «яркое» ощущение: через несколько дней они стали подсвечивать аэродром километров с пяти зенитными прожекторами. Ночь превращалась в день».

Когда мы покидали шиндандский гарнизон, военнослужащие разведбата уже возвращались обратно. А покидали мы страну под звуки только что вышедшей в эфир песни «Каскада» с такими словами:

**С покоренных однажды небесных вершин.
По ступеням обустроенным на землю сходим.
Под прицельные залпы наветов и лжи
Мы уходим, уходим, уходим, уходим!**

**Прощайте, горы, вам видней.
Какую цену здесь платили.
Врага какого не добились,
Каких оставили друзей!**

Первую ночь перед самым Гератом мы провели в составе батальона в ротных колоннах. Ночью ударил мороз и выпал снег, поэтому на указанные нам блоки мы выдвигались среди белого безмолвия, глубина снежного покрова достигала двадцати сантиметров. Это было невиданное нами здесь зрелище.

Мы двигались, а стоящая невдалеке батарея «Ураганов» вела огонь через наши головы, мы это мероприятие называли «запуском столбов», так как снаряды к данной реактивной системе залпового огня (РСЗО) диаметром, как мне помнится, в 220 мм, и толщиной и длиной очень напоминали телеграфные столбы.

В Герате мы встали на блоки в 500 метрах севернее моста через Герируд на дороге, засаженной много лет назад соснами, единственными весьма высокими деревьями, которые мне довелось увидеть на территории Афганистана. Там мы и подглядели отношение афганцев к дереву вообще: они отколупывали щепочки от пеньков спиленных сосен в течение очень долгого времени, все глубже и глубже вгрызаясь в землю.

Взаимоотношения на блоке с окружающими нас сарбозами и духами из местного племенного батальона сложились самые теплые. Мы сразу установили контакт с «бридманом» из числа местных духов, то есть лейтенантом (после привлечения их отряда на сторону правительств) по имени Шокур, а на заставы к «сарбозам» несколько раз ходили в гости, на плов. Плов, кстати, у них был отвратительный, состоял лишь из риса с бараньим салом, и в нем напрочь отсутствовали специи. Наши экипажные кулинары — узбеки на блоках делали его на порядок лучше.

Там же, на заставе «зеленых», довелось увидеть взаимоотношения, выстраивавшиеся между военнослужащими афганской армии и внутри афганских семей, а что не удалось увидеть, то по крупницам пришлось домыслить, опираясь на их рассказы. Так, увидев стоящего на одной ноге и при этом радостно улыбающегося солдата с автоматом на вытянутых вверх руках я узнал, что «джек туран», то есть старший капитан, таким образом, наказал его за какую-то мелкую провинность. На мой вопрос, что ему было бы за более серьезное нарушение воинской дисциплины, солдат простодушно ответил мне, что за это командир бы ему устроил «ж... кантрол», то есть, гомосексуальный контакт. Аналогичному «кантролу», по рассказам афганских офицеров, подвергается все вновь прибывающее на заставу молодое пополнение. Кстати, это весьма широко распространенная в Афганистане традиция, которая считается вполне нормальным явлением и сохранилась она, я думаю, чуть ли не со времен владычества в этих краях греков, вначале войск Александра Великого, которому приписывается основание города Герата, затем более чем двухсотлетнего нахождения в составе государства Селевкидов и Греко-Бактрийского царства с Антиохом во главе, а также его потомков. Ведь известно, что у греков любовь к представителю одного пола считалась нормой, ее воспевал Гомер и другие античные поэты, а Селевк был полководцем у Македонского, ему по жребию достались здешние края после смерти Александра.

Однажды после плова, которым нас с рядовым Джумановым уго-

шали «сарбозы», они сели курить гальян с чарсом. Мы отказались курить но увидев лежавшего в углу пожилого афганца, радостно прильнувшего к трубке, мы спросили его, почему он все время лежит обкуранный, ведь я до этого неоднократно видел его в полуневменяемом состоянии. Ответ меня обескуражил. Он сообщил, что ему 40 лет (хотя выглядел на все 60), денег, чтобы купить жену (а это около ста тысяч афгани) у него нет и никогда при таком уровне доходов не будет. Поэтому ему остается только курить... Командир тут же спросил меня: «Командор, чанд аст ханум Москву?» («Командир, сколько стоит женщина в России?») Я долго думал, что ему ответить... Наконец, сказал, что не стоит ничего. Между афганцами произошел диалог с восхищенными интонациями и, наконец, был задан вопрос: «Бакиши?» («Подарок?»). На что я вынужден был ответить утвердительно, так как у нас фактически нет принятого у них процесса купли-продажи дочерей с обсуждением цены. Они опять долго и восхищенно что-то говорили, а затем командир выдал: «Командор, мана Моску бурубахай, туй мана ханум бакишиш (Командир, я приеду к тебе в Россию, ты мне женщину подаришь)?»

Через несколько дней я помог им починить крупнокалиберный пулемет КПВ на установке ПКП, у которого была неисправна боевая пружина, я еще долго пытался объяснить им, что «фонар — хароб!», а они мне все не верили, так как внешне она была совершенно исправной. Видимо, пулемет просто долго простоял с взведенной боевой личинкой и пружина «просела». Когда ее заменили, пулемет застрочил. Сарбозы, чтобы меня отблагодарить и зная мою склонность к экзотическому оружию, сразу приволокли мне кучу всего самого интересного и экстраординарного, чтобы я пострелял из него... Запомнились фирменный немецкий пистолет «Маузер» 1910 года выпуска и винтовка «Пибоди-Мартини» образца 1869 года с патронами, заряжающимися капсюлем, дымным порохом и самодельной пулей из пулелейки так же, как снаряжаются патроны к охотничьему ружью...

Трепетное отношение в Афганистане к женщине я видел часто, но самым ярким примером был «дед» по кличке Бобо в Фарахе. Это был мужчина лет 50-ти, выглядевший, тем не менее, уже дряхлым стариком (афганцы вообще очень быстро стареют). Незадолго до нашей первой встречи он, наконец-то, накопил деньги и купил себе ханум лет двенадцати. Он буквально трясся над нею, только что пылинки с нее не сдувал. Такого внимательного и предупредительного мужа я не видел ни у одного представителя других национальностей у нас в Союзе. На мой недоуменный вопрос он сообщил, что у него никогда не было близких родственников и он всю свою жизнь сам копил деньги на жену, и вот, наконец-то, свершилось, и он ею обязавелся! Теперь она должна в течение последующих 10-15 лет родить ему 10-12 детей. «А если она заболит и умрет, — спросил он меня, — что я тогда буду делать? Я ведь НИКОГДА больше не смогу собрать еще столько же денег на жену!» И я был вынужден с ним согласиться. Жена, самая захудалая, у них стояла около 100 тысяч афгани (столько же стоил пакистанский АКМ, что-то около 2 тысяч долларов), но цены на женщин варьировались в зависимости от места жительства и степени богатства ее родных, цена доходила, по словам афганцев, до 250 тысяч и выше. У многих афганцев, которых я знал, в жизни было расписано буквально все: «...в день одна пачка сигарет и коробок спичек, вот деньги на еду и чарс, а все остальное — на жену, при таком раскладе через 15 лет я ее куплю». Хотя были и мальчишки из богатых семей, которые уже в 13-14 лет имели ханум, купленную родителями или родом в складчину. А вообще, распросы на эту тему, так же как неуважительное отношение к женщине, немедленно пресекались афганцами всех возрастов, разговаривать об этом можно было только отвлеченно, не имея в виду сестру, жену или мать собеседника. За это

можно было получить и пулю. Не знаю почему, но наши представители среднеазиатских республик, а их в роте было большинство, часто задавали такие вопросы, хотя сами считали себя мусульманами. И я, зная, что дело может кончиться перестрелкой даже с человеком, с которым вы только что разве не обнимались, пресекал такие разговоры и всячески старался сгладить ситуацию.

Жизнь свою афганцы всегда были готовы отдать очень легко, особенно, если это будет смерть от пули или ножа — я, в данном случае, говорю о мужчинах. Впрочем, жизнь мальчишки в афганских семьях не стоила почти ничего: однажды за случайно задавленного бачу нашим «колонникам» было достаточно отдать родителям ящик тушенки, и они уже не имели к ним претензий. С девочками, случайно убитыми нашими, все было дороже в разы, вернее, на порядки, так как представительницы прекрасного пола были в семьях часто единственным капиталом, и поэтому очень ценились. Я никогда не забуду, какой ненавистью загорелись глаза одного афганского офицера в Герате, когда я спросил, почему у него только двое детей. Он ответил: «Мина... прилетела во двор крепости, и убила моих девочек... Я теперь, когда душмана ловлю, режу его... вот так...» — и показал, как он расчленяет «духа»... Жив ли он, поверивший болтунам из нашего высшего руководства, этот давно уже позабытый мною афганский офицер? Вряд ли!

Пару раз нас на блоке все же обстреляли, а вот между собой «духи» сражались почти непрерывно, к западу от дороги практически постоянно гремела канонада, причем в ней участвовали все виды стрелкового и тяжелого вооружения «духов». Седьмого февраля мы попрощались с афганцами — я подарил Шокуру на память свою портупею, на которую он давно положил глаз и неделю уговаривал ее продать — снялись с блоков и начали выдвижение в направлении Союза. Прошли Герат, преодолели участок до развилки на СССР и Иран и вскоре прошли так называемый перевал Рабати-Мирза. «Так называемый», потому что, несмотря на то, что мы его много раз до этого проходили, я так и не смог его ни разу зафиксировать, а перевалом мы его звали потому, что на картах он был обозначен именно так.

К вечеру мы добрались до Торагунди, но остановились на дороге, не доезжая до этого не крупного городка. Справа от нас текла река Кушка, а за нею была видна наша Родина, треугольником вдававшаяся в афганскую территорию. Мы встали в ротные колонны, присоединившись к вставшим там ранее машинам наших боевых товарищей из 3-го батальона 101-го полка и 650-го разведбата нашей дивизии. Именно с ними мы прошли весь наш трудный боевой путь, не пропустили, наверное, ни одной операции, кроме последней, проведенной орб в Кандагаре, не раз помогая друг другу и выручая в тяжелые моменты боя. Было глубоко символичным, что и теперь мы

стояли рядом, плечо к плечу. И пусть мы были почти незнакомы друг с другом, но эти три подразделения всегда, не задумываясь, приходили друг другу на помощь, если решение вопроса зависело от них. Вскоре разведбат ушел на блоки вокруг нашего района сосредоточения, а у оставшихся двух подразделений наступил период непривычного безделья. Мы пропустили все подразделения, выводившиеся в Союз, в том числе вышедшую 7.02 разведроту нашего полка, и здесь же выполнили последний и самый непонятный для нас приказ вышестоящего командования о разоружении наших подразделений. Связано это, как впоследствии оказалось, было с тем, что до руководства страны дошла информация, что некоторые части, зная о творимся на Родине беспределе, решили продолжить войну на территории нашей страны. Это, конечно, было полной чушью, но нам было приказано свалить в КАМАЗы все боеприпасы, а оставить только по несколько магазинов у командиров взводов и боеприпасы, снаряженные в ленты боевых машин. На моих глазах батальон быстро набил с верхом два грузовика — чего только там не было из трофейного вооружения: американские и бельгийские шариковые ручные гранаты, китайские разрывные патроны к АКМ с черной головкой, итальянские и американские противотранспортные и противопехотные мины, пластит зарубежного производства — можно было устраивать экскурсии для непосвященных. Потом все это вместе с нашими боеприпасами вывезли к ближайшим горкам, свалили в яму, залили бензином из топливозаправщика и подожгли. Особисты вывозили в Союз кривые восточные сабли, пики, кремневые пистолеты и ружья. Мы же из трофейного оружия не везли для себя ничего, так как нас очень долго страшали последствиями этого еще в Шиндане. Здесь же нам выдали новую зимнюю «афганку», чтобы на выходе у нас был более респектабельный внешний вид, вручили Грамоты Президиума Верховного совета СССР и наручные часы от министра обороны СССР. Попутно нам привезли красные плакаты с угодными политическому руководству лозунгами, которые были закреплены на машинах...

14-го февраля мы сели на броню своих стальных коней и стали вытягивать колонну в сторону Торагунди. Вскоре мы приблизились к мосту через реку Кушка. Мы шли, повторяя про себя актуальные для сегодняшнего дня слова полюбоившейся с недавних пор песни:

**Нам вернуться сюда больше не суждено.
Сколько нас полетало в этом долгом походе.
И дела не доделаны полностью, но —
Мы уходим, уходим, уходим, уходим...**

Слева от нас проплыла база, на которой мы полгода назад жили во время сдачи техники в капитальный ремонт и где впервые на территории Афганистана мы с бойцами пару дней спали в обычном гостиничном номере с душем и полированными деревянными кроватями, а вскоре граница СССР нами была преодолена. Ветер дул нам в лицо, из глаз почему-то текли слезы, и всем было непонятно, то ли это из-за радости от встречи с Родиной, то ли из-за горечи оттого, что мы ушли, не добив ТАКОГО ВРАГА! Мы увидели пограничника в зеленой фуражке, стоящего на вышке у реки, мужчин, махавших нам руками, и женщин, которые по всегдашней своей сострадательности стояли и тихо плакали. Вскоре мы уже стояли в ротных колоннах возле самого гарнизона.

На Кушке нас разместили в «Большой пехоте», как там называли единственный «развернутый» мотострелковый полк, на том же самом месте стоял наш 371-й мсп в 1979 году, отсюда он вошел в Афганистан и сюда же через десять лет вернулся! Перед уходом в казармы мы сдали последние оставшиеся у нас боеприпасы, выгрузив их из

машин и «лифчиков» командиров взводов, и постепенно разбрелись по всему городу. Вскоре почти весь наш батальон дружно сидел в местном кинотеатре, смотря фильм «Маленькая Вера», шум вокруг которого тогда был грандиозный. На следующий день командир батальона капитан Гушин С.Н. вновь «ввел» на территорию Афганистана нашу 5-ю роту, и вскоре она обозначила вывод советских войск из РА вместе с представителями 3-го мсб 101-го мсп и 650-м орб. Про это пишет в своем письме Майзер Бекаури из разведывательно-десантной роты разведбата: «Я из РДР ВСР (взвода спецразведки), 1987-1989, выводился 15 февраля на последней своей «двушке» №738 «Имени павших 4-го апреля 1986 года». После этого был грандиозный митинг с безалкогольным застольем, впрочем, мы быстро исправили этот его недостаток, а ближе к вечеру началась сдача оружия, имущества и техники взводов и рот. Тогда же мы безуспешно пытались найти контейнеры с японской аппаратурой, много раз обещанной нам начальниками самых высоких рангов еще в Шиндане и, якобы, поэтому не завезенной в Афганистан, но вскоре прекратили этот поиск, так как поняли, что нас в очередной раз кинули. Я поменял все свои наличные чеки Внешпосылторга с красной полосой в количестве двух или трех тысяч на советские рубли, то же сделали другие военнослужащие и начали грандиозный процесс празднования вывода. В тот момент я уже знал, что меня вывели за штат вновь сформированного на нашей базе и базе «Большой пехоты» полка, и вскоре вместе с моими друзьями из Иолотани, сдав дела и должность, отправился к ним в гости.

Друзьями были Андрей Радченко из Белгородской области, с которым мы летели в Афган год назад, и Володя Филимонов из Полтавы, сейчас они служили в 56-й десантно-штурмовой бригаде в Иолотани. В 1979 году там располагался 101-й мсп нашей дивизии до ввода его в Афганистан, в 240 километрах к северу от Кушки, причем оба друга

**Жизнь мальчишки в афганских семьях
не стоила почти ничего: однажды за случайно
задавленного бачу нашим «колонникам» было
достаточно отдать родителям ящик тушенки.**

специально приехали, чтобы встретить меня на границе. В полк я вернулся через две недели с «отношением» этой прославленной части для того, чтобы попрощаться с друзьями и забрать вещи. Ташкентский «направленец» прямо на коленке выписал мне предписание следовать «...для прохождения дальнейшей службы» в Иолотань. Командир 3-го взвода нашей роты и самый преданный мой друг Санька Слободенюк пошел проводить меня на автобус... Мы уже знали, что наши пути расходятся, может быть навсегда, я ехал в назначенную мне десантно-штурмовую часть, он — в назначенную ему мотострелковую. В последний раз я взглянул на окружающий меня военный городок, его зеленые уютные дворы, «Южный крест», возвышающийся над военным городком нашего полка, и сказал: «А все же это счастье, что мне довелось здесь послужить!» Впереди у меня была новая, полная приключений жизнь. Мы обнялись с Александром. Так для меня закончилась эта первая в моей жизни война. <ИВ>

Использованная литература:

- 1) Афганистан болит в моей душе, М., «Правда», 1989;
- 2) Личный архив Александра Магерамова;
- 3) Гомер. «Илиада»;
- 4) Воспоминания Шухрата Фархадовича Мусаева
- 5) Воспоминания Дмитрия Маслака;
- 6) Элиан. «Пестрые рассказы», М.-Л., «Наука», 1964;

Аркадий БАБЧЕНКО

http://artofwar.ru/b/babchenko_a_a/
<http://www.navoine.ru/authors/babchenko-arkadiy>

ФИШКА

Царёв, как всегда, уснул на фишке. Тело вдавлено в диван. Голова лежит ровно. Глаза закрыты.

Я захожу в комнату, аккуратно, по шажку, стараясь не давить сапогами стекло. Два окна дают слишком много света; ближайшая пятиэтажка метрах в пятидесяти прямо перед нами. Все простреливается. Но другой квартиры у нас нет.

Убили, нет? Интересует это меня исключительно с одной точки зрения — запалил ли Царёв фишку...

Толкаю его стволом автомата. Живой. Открыл глаза.

Не запалил.

Бью ладонью в лоб:

— Иди на х...р отсюда, оп...здол. С...ка, ты нас всех убьешь когда-нибудь, п...дрила.

П...здить его нет никакого желания. Усталость в теле такова, что лишний раз не поднять веки. Спать хочется невыносимо, во рту сладко до приторности. Тошнота и озноб. Сдохнуть бы сейчас, чтобы все наконец-то закончилось.

Да и бесполезно его п...здить. Он всегда засыпает. Ну, не может человек стоять на фишке, ничего не поделаешь, просто садится и закрывает глаза. Сам все понимает, но вырубается. Это сильнее его. Его уже и прикладами валдохали, и ногами топтали всей кучей, и лицо разбивали без счета — без толку.

Не любят Царёва во взводе. Когда-нибудь его все же зап...здят до инвалидности.

Впрочем, так всем лучше будет. И ему, и нам.

От осветительных ракет по двору пляшут тени. Танцы преисподней.

Два дня назад выпал снег. Разбитый город подновился, побелел, стал не так инопланетен.

Убитый вчера Эмилем пес валяется посреди двора. Не сожрали. Я думал, вылезет кто-нибудь из подвалов. Либо собаки, либо люди. Живут здесь ещё. Да вчера и сам хотел освежать, пока теплый был, но привезли сечку, а завтра разделять поздно будет, к утру совсем задеревенеет.

Ни звука. В пятиэтажке напротив должно сидеть отделение снайперов во главе с Лебедем. Приказ ротного. Они уходят туда по темноте с задачей отстреливать противника и возвращаются с рассветом слегка ополоумевшие. За три дня, что мы стоим здесь, так ни разу не выстрелили. Просто уходят, запираются в какой-нибудь комнате и не дышат. Вчера их лежанку кто-то перевернул. Штык-нож оставил: уронил, видимо. Руку даю на отсечение, что с темнотой в эту же пятиэтажку с той стороны приходят и чехи. Сегодня Лебедь будет менять диспозицию. Пятиэтажку эту он ненавидит так, как человек вообще-то ничего ненавидеть не может. Каждую ночь стареет лет на десять.

В следующей пятиэтажке мы, десять человек. А за нами уже — рота, человек сто. Пройти можно, открытого пространства метров двадцать всего получается. Изредка постреливают, сидит там один с берданкой, но еще ни разу не попал. Самое поганое — идти через подсобки магазина. А ходить приходится: я за командира взвода, а ротный каждый вечер к

девяти вызывает на совещания. Да и аккумуляторы на станции менять надо.

Справа с гулом догорает частный дом. Вместе с ним — семь человек. Поначалу из огня еще слышались крики. Убил их Алик, чеченец из ополчения Гантамирова, часа полтора назад. Отморозок полный. Девять лет уже воюет. С девяносто первого. Две «Отваги». А самому не больше двадцати пяти. Получилось все как-то по-дурацки просто. Шел мимо, увидел свет, услышал голоса, пересчитал, вмазал из «мухи». Даже раненых достреливать не пришлось. Из дома никто не выполз. Поорали минут несколько, потом перестали. Если бы не Алик, мы бы их не заметили — под боком сидели, но далековато все же, не слышно. Может, ушли бы, черт его знает. А может, сегодня в наше окно вмазали бы. Тоже достреливать бы не пришлось.

Снег, снег, кругом снег... Он лежит и в комнате. Под окнами намело маленькие сугробики. На книгах, на шкафах, на креслах, на человеческих вещах, которыми совсем недавно пользовались люди, снег лежит ровной тонкой порошей.

Снег внутри человеческого жилья. Снег и холод. Странно это. Неправильно.

Жили здесь чеченцы. Бедные чеченцы. Почти как русские.

Миномётчики начинают заградительный огонь. Разрывы методично хлопают во дворе. Становится спокойнее. Через минометный огонь по двору, да еще и освещенному пожаром, точно не полезут. Не додумались мы, конечно, — надо бы каждый вечер по дому поджигать. Их здесь много, на неделю хватит.

Мины ложатся плотно. И часто. И кучно — все в одну линию, без недолетов. Впрочем, недолеты нам сейчас не страшны, все отделение утробовалось в ванную, окон там нет.

Хорошо работают миномётчики. Молодцы. Вот бы до утра так.

Одна мина не разорвалась. Пропрыгала через двор, крутятся и отскакивая от мерзлой земли. Упала под ногами — в шести метрах внизу и в десяти в стороне.

По снегу хрустят чьи-то шаги. Показалось? Показалось...

Нет, хрустят... остановился... ждет... опять пошел... Нет, все-таки кажется... Или ходит?

А, хрен его знает. Беру гранату, разгибаю усики, скатываю по ладони вниз. Даже со стула не встаю. Взрыва в минометном огне почти не слышно. Веер осколков шуршит по стене. РГО. Ручная оборонительная. Кидать из укрытия. Под тысячу малюсеньких иголочек на расстояние метров пятидесяти. Если в подвал кинуть, то стены — как будто усердный поп полчаса кропил веником сверху донизу.

Больше не ходит. Или больше не кажется... какая на хрен разница... так спокойнее... утром посмотрю... да наверняка крови не будет, невроз это...

Ставлю пулемет на комод. Сошки скользят по лаку.

Еще четыре часа.

А там утро. <ИВ>

Рустем БИЗЯНОВ

http://artofwar.ru/b/bizjanow_r_r/

ЧЕЧЕНСКОЕ ТАНГО

ОКОНЧАНИЕ

ГЛАВА 9

Кроме взвода капитана Колоскова на этой улице устраивалось еще несколько подразделений, оснащенных БТрами и БМП. На помощь окрывающимся вызвали экскаватор и тягач-бульдозер из инженерно-саперной роты. Тягач сделал капониры под боевые машины, а экскаватор принялся за блиндаж. Саперы со своей работой управились быстро — за какой-то час три окопа под бронетехнику украсили улицу.

Нам под блиндаж тоже вырыли яму. Осталось сделать только крышу. В соседнем дворе мы нашли трубы и перекрыли ими яму, сверху положили гаражные ворота. На эту кровлю еще накидали земли. Конечно, это сооружение никак не подходило под определение «блиндаж», но проверять качество вряд ли будут.

Все блиндажи и окопы расположили по краям дороги, поэтому теперь проехать по ней могла лишь одна машина.

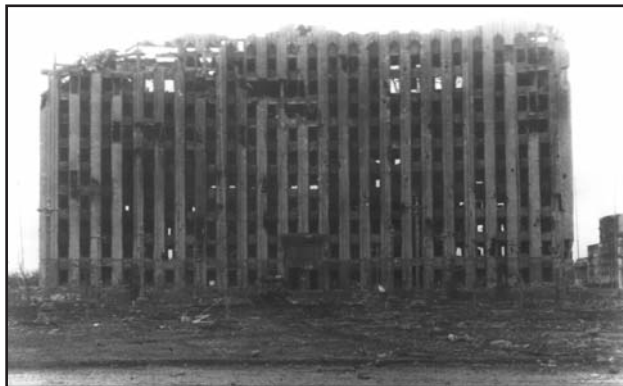
После работы мы с Куловым решили сходить в больничный комплекс за продуктами и спальными мешками. Кузя и Снайпер отправились за продуктами во двор пятиэтажки, Марат и Бармаков остались на посту.

Мы с автоматами наготове, внимательно осматриваясь, отправились в больничный комплекс. Шли по дороге, усеянной воронками — по ней не так давно драпали из больницы.

Наконец, дошли: на выезде поперек дороги стоит БРДМ, уже подернутый ржавчиной. Обошли железный труп и через пролом в заборе забрались во двор больницы. Кулов полез в здание осматривать комнату, а я остался во дворе.

Ноги сами повели меня по пустынному двору. Сейчас он напоминал кладбище. Ко всему мусору, валявшемуся на земле, добавились куски черного металла и окровавленные куски мяса, еще не растащенные бродами собаками.

Вдруг я со всего размаху шлепнулся лицом в грязь. Встал и посмотрел обо что споткнулся: оторванная по плечо почерневшая и окоченевшая рука. Из оторванного рукава бушлата виднелась с одной стороны ладонь со скрюченными пальцами, а с другой торчала кость, окруженная лох-

мотьями мяса и ваты. Между указательным и большим пальцами виднелась накладка: буква А в окружении лучей. Я с трудом сглотнул подкативший к горлу комок, рванул бегом в здание больницы.

— Ну и видок у тебя, — удивился Кулов.

— Там рука лежит, — хрипло сообщил я. — Пацан с нами ехал, я его по накладке узнал, а лица вот не помню.

Заглянул в комнату, из которой Кулов уже вышел. На полу куча штуртки, из нее торчали куски обугленного дерева, в потолке зияла огромная дыра.

— Марат, валим отсюда, — сказал Кулов, — а то стемнеет скоро.

Пошли обратно к посту. Возвращаться решили по другой улице, чтобы заглянуть в какой-нибудь дом и взять там матрасы. Перешли на параллельную улицу. Дома здесь были все пятиэтажные.

Мы шли друг за другом и разговаривали вполголоса.

— Слушай, Марат, — позвал Кулов.

— Че? — я повернул голову к Кулову, и в этот миг почувствовал, как что-то просвистело рядом с ухом. В этот момент мы проходили мимо пятиэтажки.

Я инстинктивно повалился на землю и открыл огонь из автомата по окнам верхнего этажа дома. Кулов тоже стал стрелять, присев на одно колено. Вначале он хотел подбежать к стене дома, чтобы выйти из сектора обстрела, однако потом решил остаться рядом.

За несколько минут мы оба отстреляли по четыре рожка — все снаряженные обоймы. Как только автоматы замолчали, мы замерли. Тишину, наступившую после оглушительной стрельбы и звона разбитых стекол, нарушил только один звук, заставивший вздрогнуть обоих. Глухо звякнул металл.

Из окна на четвертом этаже вывалилась снайперская винтовка без оптического прицела и упала на асфальт. В проеме окна виднелся человек, сидевший в неестественной позе на подоконнике. Не сговариваясь, одновременно мы направились в подъезд дома. Здесь перезарядили рожки. На четвертом этаже осторожно осмотрели все квартиры. В одной из них, в комнате, выходящей окнами на улицу, увидели мальчишку, сидевшего на подоконнике. Он сидел, подогнув ноги под себя, привалившись телом на раму. Кулов потянул за кожанку, одетую на убитого, и тот рухнул к его ногам.

— Лет четырнадцать, наверно, — сказал Сергей, рассматривая лицо мальчика, залитое кровью: пуля попала ему прямо в переносицу.

— Интересно, кто из нас его грохнул, — сказал я в ответ и подошел к окну, — мы слишком близко шли к дому, ему пришлось встать на подоконник, чтобы стрелять в нас.

— Нам повезло, что это сопляк, он успел сделать всего один выстрел.

— Да, профессионал положил бы обоих.

— Ладно, пошли отсюда, — предложил Кулов.

— Стой, матрасы возьмем, я не собираюсь мерзнуть из-за этого уроды, — возразил я. Какая-то ярость овладела мной: дал очередь в телевизор

стоявший в углу, потом схватил торшер и с размаху разбил его об стену. Кулов в это время расстреливал хрустальную посуду, стоявшую в серванте.

Отвели душу, снова перезарядили обоймы и ушли, забрав с собой по два матраса. На улице я подобрал винтовку, взял ее за ствол и с размаху стал бить об стену то тех пор, пока деревянные части не отвалились, потом выгнул затвор и выкинул ставшее бесполезным оружие в канаву. До блокаста уже пришлось бежать.

Там нас уже ждали: Кузя со Снайпером притащили с собой ведро с супом, сваренным тыловиками на походной кухне, хлеб и сигареты. Ждали только нас с Куловым.

— Ну, пацаны, надо согреться, — сказал Кузя и достал алюминиевую канистру.

— Че, пойло приволок? — оживились мотострелки.

— Ну, мы вот со Снайпером в один подвал заглянули, там всякие соленья были и вот это, — Кузя приподнял канистру.

— Ну-ка, — схватил канистру Бармаков. Он отвернул крышку и налил в пиалу, подставленную Куловым, красную жидкость. Кулов понюхал жидкость и резюмировал:

— Вино, кажется.

— Ну, давай, не тяни, — Кулову протянули соленый огурец из банки, которую заодно с канистрой притащил Кузя.

Кулов выпил, закусил огурцом и стал хлебать суп прямо из ведра.

После ужина разделились на две смены. Каждой выпадало по четыре часа дежурства.

Первая смена осталась в доме, а вторая спустилась в блиндаж. На пост заступили Кулов, Бармаков и я.

Расположились у окон, каждый у отдельной стены, за четвертой глухой стеной без окон стояла командно-штабная машина. Пока мы ходили за матрасами, Бармаков получил у Романенко ящик гранат и два цинка с патронами. Каждый взял по одной гранате, остальные положили в окопчик, специально вырытый под боеприпасы.

Ночь, тем временем, вступила в свои права. Новогодняя ночь по старому календарю.

Я устроился у окна, выходящего на дорогу. На другой стороне дороги виднелся гараж, в нем расположился соседний пост. Блиндажи обоих постов были расположены также напротив друг друга.

Занялся чисткой своего автомата, благо, ночь выдалась светлая. Вместо оружейной смазки пришлось использовать смесь солиarki с машинным маслом, которую выпросил у механика командно-штабной машины. Кулов с Бармаковым осторожно курили, пряча огонек сигареты в кулак, и разговаривали вполголоса. Я слушал их разговор и шу-

вал шомполом в стволе «калашника».

— Слушай, Леха, — так звали Бармакова, — ты знаешь, какая ночь сегодня? — спросил Кулов.

— Не-а, — вяло промычал тот в ответ.

— Старый Новый год.

— Ну и че, — также вяло спросил Леха.

— Че-че, через плечо, в Новый год че было, забыл?!

— А-а-а, думаешь, и сегодня так будет?

— Не знаю, но надо ко всему быть готовым.

Я собрал свой автомат и тоже закурил. Все было спокойно: сегодня нам приказали, прежде чем стрелять, спрашивать пароль.

Мы не всегда это делали, знали: чеченцам зачастую известны все коды, акцент не выдавал боевиков из-за того, что в их рядах появились русскоязычные наемники.

Чтобы разогнать сон, начинавший одолевать, я вышел на дорогу и натянул через нее проволоку. Довольный своей придумкой, вернулся на свое место.

— Надо все-таки отметить старый Новый год, — подал голос Бармаков.

— Как, — хором спросили Кулов и Марат.

— Ракетами сигнальными, у меня две штуки есть.

Предложение Бармакова было принято с одобрением: среди ракет, постоянно взлетающих то там, то тут, эти не вызвали бы подозрений. Как только часы Бармакова показали полночь, все трое выпили вина, после чего запустили ракеты. Опасения были напрасны: со всех постов вверх взвились ракеты, поднялась стрельба из всех видов оружия, трассеры огненными стрелами перерезали небо. На всех постах стали орать. Кулов с Бармаковым поддержали эту какофонию криками и стрельбой. Только я не стал стрелять — не хотелось еще раз чистить автомат.

— Бл...ть! Че это такое?

Донеслись проклятия, подкрепленные трехэтажным матом: кто-то споткнулся о проволоку, перетянутую через дорогу. Я увидел офицера, вдрызг пьяного, с трудом поднявшегося после падения.

Это был начальник тыловых служб; я не знал, на какой он должности, но ему подчинялись все тыловики, которых я видел. В отличие от других офицеров, он не скрывал знаков различия — на его погонах красовались майорские звезды. Он всегда пренебрежительно относился к своей безопасности и безопасности своих людей, но ему все время везло, а ведь он участвовал в этой аванюре с самого начала, при этом умудрялся сохранять ухоженный вид и чистоту.

По всей видимости, храбрый майор шел к капитану Колоскову: с собой у него было две бутылки водки. Ни автомата, ни бронежилета у него не

было. Я преградил ему путь:

— Стой. пароль!

— Какой пароль, военный, зенки протри, не видишь, кто идет! — про- бурчал майор, и, не обращая больше никакого внимания на меня, пошел дальше.

Бармаков сообразил, что лучше майора отвести самим, поэтому пошел его провожать. А я вернулся в дом. Как только Бармаков вернулся, заступила на пост вторая смена.

ГЛАВА 10

А я им пел рок-н-рольные песни.

Говорил: «все будет нормально».

И я кричал им, что мы все вместе.

Да как-то слышалось это банально.

Ю. Шевчук

Как мы попали в плен, я так и не понял. В комнате полуразрушенного дома нас было около десяти человек. Черные прокопченные лица, грязные бушлаты, испуганные глаза.

Мы сидели и прислушивались к гортанным голосам доносившимся из-за стены. Где-то вдалеке слышались редкие выстрелы и короткие очереди. Я встал и на плохо слушающихся ногах подошел к разбитому окну. На улице никого не было. «Здесь мне не жить», — запульсировала в голове мысль, вспомнились рассказы солдат, побывавших в плену и чудом вырвавшихся из лап боевиков. Я медленно выбрался в окно — мои товарищи даже не обратили на это внимание: они сидели и отрешенно смотрели на противоположную стену.

Я медленно, шатаясь, пошел по незнакомой улице куда глаза глядят. «Раз, два, три, раз, два, три» — тупо повторял я про себя и шел, шел, шел. Я ждал, что вот-вот и крикнут: «эй, куда пошел, русская собака!». Но все пока тихо. Вот послышался странный звук, похожий на писк шенка.

Подошел к полуразрушенному саманному домишке без крыши и заглянул в пролом. На куске ковра лежал маленький годовалый ребенок. Когда я подошел, малыш замолчал и посмотрел на меня черными глазенками.

— Ах ты, горемыка, — зашептал я и подполз к ребенку на карачках. Трясущимися руками я стал заворачивать маленькое тельце в одеяло, которое он раскрыл, когда дрыгал ручками и ножками.

— Что ж я, дурак, делаю? — пронеслось в голове, — это же, наверняка, чеченец, — тем временем малыш совершенно успокоился и стал засыпать у меня на руках.

Я растерялся: бросить? Зажмурился передо мной возникли темные глаза малыша. Нет, я не смогу жить и видеть каждую ночь эти глаза.

— А кто тебе сказал, что ты выживешь? — спросил внутренний голос.

— Но он же маленький, — возразил я.

— А ты что же, большой? — с ехидцей возразил мой собеседник, — брось гаденыша, спасайся сам!

— Не могу я. Почему мне попался этот малыш?

Борясь с самим собой, я поднял ребенка и снова пошел по улице. Он на удивление был тих и спокоен у меня на руках: он заснул так, как будто был на руках отца.

Ладно, убьют, так пусть нас вдвоем убивают, решил я. А если спасусь, значит и ему судьба такая же.

Вдруг меня окликнули: «Эй, парень!» Я мгновенно покрылся холодной испариной. Голос был женский, но это еще ничего не значило: чеченские женщины, как мне рассказывали, в попытках пленных бывали зачастую еще изощренней мужчин.

«Ну, че встал, как баран?!» — снова окликнули меня, я повернулся всем телом и увидел немолодую уже женщину в платке. Она сурово смотрела на меня, однако, увидев, что у меня в руках, запричитала что-то по-

своему.

Женщина стояла в проеме калитки, за ее спиной виднелся полуразрушенный домик.

Она поманила меня рукой, и я, как под гипнозом, пошел за ней.

В доме она поставила на стол тарелку с какой-то снедью, которую я тут же, обжигаясь и не разбирая вкус, съел. Женщина, тем временем, ловко перепеленала ребенка и покормила его какой-то снедью. Малыш опять заснул.

Женщина молча вручила сверток мне.

— Куда мне его? Я же солдат!

— Аллах поможет, иди.

Она вытолкала меня на улицу, и я снова побрел куда глаза глядят. Но на улице по-прежнему никого нет. На негнувшихся ногах я шел и шел. Пока, наконец, не добрался до какой-то площади. На краю стоял «уазик», рядом копошились люди в форме. Я направился к ним, они заметили появление незнакомого бойца, но почему то не удивились. И тут раздалась стрельба.

Я проснулся — Кузя разбудил всех стрельбой.

— Ты че, — поднял голову Бармаков.

— Вставайте жрать.

Днем службу было нести легче, нападений, как правило, не было. По улице ходили солдаты, гражданское население здесь почти не появлялось — слишком близко от президентского дворца.

Я просто смотрел на дорогу, по которой время от времени проходили солдаты или проезжала бронетехника.

— Слышь, Марат, глянь-ка, — позвал Кулов.

Подошел к Сергею и заглянул в окно, через которое тот вел наблюдение.

Мы увидели, как прямо по середине улицы шел человек, одетый в камуфляж, на голове — черная шерстяная шапочка. Он нес на плече большой черный футляр от гитары. Лицо его показалось мне знакомым. На вид ему было лет тридцать, лицо окаймляла черная щетина, а круглые очки придавали ему добродушный вид. За ним шли еще какие-то люди, один из которых нес на плече видеокамеру и, видимо, вел съемку. Их сопровождали здоровые парни в спецназовской форме и бронежилетах. Когда группа миновала дом, где был расположен наш пост, из гаража с соседнего поста выскочил солдат. Он подбежал к Кулову и закричал:

— Вы знаете, кто щас прошел?

— Кто? — спросили заинтригованные его возбужденным состоянием бойцы.

— Шевчук!

— Какой Шевчук?

— Какой-какой — из ДДТ! — воскликнул солдат.

— Точно, а я смотрю, рожу у него знакомая, — пробормотал я.

— Интересно, че он здесь делает, — поинтересовался Бармаков.

— Концерты дает.

— Вот бы послушать, — мечтательно сказал Кулов.

— Обломитесь, ребята.

— Че он, не поет что ли, — возмутились мы.

— Петь-то он поет, да кто вас к нему пустит... Я вот вчера в гости ходил к одному дружбану, они штаб полка охраняют, ну и задержался там, а тут какой-то офицер привел туда Шевчука, к нам сразу толпа стала ломиться, но больше никого не пустили.

— Кто?

— Офицеры, самих-то их знаешь, сколько было!

— «Осень» пел?

— И «Осень», и «Родину», я вот у него автограф взял, — солдат показал свой блокнот.

— Везет, — с завистью произнесли мы.

Пока разговаривали, я взглянул в сторону больничного комплекса, за

которым располагался президентский дворец, и заметил как что-то пролетело по небу по параболической траектории и упало в направлении президентского дворца. В тот же момент по небу прошла радуга и качнулись верхушки деревьев, торчавших над домами, и только после этого донесся звук взрыва.

— Пацаны, в укрытие, — кричал я. Все ринулись в блиндаж.

Обстрел, вопреки ожиданиям, прошел спокойно. Выждали некоторое время и покинули укрытия — приступили к охране. Опять засели в доме.

Потянулись серые будни. Однажды Кулов, не унывающий ни в каких ситуациях, предложил пострелять, потренироваться. На глухую стену повесили календарь, найденный в соседнем доме, с изображением китайской девушки. Расстояние, правда, небольшое, но это решили компенсировать тем, что будем стрелять по ее глазам. Каждый сделал по выстрелу, и плакат превратился в решето. Это развлечение скоро наскучило, поэтому принялись соревноваться, кто быстрее набьет патронами рожок или разберет и соберет автомат.

Так и проходил день за днем.

Как то утром всех собрали во дворе дома, где жили Романенко и Колосков, на постах осталось по одному человеку.

Солдаты построились в две шеренги перед своими командирами: Романенко стоял перед строем, а Колосков сидел на табурете за его спиной. Лицо его, как обычно, ничего не выражало.

По лицу Романенко, наоборот, можно было прочитать, как по книге, что он сейчас в ярости.

Взвод притих, предчувствуя бурю. Сержант, как положено по уставу, дал команду «смирно», подошел к Романенко и доложил. Командир в таких случаях принимает доклад, здоровается с солдатами и отдает команду «вольно», после чего следуют сообщения или приказы, которые командиру нужно довести до личного состава. Сержант обычно оставался рядом с командиром.

Сейчас Романенко принял доклад и приказал встать в строй сержанту.

— Че расслабились, уроды? — спросил он вместо приветствия, — вы же, не въехали до сих пор, где вы находитесь? — заорал побагровевший Романенко.

— Почему службу не несете, как положено, обезьяны? — уже чуть спокойнее продолжал старший лейтенант. — Сегодня ночью ранило в голову младшего сержанта Голубева осколком гранаты, и никто не знает, откуда брошена граната, — сообщил Романенко.

Голубев находился в составе постов, охранявших командирский дом. Ночью он заступил на пост, находящийся во дворе у ворот. Неожиданно через забор упала граната. Мотострелки осмотрели все пространство за забором, но никого не нашли. Голубева отправили в госпиталь, а капитан Колосков после этого обошел все посты: на некоторых останавливали лишь когда он подходил вплотную к посту, это его убедило, что посты не охраняются.

— Вам что, жить надоело? — не унимался Романенко. — Подумайте о своих товарищах, или наплевать на все?

— Ну че ж вы языки в ж...пы втянули, я не слышу, — уже спокойно говорил старший лейтенант. Он вытащил гранату и подошел к первому стоящему в строю. Гранатой в кулаке он ткнул бойца в грудь и спросил: — Ну, кому жить надоело? Вперед, вот граната, — он подошел к другому солдату и тоже ударил его в грудь.

— Ну что же ты молчишь? — спросил Романенко бойца — тот опустил голову и смотрел себе под ноги. — Может, стесняешься, так мы отойдем, а? Ну, хочешь?

— Нет, — промямлил боец.

— Может, ты? — перешел к другому солдату Романенко. — Не бойся, напишу в рапорте, мол, погиб смертью храбрых, достоин ордена и звания Героя, бумага все стерпит, — стукнул ему в грудь гранатой старший лей-

тенант.

— Я не хочу, — последовал ответ.

— Ага, вот у нас кто крутой, — ехидно сказал Романенко, увидев на следующем кожаную куртку. Это был парень с поста, расположенного в гараже, где он эту куртку и нашел. Романенко въехал ему в челюсть, солдат упал на своего товарища, стоявшего за ним, но тот подхватил его.

— Чтоб я не видел больше этого говна, — отчеканил Романенко. — Так, с этого дня если я подхожу к посту незамеченным я сам брошу туда гранату, — подвел итог Романенко. — Все, пошли все на х...й.

Прошло еще несколько похожих друг на друга сырых, грязных, пасмурных дней. По ночам все та же стрельба, днем солдаты шастают по окрестным домам. Я, так же как и все, ночью охранял пост, а днем ходил по домам. Искали варенья и соленья, запасы которых можно было найти в некоторых подвалах, и хоть какой-нибудь радиоприемник, чтоб послушать внешний мир. Во время одного из таких походов я чуть не подорвался на мине — у нее не сработала растяжка.

Но не всем везло: разведбат, расположенный рядом с блокпостом капитана Колоскова, потерял за эти дни пятерых бойцов — чеченский снайпер сработал.

Солдаты начали вшиветь. Появились всевозможные кожные заболевания, добавившиеся к уже свирепствующим болезням желудочно-кишечного тракта.

Взвод капитана Колоскова не стал исключением: я заметил, что у меня на ногах появились огромные язвы, наполненные гноем. Точно такие же появились у Кулова, но уже на теле. Кузя жаловался на то, что у него опухли ноги, и он теперь с трудом передвигался. Снайпер, как подозревали ребята, подхватил воспаление легких — сильный кашель у него не прекращался. И у всех был понос.

Вскоре, как выражался Кулов, «расслабуха» кончилась: блокпост капитана Колоскова опять переводили на другое место.

В очередное сыкотное утро приехал помятый «Урал», взвод погрузился на него и в сопровождении БМП уехал на новое место.

ГЛАВА II

Страну рвало. она, согнувшись потолкам, искала помощи. А помощь танком по лоткам давила овощи...

Ю. Шевчук

Новое место нам определили в большом девятиэтажном доме, расположенном на границе между двумя кварталами современной постройки и частным сектором. Сверху девятиэтажки прекрасно просматривался весь квартал, к тому же по улице, служившей своеобразной границей, проходила дорога, имевшая важное стратегическое значение. По этой трассе к центру, где шли бои, доставлялось пополнение, боеприпасы и все, что нужно войскам, а в обратном направлении вывозили раненых. Вдоль всего пути располагались блокпосты для его охраны.

Девятиэтажка имела Г-образный вид, при этом основная часть дома, образующая ножку буквы, была параллельна улице, а вторая часть рас-

полагалась почти перпендикулярно. Блокпост расположили в этой части дома.

Перед подъездом находилась обширная площадка, часть которой занимал мини-рынок, огороженный железным забором. Внутри ограды расположились прилавки с навесами из железа и деревянные скамейки. Все это вместе с оградой было выкрашено в ярко-желтый цвет. На площадке между домом и рынком находился капонир, с другой стороны — свободный проход на соседнюю улицу.

«Урал», выгрузив своих пассажиров, уехал, БМП въехала в капонир. Мы, уже умудренные опытом, без проволочек разделились на две группы и, прикрывая друг друга, осмотрели место, которое предстояло охранять, после чего зачистили подъезд девятиэтажки и все квартиры этого подъезда.

Из избушки напротив через дорогу вышла женщина. Она долго смотрела на нас. Ее заметили, однако, что с ней делать никто не сообразил — вроде не боевик, а, с другой стороны, вроде и не наш человек.

Капитан Колосков стал распределять посты. Перед подъездом он решил устроить первый пост, на лестничной площадке второй и еще два у выходящих во двор окон. На первый пост назначили меня, Кулова, Кузю и Бармакова, Снайпера и Фонаря, получившего это прозвище за то, что все время таскал с собой электрический фонарик. Под жильем мы заняли комнату в одной из квартир на четвертом этаже. Остальные устроились на первом и втором этажах. Третий этаж для жилья не годился — весь выгорел. Перед подъездом солдаты первого поста соорудили подобие баррикады. В ход пошли холодильники из квартир, их наполняли битым кирпичом, сверху мешки, наполненные землей. Получилось подковообразное сооружение с четырьмя бойницами: по одной для обстрела флангов и две бойницы по фронту. Эти работы заняли весь световой день. С наступлением темноты работу прекратили. На первом посту остались Снайпер и Фонарь, остальные поднялись на четвертый этаж в комнату, где была устроена берлога.

Комната находилась в двухшке: в одной комнате устроили спальню, там как раз имелась огромная двуспальная кровать, свободно вмещавшая четверых человек. Здесь же поставили небольшую железную печку, найденную в обгоревших развалинах одного частного дома. В другой комнате — побольше и с балконом — устроили очаг, разложили его прямо на полу, с которого предварительно был содран линолеум. Чтоб дым от костра уходил в дверь балкона, все двери в квартире сняли — получился сквозняк, создававший тягу на улицу. Двери тут же разломали на дрова.

Пожунали, как обычно, сухпаем. В этот раз его удалось пополнить соленьями, вареньями и компотами, найденными при осмотре квартир, кроме того, обнаружили несколько флаконов одеколона. Спиртное решили пить для обогрева перед тем как заступать на пост.

Я после еды завалился на кровать, достал сигарету и закурил, наслаждаясь отдыхом. Кулов уселся на небольшой табуретке около печки, он тоже курил и смотрел, задумавшись, на огонь, пляшущий в печке, над ней он развесил свои портянки. Кузя налаживал светильник: это нехитрое устройство состояло из консервной банки, наполненной солярккой, и фитиля, погруженного в эту солярку. Светильник чадил нещадно, но давал свет. Лежа лег спать.

Я докурив сигарету, полез в тумбочку, стоявшую подле кровати, и обнаружил в ней несколько книг. Взял одну наугад, «Приключения Тартарена из Тараскона» Альфонса Доде. Устроился поудобнее возле светильника, принялся за чтение, пока не уснул.

— Ма-а-рат, — почувствовал толчок в бок.

— Чего? — не открывая глаз, сонно спросил.

— Не спи-и, а то замерзнешь, — сказал Кулов.

— Не замерзну, — пробурчал Марат.

— По-ошли на по-ост, — тянул свое Кулов.

— С...ка, вечно обломишь на самом интересном месте, — я встал и уро-

нил на пол книгу, из которой что-то выпало. Поднял — оказалась фотография. На ней изображена группа юношей и девушек: парни в костюмах и белых рубашках с галстуками, а девушки в летних платьях — судя по лицам, некоторые были кавказцами, а другие славянами. На обороте аббревиатура, очевидно, какого-то вуза, и надпись «выпуск 1990 года».

— Жили же, как нормальные люди, — удивился я, — чего им не хватало?

— Ну-ка дай, — схватил фотографию Кулов. — Это же уроды, козлы, пули им не хватало, — Сергей разорвал фото и вышел из комнаты.

Я схватил свой АКСУ, напялил каску и, спотыкаясь в темноте, на ощупь пошел не пост. Холод улицы окончательно согнал сон. Кулов уже сидел в баррикаде и смотрел в бойницу. Я обошел баррикаду, вокруг ничего подозрительного не было, справил нужду и присоединился к Сергею.

Улица время от времени освещалась осветительными ракетами, шипевшими и рассыпавшимися в небе. Белый холодный свет от них на пустынных улицах мертвого города создавал причудливые движущиеся то растущие, то уменьшающиеся тени.

— Слушай, Серега, ты кино американское видел, «Миры Стивена Кинга», так вроде называется, точно не помню?

— Не знаю.

— Там что-то вроде мировой катастрофы случилось — все города разрушены, люди почти все убиты.

— Ну и что?

— Так вот, все что я здесь видел, мне напоминает тот фильм, и герои фильма мне напоминают нас.

— Как это?

— А вот так — все в том фильме ненормальные вроде нас.

— Это точно, — Кулов тоже о чем-то задумался.

Я замерз на ветру, вспомнил об одеколоне, один флакон у меня был с собой.

— Серега, хочешь согреться?

— Хочу.

— Ну, давай, — и я передал Кулову флакон. Кулов взял пузырек, зашел в подъезд, зажег спичку и при ее свете определил, сколько в ней жидкости — половина.

— Сафари, — прочитал вслух название Кулов. Отвинтил крышку, держа флакон в вытянутой руке, чтоб запах не донесся, он вздохнул и резко опрокинул емкость в рот, после нескольких судорожных глотков, он шумно выдохнул. Я тут же принял у него флакон и похлопал друга по спине — он еще несколько раз вздохнул и выдохнул, широко открывая рот.

— Ништяк, — прохрипел, наконец, Сергей.

— Ну, ништяк так ништяк, — я, также вздохнув, сделал несколько глотков — огненная жидкость ободрала наждаком горло и стрелой воткнулась в желудок, комок, подступивший к горлу, я проглотил с трудом и задышал, как собака. Мы достали сигареты и дружно задымили, пока одеколон не сделал свое дело: тепло умиротворяюще растеклось по жилам.

— Слушай, Марат, знаешь, о чем я мечтаю? — прервал наступившее молчание Кулов.

— О чем?

— Я хочу, чтобы рядом с нами здесь находились сыновья Грачева и Ельцина.

— По-моему, у Ельцина дочура, — сказал я.

— Тогда пусть дочка здесь с нами воюет, — заявил Кулов, — вон, у чеченов бабы снайперами работают, значит, и она сможет.

— Идея, конечно, неплохая, только, если бы она здесь была, то наш взвод сейчас сидел бы где-нибудь в тылу.

— Да это все пожелания, сейчас Ельцин, наверно, выслушивает доклад

Паши. Дескать, одним-то десантным полком не получается воевать, солдатики-то у нас хреновые.

— Точно, а Ельцин ему: «Ничего, Пашенька, не горюй, Россия большая, бабы нарожают нам бойцов. А пока, вот, выпей-ка со мной за победу русского оружия».

Наступило молчание. Кулов тяжело вздохнул и сказал:

— Знаешь, мне страшно, я боюсь умирать.

Мне тоже было страшно, но этот страх ушел куда-то в подсознание и сидел там, как бы постоянно говоря: «Сейчас. Нет, не сейчас, чуть позже, но обязательно». Но я решил не говорить об этом другу.

— Да ладно, не с...ы, дембельнемся — на гражданке погуляем.

— Нет, я чувствую!

— Дурак, что ты можешь сейчас чувствовать? Не расслабляйся, расслабишься — словишь пулю. Такие мысли только притягивают смерть.

— Сам ты дурак, — Кулов отвернулся.

Я почувствовал себя виноватым. А ведь когда-то сам хотел попасть на войну. Теперь понял, что это мальчишество, здесь это сразу понимаешь. Я попытался неуклюже загладить свои слова:

— Серый, плюнъ. Все рано или поздно умрем, может быть, смерть с автоматом даже лучше такой жизни.

— Какой жизни?

— А такой: придешь на гражданку, ты думаешь, там тебя ждут с распростертыми объятиями. Х...р на рыло, всем на тебя плевать. Устроишься на работу на какой-нибудь завод. Будешь работать, после работы пить водку, стучать себе в грудь, дескать, я воевал. В ответ скажут: «Налейте ему, ребята, еще». Поживешь так лет пяток, и на стенку полезешь. Или женишься, с бабой будешь воевать, а потом повесишься от тоски и ху...вой жизни!

— ...Х-м...

«Ш-ш-ш-ш» — зашипела осветительная ракета. Тени быстро выросли и исчезли, пробежав по земле до стен и пометавшись на них вдоволь. Мы просидели до конца смены, глядя на эти безумные танцы света и тьмы.

— Ладно, пойду смену будить, — Кулов зашел в подъезд. Я дождался, пока спустится замена, отдал ребятам флакон с одеколоном и отправился наверх.

На следующий день Кулов отправился в дом, где жила женщина, которую мы видели у избушки. Вернулся оттуда довольный: женщина оказалась русской и когда-то, еще в той жизни, была медсестрой. Она обработала язвы Кулова и сказала ему, что к ней можно ходить лечиться. Узнав об этом, к ней явилась половина всех бойцов.

Медсестра заплакала, когда увидела нас, но оказала помощь, как могла.

Я смотрел, как морщинистые умелые руки медсестры обрабатывают язвы Кузи. Женщина при этом причитала вполголоса, скорее, разговаривая с собой:

«Господи, еще дети совсем! Что же, у них мужиков что ли нет?»

Она рассказала, что в их квартале остались одни старики и старухи, что все чеченцы ушли воевать, что жизнь здесь тяжела и ничего не стоит. Иногда ночами приходят боевики, и тут уж держись — попробуй не угодить, разговор короткий — аллах акбар, и в расход. А сколько народу полегло при обстрелах, от шальных пуль, от мин, от болезней и просто от голода...

Почему все так по идиотски происходит: наверно, все-таки воюем, чтобы защитить этих людей, а на деле получается — они самые беззащитные здесь. Так думал я, дожидаясь своей очереди. Под моими ногами стояло ведро солянки, две буханки хлеба и банка тушенки — все это мы оставили нашей матери Терезе.

После процедур мы вышли на улицу и пошли к себе на блок-пост. На душе было мерзко и противно: мы пришли, получили помощь, а сами в ответ ничего сделать не можем, а, может, завтра ее убьют.

В тот же день на пост стали приходить люди — остатки мирного населения. За время своего дежурства на посту солдаты раздали весь свой хлеб и почти все консервы. Нам за это сообщили, где можно достать чистой воды, но чаще просто благодарили.

Я решил, что здесь боев уже давно не было, раз мирные жители стали появляться. Вообще, мной овладела какая-то тоска, хотя узнал хорошую новость: капитан Колосков сообщал, что президентский дворец наконец-то взяли, после того как туда была сброшена особенная бомба. Теперь предстояло выбить боевиков из Чернореченского района.

В мрачном настроении я сидел на посту и смотрел на дорогу, по которой проезжали тягачи, тянувшие за собой обгоревшие ржавые остовы боевых машин. Их вывозили из центра, а в обратном направлении проезжали еще не помятые, необстрелянные БТРы и БМП, на броне сидели солдаты в чистых бушлатах и бронежилетах, они сжимали в руках новые автоматы и пулеметы.

Я невольно сравнил себя с ними: мой броник был весь в пятнах и порван в некоторых местах, ватные штаны из песчаных превратились в коричневые и стояли колом, кирзовые сапоги без должного ухода и постоянного пребывания в сырости разбухли и стоптались. Бушлат был в лучшем состоянии из-за того, что он был одет под броник. О том, в каком виде лицо, только догадывался — последний раз смотрелся в зеркало в казарме в Моздоке.

Поскольку днем службу можно было нести по одному, я стоял один, дожидаясь смены.

Через улицу мимо БМП шли два солдата. Два огромных бойца в камуфляже.

Подождал, пока они подойдут ближе, и остановил их окриком: «Стой, пароль!»

Спецназовцы повернули ко мне и остановились. Я вышел из-за баррикады, держа наготове «калашник».

— Чего тебе, военный? — с усмешкой спросил один из солдат.

— Пароль.

— Какой пароль, малыш, пошел на х...й, — с издевкой произнес второй. Оба повернулись и пошли дальше. Кровь ударила мне в голову и захлестнула бешеная ярость.

— Стоять, уроды, — заорал я что есть мочи, передергивая затвор.

Реакция была мгновенной: один развернулся и ловким ударом ноги выбил автомат из моих рук. Я выхватил штык-нож, но второй прикладом ударил мне в лицо. Я упал и потерял сознание, что было дальше, мне рассказал потом Кузя.

Спецназовец хотел было еще раз приложиться прикладом, но из подъезда на шум выскочили наши. Спецназовцы сообразили, что пора уносить ноги, побежали. Но шестеро мотострелков быстро догнали их и

сбили с ног. Взявшие хорошо владевшие приемами рукопашного боя, сумели подняться и стали отбиваться. Но силы были не равны — обоих уложили опять и стали пинать. И, наверное, забили бы до смерти, если бы не подоспел капитан Колосков. Он подбежал к озверевшим мотострелкам и дал очередь из автомата в воздух. Солдаты остановились.

— Хватит пинать ублюдков, — приказал капитан, — всем вернуться на посты!

Бойцы нехотя повиновались.

— А вы бегом отсюда на х...й, — обратился капитан к избитым.

Спецназовцы медленно поднялись из грязи и ушли нетвердой походкой. Колосков дождался, пока они скроются, и вернулся в дом.

Солдаты ждали его в баррикаде. Все ждали, что командир будет на них кричать и бить. Но Колосков спокойно сказал:

— Ничего, мужики, бывает, приведите его в чувство.

Солдаты разошлись, остались Леха и Кузя.

— Вот с...ки, весь е...альник разворотили!

— Ничего, лишь бы кости целы были.

Из подъезда вынесли чайник с водой.

— Пацаны, возьмите, может, очухается.

Кузя взял чайник, оторвал у себя подворотничок и, смочив его водой, осторожно стал смывать кровь с моего лица.

Я открыл глаза, меня подняли и подвели к костру, разведенному во дворе.

Сел на табурет и устался на огонь. Все тело болело, лицо опухло, в сломанном носу булькало, грудь как будто стянули железными обручами. Где-то вдалеке протрещала очередь.

ГЛАВА 12

Умиляли пацаны страшно.

Умиляли пацаны просто.

И не каждый был снаружи прекрасен.

И не все были высокого роста...

Ю. Шевчук

— Подъем! — я вскочил, машинально схватив автомат, и принялся тягивать сапоги.

В комнате стоял грохот. Леха стоял у окна и стрелял из автомата. Мы вместе с Куловым выскочили в соседнюю комнату и подбежали к окну. На улице ничего не было видно: темно-синее небо и чернота, и в этой темноте вспыхивали огоньки, из которых в дом летели трассеры. Наши в ответ по огонькам вели беспорядочный огонь.

Я откинул приклад автомата и открыл стрельбу с плеча, стараясь целиться по вспышкам. Голова ничего не соображала, как машина: руки стреляли, отстегивали магазин, пристегивали другой и снова стреляли. Кулов у второго окна делал то же самое. Как только мы начали огонь, как по нашему четвертому этажу откуда-то ударил пулемет. Зазвенели осколки стекол, пули зацокали по стене комнаты. Я тут же пригнулся, Кулов тоже присел и стал набивать патронами освободившиеся рожки. Сердце бешено заколотилось в груди, как только послышались щелчки пуль о штукатурку.

Тем временем со двора в дом полыхнул огнемет по второму этажу, там работал крупнокалиберный пулемет. Я услышал крик, от которого подскочил и опять принялся стрелять. К запаху пороха добавился запах пластика от огня, занявшегося на втором этаже.

Кулов, заметив, что я опять стреляю, последовал моему примеру. Как только мы возобновили пальбу, как по нашему окну снова открыли огонь. Мы снова присели.

Со двора работали профессионально. Несколько пулеметов подавляли стрелков, вроде нас, а гранатометчик под таким прикрытием отстреливал гранаты по бойницам дома. Из огнемета он уже поразил пулемет-

чика, окно на втором этаже уже полыхало вовсю. При этом и чеченский пулеметчик, и гранатометчик все время меняли свои позиции.

Я жалел о том, что у меня нет зарядов к гранатомету, и все время то пригibasлся, то опять привставал, чтобы выпустить очередь из автомата. Вдруг в комнате раздался взрыв, по всей комнате разлетелись осколки, поднялась пыль. Я упал под окно, закрыл голову руками. Стало трудно дышать от пыли, в голове шумело, ничего не соображая, пополз к Кулову. Ползти в броне было трудно, но, наконец, нащупал плечо своего напарника и стал его трясти. «Сергеа!!!» — никакого ответа.

Страшное подозрение, как молния, ударило в мозг, я вскочил на колени и закричал: «Се-е-е-рега!» — стал его опять тормошить. Замер, стянул с друга каску и ошупал голову. Что-то теплое и липкое залило лицо Кулова. Я поднес дрожащие руки к лицу — запах крови — туло усталился на свои ладони, ничего не соображая, — в темноте не было видно, в чем они испачканы.

Тем временем стрельба утихла. Наступила небольшая передышка.

«Всем вниз!» — раздалось снизу. Я попытался встать, но ноги почему-то не слушались. Пощупал ниже колена — обе ноги посечены осколками: «Еще кровь», — подумал я, и точно, кирзачи наполнились кровью! Моей! Собственной! «Вот и потанцевал», — промелькнула мысль.

Начали стрелять, по стенке застучали пули, в голове опять зашумело. Перед глазами поплыли пары танцоров, они красиво кружились — девушки и парни изящно двигались, извивались и изгибались, плавно, в такт музыке танго. А на них сверху почему-то сыпалась штукатурка.

После боя Кузя поднялся на четвертый этаж — капитан Колосков приказал проверить. В свете падающих осветительных ракет он увидел Марата и Сергея. Кулов лежал на полу без каски. Рядом сидел Марат, вытянув ноги, в руках автомат. Глаза его закатились, вполголоса он считал: «Раз, два, три — раз, два, три — раз, два, три» — ноги подергивались в такт счета.

«Раз, два, три — раз, два, три — раз, два, три», — доносилось из открытого окна: на плацу, прямо под окнами Кремля рота солдат почетного караула чеканила шаг под команды сержанта. Он любил смотреть на это каждое утро: вот четкий отлаженный механизм — почему в этой стране нельзя всем вот так выполнять свою работу?

Зазвонил телефон, он поднял трубку и бросил в нее раздраженно:

— Да!

— Товарищ Верховный главнокомандующий, докладываю обстановку на семь ноль-ноль: мы овладели большей частью города, остался только Чернореченский район.

— Почему?

— Бойцов не хватает, товарищ Верховный главнокомандующий.

— Мозгов тебе не хватает! Даю тебе три дня, выполняй.

— Есть! <ИВ>

Словарь:

АКСУ — автомат Калашникова складной укороченный (АКС-74-V — официальная маркировка).

Броник — бронежилет, весит в зависимости от модели от 10 до 12 килограмм.

БМП — боевая машина пехоты. Легкобронированная гусеничная машина для транспортировки пехоты и огневой поддержки.

БРДМ — боевая разведывательно-дозорная машина. Легкая бронированная колесная машина для транспортировки пехоты и проведения разведывательных операций.

Военник — военный билет.

Взвзшиник — военнослужащий Внутренних войск.

«Калашник» — автомат Калашникова (АК-74 — официальная маркировка).

Кирзач — кирзовый сапог.

Комбез — комбинезон.

Морпех — морской пехотинец.

Подствольный гранатомет — легкий гранатомет для стрельбы осколочными гранатами, который пристегивается к автомату (ГП-25 — официальная маркировка).

Промедол — обезболивающее лекарство.

Сунжа — река, протекающая по городу Грозный.

«Ураган» — ракетно-артиллерийский комплекс.

Андрей
ЗАГОРЦЕВ

http://artofwar.ru/z/zagorcew_a_w/
<http://www.navoine.ru/authors/zagortsev-andrey>

BUA NE ZIO

(Отрывок из повести)

Мотыль, открывая квартиру, чувствовал, как глухо бьется в груди сердце. Нет, не от бега, бегал Женя дай бог каждому, скорее всего от неясной тревоги и смутного чувства надвигающейся беды.

А в квартире царила умиротворенная и непринужденная обстановка. Два бывших сослуживца старшины первой статьи Евгения Мотыля сидели на кухне за большой бутылкой молодого вина и орали друг на друга в голос.

— Мля, идиот ты!!!! Пехота — это царица полей, училище у меня О-Б-Щ-Е-В-О-Й-С-К-О-В-О-Е, — пытался говорить внятно и раздельно заплетающимся языком нынешний курсант и бывший матрос-водолаз по кличке Брейк.

— Да, сапог ты, натуральный портяночник, ты и на пункт из сапогов пришел, — корил Брейка Степан Падайлист, из-за оригинальности фамилии кличка у Степы была тоже оригинальная — «Качок». Кличку эту ему еще на срочке придумал Брейк, склонный ко всяким литературным изгибам и фантазиям. В первый раз, когда Брейк услышал фамилию Степана, он высказал вслух аллегорическую рифму: «Степан Падайлист — ярый онанист!» Падайлист был младшим матросом по призыву и, скуксившись, промолчал. В конце концов, кличка много раз трансформировалась и превратилась в «Хохла-велосипедиста-старого фашиста-заядлого культуриста», а для удобства произношения — просто Качка.

— Кооок! — заорали бывшие матросы, узрев Мотыля, — где ты носишься? Мы чё, на дискотеку идём, или как? Тут же выпускные в школах: девчонки нарядные с букетами бегают, на танцующие попрут обязательно.

— Остыньте вы, дутен пулы, — выразился нелицеприятно помолдавски Мотыль, — румыны в городе, вам валить надо, особенно тебе, Брейк.

— Хорошенькое дело — валить! Вы меня сдёрнули, сколько у меня нервов потрачено, чтобы раньше с училища свалить, вас не интересовало, Димку Болева так и не встретили, в Одессу не съездили, и тут — валить? — начал возмущаться Брейк.

— Протрезвляйтесь, — коротко отрезал Мотыль, — дело — серьёзнее некуда, в городе уже стрелять начали.

Брейк и Падайлист открыли рты и недоуменно вылупились на Мотыля. Покидать гостеприимные Бендеры, до которых добились с таким трудом, так рано не хотелось.

Степан поплелся в ванную под холодный душ, Брейк начал собирать свои шмотки, проклиная всех на свете: и своих сослуживцев, и молдавского президента Снегура, и самого себя, так просто купившегося на эту авантюру.

План Мотыля был прост: добраться до окраин, где жил его двоюродный брат, у которого в гараже стоял Женин «жигуле-

нок», и на видавшей виды «шестерке» отвезти Брейка до украинского Луганска, откуда он уже спокойно может уехать до своего Ростова.

— С...кааа, оййй, мляя, — хрипел Падайлист, держась за простреленный бок и царапая пальцами подъездную стену. Брейк, поддерживающий Степана, подхватил того под мышки и потащил вверх по лестничному пролету. Дотащил и посадил под рас пределительным щитом. Подбежал к одной из дверей на площадке и с силой ударил ногой.

— Бу а не зию, мля, открывайте, а то дверь снесу! Бл..., ну чё там еще, вари ведери, ёпт, откройте, вашу мать!

Дверь тихонько открылась, и в нос Брейку уперся ствол какой-то длиннющей огнестрельной бандуры.

— Не ори, — прохрипели из-за двери, — отойди подаль, чё за дохляк с тобой, сам кто?

— Да русский я, неместный, это друг мой, на румын попали, пересидеть где-нибудь или хотя бы перевязаться, нас корешок местный найти должен.

— Затаскивай быстрее, чем его зацепило-то? В каком районе?

Брейк схватил под мышки Степана и затащил в коридор квартиры. Невысокий сухонький мужичонка в голубом десантном тельнике и штанах от маскхалата отодвинулся в сторону и, пока Брейк тащил дальше Степана по коридору, высочил на площадку и осмотрелся. В руках мужик держал какую-то здоровенную винтовку с оптическим прицелом. Брейк, мельком глянувший на мужика, удивленно хмыкнул: «Надо же, откуда у него «мосинка» снайперская?»

Мужик захлопнул дверь, потом закрыл вторую, защелкнул несколько запоров и помог затащить бесчувственного Качка на кухню. Тяжеленного Степана взвалили на стол, стоявший посередине.

— Снимай шмотё с него, я сейчас бинты притащу, — коротко бросили мужичок и скрылся в комнатах.

Степан хрипло дышал и, не открывая глаза, постанывал. Брейк осторожно снял джинсовую куртку, всю пропитавшуюся кровью, футболку пришлось срезать кухонным остро заточенным ножом. Пришел хозяин, не церемонясь, перевернул раненого на бок, осмотрел рану, входное и выходное отверстия, раскрутил пузырек, капнул на кусок ваты чем-то противно пахнущим и резко зашипевшим, начал обрабатывать края.

— Семь шестьдесят два лупануло, ребра сломало, вскользь прошло, вроде ничего не задело. На кого нарвались, морячки?

— Да какие мы морячки, — попытался отмазаться Брейк, державший Степана за плечи.

— Татуха у него якорная с парашютами, видать, на дембель себе соображал. Морпехи что ли?

— Да, типа того.

— Ну, я сухопутный десантник, в местном батальоне служил, наш комбат Кастет тоже с бывших морячков, до Афгана на Тихоокеанском где-то рубил, сейчас в крепости в национальной гвардии комбатствует. Меня Василием кличут, я прапор бывший, считай, повезло, что на меня нарвались, — ответил хозяин и, закончив обрабатывать рану, начал споро и со знанием дела перевязывать раненого.

— Нас возле универмага такого большого, «Весна», вроде как, перехватили то ли румыны, то ли молдаване, я так и не понял: как начали по нам палить, хрен его знает, зачем. Вон, Степку ранило, второй наш, Женька, там остался, показал рукой, куда бежать, и сам как сквозь землю провалился. Он так и сказал: найдете в том доме прапора Червоноокого. Ну и погоняло у этого прапора, блин, где теперь его искать, ты не знаешь, что за кадр? Мотя, вроде, на этот подъезд показывал.

Василий хмыкнул и покачал головой:

— Значит, возле «Примавары» втяхались, а Червоноокий — это не погоняло, это фамилия и, между прочим, моя!

Брейк покраснел (или, по крайней мере, сделал вид) и, молча сопя, помог завязать бинты.

— А вы, по ходу, Мотылёвские кореша, с которыми он ко мне в гости намеревался заглянуть?

— Ага, мы самые...

Откуда у Василия снайперская винтовка Мосина, да еще с оптическим прицелом, узнать так и не удалось. Да и помимо винтовки много чего интересного у него нашлось. Раненого Степана спустили в подвал, вполне приспособленный и для долговременной обороны, и просто для того, чтобы долго и упорно распивать алкогольные напитки. Падайлиста уложили

на раскладушку, укутали в одеяло. Прапор Вася уколол ему какой-то укол, пощупал пульс и удовлетворенно хмыкнул. После этого залез под стеллажи с банками и бутылками и, пыхтя, вытащил оттуда какой-то очень уж знакомой зеленой расцветки ящик. Брейк, глядевший во все глаза, открыл рот и пустил слюну восторга. Новенький, тщательно оттертый от смазки АКС-У, несколько магазинов, цинк с патронами, несколько гранат Ф-1, жестяная банка с запалами, мотки саперного провода, подрывная машинка ПММ — вот неполный перечень богатств, открывшихся взору тихо охреневающего курсанта.

— Что стал, морячок, хватай подсумки и цинк, сейчас пойдем на прогулку по ночному городу Мотю искать, эта скотина мне машину свою обещал продать, не дай бог, его грохнут, я же этого не перенесу.

Прапорщик Червоноокий предлагал выйти в район какой-то из улиц, а потом спуститься к Днестру, там у них с Мотылем, как он сказал, была еще какая-то база. Не успели — пришлось забежать в какой-то подъезд и переждать проезд колонны из гражданских машин и парочки транспортеров МТ-ЛБ (многоцелевой тягач легкобронированный — прим. ред.)

— Хрен его знает, может, наши куда на крепость прорываются, может, румыны что шукать, оно лучше переждать, пусть ежают, куды хотят, — решил благоразумно Вася и дал команду Брейку: — Ховаемся в подъезд.

Так и сделали. Спрятались, переждали и — попали в ловушку. Откуда-то с крыши дома в хвост уходящей колонне раздалось несколько автоматных очередей.

— Дутен пулы, — выругался прапор, — на хрен оно им надо было? Сейчас «мамалыжники» влупят.

Дом начали обстреливать буквально через несколько минут. Сперва стреляли из башенных ПКТ (пулемет Калашникова танковый). Потом люди, выскочившие из автомобилей и спрыгнувшие с брони транспортеров, начали рассредоточиваться и поливать окна короткими очередями из автоматов. Ночь осветилась трассирующими очередями и огласилась гортанными криками.

Брейк с Васей взбежали по лестничным пролетам и залегли на ступенях между третьим и четвертым этажами. Потом переместились в какую-то открытую и, видно, недавно брошенную хозяевами квартиру. Стрельба не прекращалась. Откуда-то из глубины дома по атакующим вели ответный огонь. Брейк переполз на кухню и осторожно выглянул из окошка в темноту. Вася наблюдал в окно с обратной стороны дома.

Прошло минут десять, огонь потихоньку начал стихать, и Брейк то ли от волнения, то ли с бодуна захотел пить. Оглянулся по сторонам, подполз к кухонным кранам, покрутил их. Краны пошипели и выдали порцию грязно-коричневой жидкости, которую водой можно было назвать с очень большой натяжкой. Пить это было совершенно невозможно. А это что такое большое и белое виднеется в темноте? Ну, конечно же, холодильник. А что нам предложит гостеприимный бендерский холодильник, рожденный в Белоруссии?

Прекрасно! Вино? Нет, хватит. А вот небольшие бутылочки, как из-под «Пепси», с этикеткой «Флуераш», наверное, что-то вроде лимонада. Уххх, очень даже вкусно и вполне прилично утоляет жажду. Брейк расслабился, с удовольствием высосал две бутылки и парочку распахнул по карманам штанов про запас. И только собрался позвать Васю, как кухонное стекло рассыпалось вдребезги и что-то с треском впечаталось в бок холодильника. Курсант даже и не успел ничего подумать, ноги сами его вынесли из кухни и кинули на пол в соседней комнате. Грохнуло прилично, на голову посыпалась штукатурка, рядом плюхнулась люстра и висевший на стене цветастый ковер печально обвис одним углом.

На полусогнутых в комнату забежал Вася и пнул ногой Брейка, закрывающего руками голову и лежащего головой на винтовке.

— Ты как там, жив?

Брейк схватил одной рукой винтовку, перекатился на спину и уткнулся на Червоноокого.

— Ни х...ра себе гранату они метнули, ох...ть, у них там все чемпионы что ли?

— Какую гранату, по тебе не с подствольника влупили?

— Да нет, мне кажется, я гранату даже видел, РГДшка.

— А это у них насадки такие есть на автоматы для стрельбы гранатами со ствола — «трамбланы».

— Вася, так что делать-то? Мне сдастся, сейчас они в дом полезут, тут какие-то ополченцы воюют, а мы с ними заодно под раздачу попадем.

— Да, чую я, что влезли мы не в тот дом, надо выбираться отсель, ниже попробуем спуститься и на обратную сторону выскочить, авось, в темноте не заметят. Тебя как, сильно приложило, не мутит?

— Та не, все как надо.

— Ну, тогда вставай, нечего тут мамалыжников чекать (ждать — укр.).

Спуститься не удалось: второй этаж и лестничная площадка плотно простреливались. Транспортёры уже подошли к дому достаточно близко и прикрывали огнем пулемётов перебегавшую пехоту. Минут через десять, а то и меньше, начнется зачистка дома.

— Давай на площадке мину выставим в управляемом варианте, когда полезут, рванем, может, отойдут, — начал нести ахинею Брейк.

Вася, прапор бывалый, с богатым боевым опытом, покачал головой:

— А толку? Мины у нас нету, у меня три гранаты да у тебя две, подорвем парочку, остальные обстреливать начнут, гранатами закидают в окна, а то еще хуже — реактивных огнеметов притащат, сожгут нас здесь на хрен.

— Фигня, щас мину слепим, машинка у тебя же с собой, нам главное — толпу шугануть со второго этажа и пробежать в квартиры, там со второго этажа спрыгнем.

— Ну, спрыгнуть не вопрос, главное до квартиры перебежать, может, отсюда спустимся? Хотя нет, ты прав, отсюда нас видно на стене будет, а со второго если прыгать, мы сразу в палисадник ныряем, там среди деревьев нас незаметно будет, да и вдоль дома можно выскочить, и в обратку, к моей фатере, там есть отдельно вход в подвал.

Червоноокий, стараясь не светиться перед окнами, начал наблюдать за передвижениями мамалыжников, абсолютно не веря в то, что курсант сможет соорудить какую-никакую мину.

Однако Брейк начал ползать по полуразрушенной квартире со скоростью гоночного червяка. Во встроенном шкафу на кухне он еще раньше обнаружил мешок сахара. Шкаф был наштапигован осколками, мешок выпускал белые сахарные струйки. Курсант, поднатужившись и неприлично испортив воздух, вытащил мешок из шкафа и выполз с ним в коридор, елозя пузом по мусору.

— Дядя Вася, ёпта, ты кричал, что канистру с бензином в кладовке видел, эт где? — прохрипел Брейк, развязывая мешок и облизывая уже ставшие сладкими пальцы.

— В коридоре. Кстати, хлопец, не такой уж ты и тупой, можно рвануть бензин, пыхнет хорошо, только надо было электродетонаторы взять.

— Я офигенно не тупой — если бы ты не сказал про бензин, а я не видел сахар, я бы и не ляпнул про мину, щас я такую игрушку сбхаю, а ты распатронь мне, пожалуйста, пару патрончиков, для запалу надо.

— Слышь, оно сработает? Ты чего там понаворотил?

— Простейшие химические реакции, товарищ прапорщик, это вам не по Афгану на караваны с пайсой ходить — тут минно-подрывное дело, ёпта, наука тонкая и, как оказывается, в наше смутное время полезная.

— Тшшшш, идут вроде, хаты простреливают.

Через две минуты Брейк вдавил рычаг подрывной машинки. Грохнуло несильно, но распыленный горящий и плавающий сахар вперемешку с осколками канистры и гранаты, запихан-

ными Брейком в тумбочку, спущенную на лестничный пролет, были намного хуже обыкновенного взрыва. Шороху добавила граната, которую ловко метнул вниз Червоноокий.

— Бегут с подъезда, валим вниз! — закричал прапорщик и, полоснув короткой очередью сквозь лестничный пролет, прыжком выскочил из квартиры.

Брейк, закинув за плечи неуклюжую винтовку, поскакал за ним. Перескочили через клубы гари и какие-то бесформенные сгустки, напоминавшие человеческие тела. Сгустки шевелились, дергались и горели, очень невкусно воняя.

Двери на втором этаже уже все были вышиблены, проскочили через коридор, в котором валялись два тела, старика и старухи, расстрелянных в упор. Выскочили в зал, оттуда на балкон и, не останавливаясь, выпрыгнули на улицу. Червоноокий, прыгавший первым, упал на веревки для белья и, порвав их, достаточно комфортно, но сильно изрезавшись локтями, приземлился на бетонную опалубку и откатился в кусты. Брейк вылетел с балкона, уже держа винтовку в руках, успев переместить ее из-за спины, и, совершив кульбит, красиво приземлился в кусты, сразу же откатившись в сторону от отсчетов огня в темноту.

— Х...а ты акробат, — восхитился прапорщик. — А без понтов никак нельзя было?

— Эт я на автомате, на показухах до того кульбит этот в голову вбили, что сейчас даже и не думал.

— Ноги как, не отбил?

— Не-а, хе...ня какая, — ответил загордившийся Брейк, достал из кармана бутылочку с «Флуерашом», открыл, и, отхлебнув, протянул Васе.

— Где вас, таких идиотов, воспитывают, — натурально изумился Червоноокий и, допив бутылку до конца, махнул головой, — побегали, а то румыны сейчас опомнятся.

До утра дожили без происшествий, хотя Брейк чуть не поплатился за свое любопытство. Ближе к утру он начал утверждать, что слышал звуки подходящей бронетехники и вызвался выполнить наверх посмотреть. Вернулся через десять минут с круглыми глазами, утверждая, что видел какие-то танки со странным триколором на башнях, метавшиеся среди улиц. По городу очагами шли бои, то стихавшие, то возраставшие с новой силой. Где-то была артиллерия. Вася, проверяя состояние метавшегося в бреду Качка, потихоньку рассказывал Брейку об особенностях «ловли рыбки в мутной воде» и о своем взгляде на происходившее. Бывший прапорщик, полухохол-полумолдаванин, а по паспорту русский, намеревался в скором времени свалить в Германию, ибо, по его выражению, «здесь рыбы нет». Откуда у Червоноокого взялись оружие и боеприпасы, курсант благоразумно решил не спрашивать, вместо этого с помощью лестии и давления на «жабу» выпыгивал новый КЗС (костюм защитный сетчатый) и тельняшку и весьма довольный жизнью переоделся, оставив на себе под курткой масхалата только сумку-«набрюшник» с документами и деньгами.

С утра обстановка более или менее прояснилась. Вася как местный ушел на разведку, приказав Брейку сидеть и не отвешивать. Брейк пометался по подвалу, напоил холодным компотом очнувшегося Падайлиста, рассказал ему новости и о том, как они с прапором вдвоем уничтожили роту румын, и о том, как он сам лично разогнал колонну танков и сбил из «мосинки» один молдаванский самолет, продырявив ему картонное крыло. Степан немного послушал, потом с помощью своего друга встал, прошёлся, поддерживаемый под руки, по подвалу и снова свалился на раскладушку и заснул. Через час вернулся Червоноо-

кий, привел с собой каких-то людей, облаченных кто во что горазд, но все с автоматами и подсумками. Среди прибывших был медик, пожилой седой мужчина в выцветшей «афганке» с медицинской сумкой через плечо. Бегло осмотрел раненого, кивнул сопровождающим, те притащили сверху носилки, вытащили Качка на свет божий и запихнули в санитарный узик, уже забитый ранеными.

— Эээ, вы куда его? Я с ним, — беспокоился Брейк, носясь кругами вокруг «таблетки».

— Успокойся, свои это, а ты здесь сиди, Мотя припрется, что я ему скажу? — осадил курсанта Вася. — И вообще, не суетись, если через пару дней Женька не появится, буду тебя сам отправлять, не хрен тебе здесь делать.

— Дядь Вась, ёпта, а чё ваши говорят, видели они Жеку или нет, не слышали чего?

— Вроде видели, он своих подельников-«бизнесменов» вроде собирал, их группой видели, вроде как к Парканам направлялись, хрен его знает, зачем, а, может, это и не он был, но людишки у него приметные — они с гвардейцами дружатся, что-то шахерят-махерят постоянно. Да ты сам его дружков не видел что ли?

Брейк дружков Мотыля видел и распивал с ними вино по прибытии, они его и доставили с Луганска в Бендеры, передавая, как эстафетную палочку. Три парня, служившие в Изяславской бригаде специального назначения, два таких же как Брейк водолаз-разведчика с Майского.

Какой шахер-махер у них, курсант решил про то не думать, у всех свои особенности «ловли рыбы в мутной воде».

Через три дня Брейк, обросший белесой щетиной, в уже запыленном КЗСе и кроссовках на босу ногу, сидел на крыше симпатичного пятиэтажного домишки среди мешков с песком и

Во встроенном шкафу на кухне он еще раньше обнаружил мешок сахара. Шкаф был наштапигован осколками, мешок выпускал белые сахарные струйки.

напряженно вглядывался в бинокль в сторону Днестра.

Пошарил взглядом по окрестностям и вперился взглядом в небо. Что-то увидел, привстал от удивления и, нагнувшись к мешкам, вытащил из-под них полевой телефон ТА-57, раскрыл крышку, достал трубку и закрутил ручку вызова.

— Алло, Вася Красный Глаз, я «Крыша», дуй сюда, тут авиация нарисовалась, да нет бл..., не румыны на дельтапланах. Все, до связи, жду.

Бомбили мост через Днестр и подступы к нему.

— Блин, снова попрут, — выдал предположение Брейк, — видишь, подготовка полным ходом, за городом где-то артиллерия бахает, я по поисковому приемнику пошарил — переговоры какие-то в эфире, цифры строчат — видно, где-то авианаводчики и арткорректировщики сидят.

— С чего ты взял, — не отрывая глаз от бинокля, спросил Червоноокий.

— Я сам учился и палубную артиллерию наводить, и авиацию, порядок подачи целеуказания, привязок целей похож, говорили только не по-русски.

— Ну, мы, вроде как, готовы, только вот тебе, как ярому пехотинцу, БМП выпросили у гвардейцев. Самим мало, а товарищ

Неткач нас гордо игнорирует.

— Ну, хотя бы АВМ или ИДАшку (дыхательные аппараты) могли бы надывать и ласты там какие-нибудь, все у вас, блин, не как у людей, я бы сейчас по Днестру диверсантил.

— По Днестру сейчас трупы диверсантият. Сейчас Славута придет тебя менять, а ты иди, разберись со своими позициями, нагородил на лестничных клетках черт знает что.

— Дядя Вася, все по науке: я стрелять с «мосинки» буду с глубины помещения, да еще замаскированный, хрен, кто просечет меня.

— Хорошо б, чтобы вообще не пришлось стрелять. Ладно, давай, мне до горисполкома надо проехать, узнать, что по бомбёжкам, да там, вроде, наш бывший командир должен подъехать со своими разведчиками, может, что про Мотю узнаю.

Стрелять, однако, пришлось. Когда дали команду «Внимание!», Брейк скатился по лестнице, словно по корабельному трапу, и юркнул за баррикаду из шкафа и мешков с песком. Снял из-за спины винтовку, приладил в смотровой щели и прильнул к прицелу. В окне на лестничном пролете было выбито несколько стеклянных квадратных блоков и обзор был вполне неплохой.

Когда начался обстрел, никто из маленького гарнизона дома и не понял: обстрел начался сперва с одиночных, а потом пошло по нарастающей.

Брейк выцеливал то одного, то другого, сделал пару выстрелов и с гримасой потер ушибленное отдачей плечо.

— Винтовочка, на х...ра же так больно толкаться? — ласково обратился курсант к «мосинке» и снова прильнул к прицелу.

Вряд ли кто из нападавших мог додуматься, откуда ведется снайперский огонь, уж больно хорошо Брейк замаскировался, только вот ни в кого не попал.

Плюнув на все, курсант перебежал на другой лестничный пролет, упал на пол за мешками и начал тщательно выцеливать перебегающих.

Трах. Удар винтовки в плечо.

— Ееесть, бл..! — заорал Брейк.

Возле дома перестрелка начала стихать и откатилась назад, рванула пара настольных гранат «трамблов» возле подъезда и все смолкло. Нападавшие под хорошо организованным и зара-

нее спланированным огнем сперва отступали, медленно огрызаясь автоматными очередями и гранатометными выстрелами по стенам, чтобы вышибать камни и щебенку для дополнительного поражающего фактора и разлета осколков по всем направлениям.

Откуда-то из-за домов нападающим ударили во фланг. Ударили слаженно из пулемета и нескольких автоматов. Ополченцы, сгруппировавшись и накопившись в подъезде, выскочили наружу и короткими перебежками начали преследование. Известные, оказавшие помощь, стреляли профессионально короткими очередями, прикрывая друг друга при перебежках и охватывая полукольцом. Ополченцы из дома напирали с тылу. Бой повернулся совсем другой стороной, авиаподготовка наступления существенного влияния на этот небольшой по размерам огневой контакт не оказала.

Брейк, бежавший короткими перебежками и стрелявший из «мосинки» с колена или стоя из-за деревьев, все-таки снял еще одного из нападавших. Чернявый невысокого роста мужичок в серо-зеленой форме, отдаленно напоминавшей помесь фашистской и старой советской формы, державший в руках «Калашников» с дополнительной рукояткой на цевье, получил при перебежке пулю в спину и полетел на землю. Стрельба стихала и, наконец, совсем прекратилась. Брейк, держа винтовку у плеча, рыская взглядом по сторонам и озираясь на своих напарников, приблизился к одному из трупов и, присев на корточки, начал его осматривать.

— Что, своего первого рассматриваешь, душевно терзаешься? — спросил совсем рядом чей-то очень знакомый голос.

Брейк поднял башку и уставился на невесть откуда взявшегося Мотыля, облаченного в камуфляж, кроссовки, «афганский» нагрудник и в кепочку-бейсболочку. На плече у Жени болтался ствол, АКМ с подствольным гранатометом. Рядышком толпились его парни из «шахер-махера».

— Буа Не Зио, кок, — пробурчал Брейк, — какие на х... муки. Смотрю я вот на этого Иона Суручану и мучаюсь от того, что я такой тупой, ведь говорил нам каплей Поповских: цельтесь в ж... — она больше головы — всяко-разно попадешь, а я все, как дурачок, в голову да в голову... <ИВ>

Юрий
ХАБИБУЛИН

БРАТ

Родился в 1953 году, 25 мая в городе Минусинске Красноярского края.

Отец и мать были геологами, поэтому им приходилось работать там, куда посылала страна.

Попали в Тбилиси. Я прожил там 40 лет.

В 1970 году я закончил Тбилисскую 2 среднюю школу. В 1971 году поступил на вечернее отделение Грузинского Политехнического института в Тбилиси по специальности «Автоматика и телемеханика». С 1972 по 1974 год проходил срочную службу в СА в войсках радиоразведки. Студентов-вечерников тогда от армии не освобождали.

После демобилизации продолжил обучение в ГПИ и закончил его в 1980 году. Работал Тбилисском Радиотелецентре электромехаником АСК, на заводе наладчиком, в НИИ Электротехнических устройств ЛНПО «Красная заря» инженером, в Институте Механики машин АН ГССР младшим научным сотрудником, в НИИ Стабильных Изотопов старшим научным сотрудником, в Тбилисском университете на Опытном производстве института Физики высоких энергий инженером-конструктором 1 категории, старшим инженером во Всесоюзном Институте усовершенствования врачей при 9-ой больнице на кафедре спортивной медицины и лечебной физкультуры, редактором газеты по здоровью и так далее. Есть 20 научных работ, из них 9 изобретений. Награжден нагрудным знаком «Изобретатель СССР».

Из Тбилиси с семьей уехал 7-го ноября 1993 года. С 1993 года и по настоящее время живу и работаю в Белгороде.

С 2004 года занимаюсь в Литературной студии Белгородского отделения Союза Писателей России.

Автор двух книг «Там, где вечно бродит тайна» и «Улыбка черной мамбы». Рассказы, статьи и отрывки из романа «Патриоты и негодяи» о жизни и событиях в Грузии, научная фантастика печатались в различных белгородских газетах, литературных альманахах: «Ветер перемен», «Звонница», «Белые кручи», журналах: «Наш современник», «РБЖ-Азимут», сборниках научной фантастики: «Аэлита», «Солнце чужого мира», «Звезды Внеземелья».

За окном, забранным снаружи железной решёткой, которую обвивала замерзшая виноградная лоза, сгустились сумерки. В Тбилиси умирал очередной день бесснежной зимы страшного девяносто второго года. Сюда, на второй этаж, через закрытые окна доносились привычные звуки далеких выстрелов и иногда буханье взрывпакетов и разрывы гранат.

В маленькой комнатухе трехэтажного флигеля, пристроенного сзади к главному корпусу девятой больницы, было тепло и уютно. Комнатуха недавно была гордо переименована в компьютерный центр и оборудована одним компьютером, принтером, факсом, стулом и диваном для отдыха.

Сергей, которому досталось заведовать означенным «центром», работал старшим инженером в отделении лечебной физкультуры и был единственным электронщиком на всю больницу. Он занимался компьютерной диагностикой пациентов, ремонтировал электронное оборудование, участвовал в научных работах и делал еще многое, что было бы долго перечислять. Кроме того, он, конечно же, оказывал и массу мелких личных услуг по технике всем сотрудникам, кто бы к нему не обратился за помощью.

Сергею шёл тридцать шестой год. Он уже успел обзавестись семьей и двумя детьми, мальчиком и девочкой, двенадцати и семи лет, но зато не успел отяжелеть, облысеть, отрастить животик и приобрести дурной характер. Наверное, поэтому женская, большая часть, отделения находила своего старшего инженера очень симпатичным и похожим на одного известного киноартиста. Это мнимое сходство Сергея сильно смущало, но, одновременно, почему-то сильно облегчало ему жизнь, позволяло поддерживать хорошие отношения со всеми сотрудницами и немногочисленными сотрудниками.

Ходил Сергей по больнице, так же как и весь персонал, в белом халате, из-за чего пациенты часто принимали его за доктора. Это вызывало у врачей улыбку, но никто не возражал, все понимали, что Сергей и вправду доктор, только по технике. А без современной техники сейчас никуда...

Коллектив в отделении был дружный и разновозрастный, интернациональный и весёлый. Все прекрасно ладили.

Больница находилась в Ваке, одном из самых престижных районов города, где жили очень известные и состоятельные граждане, и поэтому всякие безобразия тут происходили относительно редко. Воевали, митинговали и бандитствовали больше на окраинах, в отдаленных районах или в центре: на проспекте Руставели, вокруг Дома Правительства, на площади Ленина. Обычно все страсти кипели там. Больница была еще более или менее спокойным местом, потому что, как у сторонников Звиада Гамсахурдиа, так и у его противников, там лежали раненные или больные друзья и родственники. Вероятно, из-за этого начинающаяся гражданская война пока обходила клинику стороной.

Сергей уже вторую неделю не мог добраться домой, в другой конец города. Почти полностью перестал работать городской транспорт и даже остановилось метро. Слава богу, что еще работали телефоны, и он каждый день по несколько раз звонил домой, успокаиваясь только, когда слышал

в телефонной трубке голоса жены и детей. Но успокаивался он ненадолго. Грабежи и убийства в городе стали обычным явлением. А постоянно сидеть дома было нельзя. Надо же как-то находить пропитание для семьи.

Приближался Новый год, но многие служащие, застряв в разных районах города, не могли вернуться домой, превратившись в настоящих кавказских пленников.

Странные времена пришли в Тбилиси! Вроде бы еще не война, но уж точно не мирное время. Повсюду неорганизованно шлялись вооруженные люди, среди которых были как принадлежащие к двум враждующим лагерям: проправительственного — Звиада Гамсахурдиа, и оппозиции — группировки «Мхедриони» Джабы Иоселиани, так и всякая шваль, как всегда верно оценившая ситуацию.

Бандиты и воры в политику только играли, а жертву выбирали лишь по толщине кошелька. Правда, частенько случалось, что и толщина кошелька роли не играла — убивали просто так, удовольствия ради.

Добраться в таких условиях домой было равносильно самоубийству. Проскочить удавалось только в те дни, когда начинали работать метро и городской транспорт. Вот тогда оголодавшие вдалеке от дома граждане бестрепочно и осторожно пробирались по полупустынным улицам, стараясь по дороге купить хоть какую-то провизию. Это было непросто — город фактически не снабжался. Дождавшись следующего момента относительного спокойствия, «кавказские пленники» брели обратно — на службу. Надо было зарабатывать «фантики» — купоны вместо денег на хлеб — и казаться нужным на работе, чтобы не потерять ее совсем. Потерявший работу терял и шанс выжить — не только для себя, но и для своей семьи.

В дверь комнатухи постучали.

— Сережа, ты здесь? — послышалось из соседней ординаторской.

— Здесь, здесь, тетя Нино, — обрадовано отозвался Сергей, бросаясь открывать двойные двери своего «компьютерного центра». Двери состояли из бутафорской хлипкой деревяшки со стеклами и наружной железной решетки на петлях, с висячим замком, который Сергей принаровился отпирать и запирать изнутри, просовывая руки между прутьями решетки. Какая-никакая, а защита!

Санитарка и по совместительству уборщица тетя Нино, всегда в чистом и выглаженном белом халате, в белоснежной косынке, завязанной сзади под волосами, и стоптанных домашних туфлях, принесла Сергею ужин. В больничной столовой всегда что-то оставалось. Некоторые из больных питались только тем, что приносили родственники, игнорируя скудный

и неаппетитный казенный порцион. Некоторые, ничего не поделаешь, умирали... И после них тоже кое-что оставалось.

Этого кое-чего понемногу хватало и дежурным врачам, и санитаркам, и таким вот горемыкам, как Сергей, застрявшим на работе. Брезгливость стала nepозволительной роскошью. Дают — ешь! Мало, невкусно, но с голоду не умрешь...

— Я тебе каши принесла, с хлебом. Извини, что больше ничего не осталось.

— Ой, да что вы, тетя Нино! Спасибо большое! Вы и так меня балуете. Что бы я тут без вас делал?

Сергей, звякнув ключами, открыл замок, вышел из комнатухи и увидел приветливое лицо женщины.

У Сергея с тетей Нино была взаимная симпатия. Худенькая подвижная женщина лет чуть более сорока, невысокого роста, с паутинками ранних морщин на узком лице и теплыми карими глазами была всегда в хорошем настроении, несмотря на явно нелегкую жизнь и уже заметный отблеск серебра в волосах. Она постоянно была чем-то занята, кому-то помогала, что-то прибирала, вытирала. Работа в ее руках спорилась.

— Когда покушаешь, тарелку тут, на столе оставь. Я утром убирать приду и заберу ее.

— Конечно, тетя Нино. Кстати, угощайтесь, у меня вот конфеты остались. Попьёте с чайком.

— Не надо, Сережа. Сам покушай или детям отдай, — застеснялась Нино.

— Да есть у них дома ещё. Берите!

Взяв конфету, женщина положила ее в карман и, по привычке смахивая тряпочкой со стола и подоконников пыль, запричитала:

— Что творится в городе! Опять раненых привезли. Трое сразу умерли. Один при смерти, мальчишка совсем еще. В живот попало... Так жалко. Он кричит все время. Морфий колют, но надолго не хватает.

Она зачем-то переставила с места на место горшки с цветами, теснящиеся на подоконнике, открыла и закрыла форточку, сгорбилась, повернувшись к окну, и Сергей понял, что сейчас она заплачет. Но она не заплакала, только вздрогнула плечами и продолжила:

— Наши ничего сделать не могут, говорят, умрёт всё равно. Мать его привезли. Так плачет, бедная! Я не могла рядом с ней стоять. Убегала. Что за жизнь страшная стала! Каждый день мальчики молодые умирают, каждый божий день...

Тетя Нино всё-таки всхлипнула, не удержавшись, и сразу же стыдливо замолчала.

Сергей тоже молчал, не зная, что сказать.

Да, такое случалось каждый день. Десятки, сотни, тысячи смертей ни в чем неповинных людей. Кто-то добивается власти, а кто-то играет в войну. В казаков-разбойников. Понимая, что такое жизнь, лишь тогда, когда ее теряет. Вот что принес за собой развал Советского Союза.

Нет больше державы! Рухнул Союз, рассыпавшись на части, а части бросились растаскивать на куски, кусочки, крошечки... И пошло, и поехало... Лес рубят — щепки летят? Только кто щепки? Здесь, в основном, грузины грузин убивают. В других республиках другие заварушки, другие сценарии. И везде, по большому счету — молчок! Только отрывочные сведения. Чтобы не шокировать благопристойное общество, не будоражить народ, не накалять страсти. Потому как если правду начать рассказывать — те, кто еще не передрался, тоже с катушек съедут!

Молчание начало тяготить, и Сергей попытался отвлечь женщину от грустных мыслей.

— А как там ваши дети в Коджори поживают? Там, наверное, тихо?

У тети Нино сразу потеплели глаза, и она, вспомнив о детях, действительно, немного успокоилась.

— Слава богу, у них все пока хорошо. Там не стреляют. Кушать не-

множко есть. Запасы вовремя сделали. В деревне никто не воюет. Зачем соседу с соседом воевать? Из-за кого? Из-за Звиада? За Джабу? Кто лучше, кто хуже — откуда простой народ знает? Они все красиво говорят. В деревнях мужчины по домам сидят. Только у некоторых мальчишки убежали в город, воевать. Одни за Звиада, другие против. Всё зло — оно из города идет! Чего этим вождям вечно не хватает? Почему по-человечески между собой договориться не могут? До власти бы только дорваться! О людях почему никто не думает?

Сергей принялся успокаивать вновь разволновавшуюся женщину:

— Тетя Нино, не переживайте! Всё будет хорошо. Скоро это безобразие кончится, и мы опять заживём, как раньше!

— Скорей бы уж! Все люди давно устали. Эти только наверху никак власть не поделят... Нам-то с тобой, Серёжа, ведь нечего делить, правда?

— Правда, тетя Нино! Я вас просто люблю, вы мой ангел-спаситель! Что бы я без вас делал? Умер бы с голоду! — совершенно серьезно сказал Сергей.

— Ладно, Серёжа, не преувеличивай. Ты ведь то же самое делал бы для меня, если бы был на моем месте, правда?

— Правда, тетя Нино! Вы же и сами это знаете!

Помолчали.

— Эх, — вздохнула Нино, — пойду я. Поговорила с тобой, и как-то легче стало. Ты скажи, если тебе помочь чем-то надо. Продуктов могу из деревни привезти. Соседи поросёнка недавно зарезали, с нами поделились. Я могу тебе половину от своего куска привезти. Лобно есть, кукуруза...

— Нет-нет, тетя Нино, спасибо. Не надо. Вам самой детей кормить нужно. А у меня пока есть еще дома запасы. Сухари, картошка, мука, консервы. На базаре чего-то прикупаю. Перебьёмся. И вы тоже не стесняйтесь, если чем смогу помочь. Телевизор там починить, телефон или радио. Антенну поставить.

— Ничего пока не надо, Серёжа. Пойду я. Мне ещё четыре палаты убирать надо, два коридора...

Совсем недалеко горохом рассыпались автоматные очереди, послышался звон бьющегося стекла, выкрики и вой моторов. Стрельба явно приближалась к больнице.

Нино и Сергей невольно посмотрели в окно. За невысоким парапетом с решёткой, отделяющим двор от проспекта Чавчавадзе, в слабом свете редких фонарей вдалеке ничего нельзя было разглядеть.

— Снова начали, сейчас опять раненых привезут. Пошла я, Серёжа, — устало произнесла санитарка. Руки её, покрасневшие от постоянной возни в холодной воде, судорожно мяли тряпку.

— Дзалиан диди мадлоп, калбатано Нино (Спасибо большое, тетя Нино), каргад икавэ (до свидания), — Сергей сказал это по-грузински, чтобы сделать ей приятное.

— Каргад икавэ, — улыбнулась Нино и заторопилась по своим делам.

Доступ к больнице был открыт в любое время дня и ночи. Охранников или сторожей во дворе и приёмном отделении и раньше-то никогда не было, а теперь это были бы вакансии для смертников. Разгорячённые пролитой кровью боевики, привозившие своих раненых, не посчитались бы ни с какой охраной или ограничениями передвижения. Главный аргумент вместо документов всегда был наготове и назывался АК-47. Или, на худой конец, «Макаров».

Сергей наскоро поел, помыл тарелку и собрался позвонить домой, когда под окном захлопотали близкие очереди. Со звоном разлетелось оконное стекло, и, недалеко от его головы, на стенке, взвились фонтанчики пыли, полетели куски штукатурки. В правое надбровье угодил острый осколок стекла, и глаз мгновенно залила кровь.

Сергей упал на пол, подполз к умывальнику, не поднимаясь, дотянулся до полотенца и, намочив, крепко прижал его к брови, пытаясь остановить кровь. Внизу, во дворе слышались крики, возбуждённые голоса, вы-

стрелы, удары пуль в стены, визгливые звуки рикошетов.

В дверь флигеля забарабанили кулаками.

Открывать Сергей не стал. Здесь сейчас вообще никого не должно быть. Сегодня воскресенье. Это просто он тут застрял, но кроме тети Нино об этом никто не знает. И даже если входные двери внизу сломают, у него есть возможность, воспользовавшись ключами от обычно запертого перехода, пройти в здание больницы. В дверь помолотили прикладами автоматов, но, не увидев никакой реакции, оставили вход в покое.

Между тем, стрельба переместилась к заброшенной стройке в дальнем конце двора. С маленьким промежутком глухо прогремели два взрыва. Затем шелкнуло несколько сухих пистолетных выстрелов, и всё стихло. Через несколько минут стрельба возобновилась и явно начала удаляться в сторону от больницы, туда, где находились огромный мусорный бак и выход в овраг.

Сергею удалось остановить кровь, и он залепил порез на надбровье куском лейкопластыря. Из разбитого очередью окна сильно тянуло холодом. Выключив свет и стянув при свете фонарика клеёнку с койки в одной из процедурных, Сергей прикрепил её к деревянной раме найденными в ящике своего стола канцелярскими кнопками и все тем же лейкопластырем. Все приходилось делать в темноте, чтобы не привлекать внимания с улицы.

Вдруг ему послышалось, что снаружи донесся слабый стон. Осторожно приоткрыв окно в ординаторской и выглянув наружу, Сергей никого внизу не увидел. Стон повторился. Тихонько приоткрыв еще одно окно, которое располагалось почти над входом во флигель и высунувшись по поясу, он внимательно оглядел двор и опять никого не заметил. Прислушался. Стонали в кустах, прилепившихся к облезшей от времени и до-

Да, такое случалось каждый день. Десятки, сотни, тысячи смертей ни в чем неповинных людей. Кто-то добивается власти, а кто-то играет в войну. В казаков-разбойников.

жей стене.

Надо было что-то делать! Но что? Открыв двери и выйдя из флигеля, он запросто мог получить пулю от этого раненого или от тех, кто его ранил. И то, и другое не привлекало. В то же время, бросить человека умирать на улице — не по-людски. За помощью бежать долго, да и кого позовёшь? Тетю Нино? Чтобы она точно так же рисковала? Несколько докторов и медсестёр заняты с больными или на операциях. Окажутся ли в приёмной здоровые мужчины, которые помогут перенести пострадавшего к дежурному врачу — неизвестно. Как неизвестно и то, не пристрелят ли они этого самого пострадавшего сразу, на месте, узнав в нём политического противника...

Вот чёрт! Но нельзя же вот так бросить человека без помощи! Какая разница за Звиада он или за Джабу! Он сейчас просто раненый!

Приняв решение, Сергей накиннул поверх спортивных брюк и свитера белый халат, взял фонарик, из аптечки вытащил несколько рулонов бинта и, на всякий случай, интуитивно прихватил еще один белый халат для раненого. Зачем — и сам не понял, — инстинкт сказал, что так надо, и оставалось только послушаться.

Далёкая стрельба постепенно стихла.

Осторожно спустившись по лестнице к входной двери, Сергей постоял с минуту, прислушиваясь к тишине снаружи, затем очень осторожно открыл замок и отодвинул в сторону тяжёлую деревянную створку. У козырька над входом тускло горела слабая лампочка, освещающая табличку на стене с названием отделения. Светила луна, и из некоторых окон больницы лился наружу яркий электрический свет. Сильно пахло сгоревшим

порохом.

Еле слышный звук донесся справа, из кустов. Быстро оглядев безлюдный двор, Сергей медленно вышел на свет, вжав голову в плечи и ежесекундно ожидая получить пулю из темноты. Он отдавал себе отчет, что в белом халате его прекрасно видно, и это может сработать как в плюс, так и в минус.

Преодолев страх и пригибаясь, он пошел к тому месту, откуда слышал стоны. В узком пространстве между стеной флигеля и стеной кустов виднелось что-то темное, напоминающее то ли брошенную одежду, то ли холмик разрытой земли — сразу не разберешь. Тёмное пятно. Зато в тусклом свете подсевшего фонарика ошибиться было трудно: на земле в луже черной крови лежал мужчина в камуфляже. В руке у него был пистолет с оставшимся в заднем положении затвором — отстреливался раненый до последнего патрона. Он был без сознания, при каждом вдохе в груди лежашего что-то хрипело, иногда он тихо стонал.

Осторожно высвободив из руки человека пистолет и отбросив его в сторону, Сергей быстро осмотрел раненого.

Это был совсем еще мальчишка, лет 16–17, со слабым пушком на перепачканном грязью лице, явно еще незнакомым с бритвой. Пуля попала ему в плечо, чуть ниже ключицы, и он потерял много крови. Размотав из рулонов бинты и соорудив из них нечто вроде большого тампона, Сергей разрезал перочинным ножом одежду, приложил быстро намокающий марлевый комок к ране и примотал его к телу последним рулоном. Ненадолго сойдёт! Затем осторожно приподняв парня, кое-как накинул ему на плечи захваченный халат, и, забросив его здоровую руку себе на шею, мед-

Эмоциональная речь на грузинском прозвучала настолько неожиданно от русского «медбратишки», что в воздухе повисли изумление и растерянность.

ленно поволок обвисшее тело обратно к открытой двери.

Но добраться до порога он не успел. Из темноты послышался тяжёлый топот. Со стороны оврага бежали вооружённые люди с автоматами, вероятно, те самые, которые стреляли во дворе.

— Стой на месте!

Кричали резко, зло, по-грузински. Вспотевшей спиной ощущая направленные на него стволы, Сергей остановился. Ставший вдруг невероятно тяжелым мальчишка норовил соскользнуть на пол. Его ноги в тёртых берцах и заляпанных камуфляжках торчали из-под условно белого халата, как заячьи уши из-за грядки.

Через секунду Сергея окружили возбуждённые погоней, пахнущие порохом и потом мужчины в камуфляже без знаков различия. Это была еще одна примета времени — разобрать, кто скрывается под пятнистой робой: бандит, гражданский, военный — было решительно невозможно!

Крупный вспотевший мужчина с окровавленным ухом и красным, как светофорная лампа, лицом накинул на Сергея:

— Русский, да? Здесь работаешь? Доктор, да? Медбратишка? Стучали сейчас сюда, в эту дверь, зачем нэ открыл?

— Да здесь никого и не было. Сегодня же воскресенье. А я только сейчас пришёл из приёмного, — как можно спокойнее и убедительнее ответил Сергей, чувствуя, что врать он так и не научился.

— А это кого ташышь? Здесь подобрал, да?

— Нет, это больному плохо стало, вывел на воздух подышать, а он тут отключился.

Краснорозжий детина недоверчиво оглядел висящего на Сергее человека, подошёл ближе и, увидев в тусклом свете лампочки кровь, проступившую сквозь накиннутый белый халат, рассвирепел, отчего акцент

усилился ещё больше, а на одутловатом лице начал нехорошо дергаться глаз:

— Зачём врошь? — он так и сказал «врошь». — Это, навэрно, тот самый набичвар (ублюдок), который в нас стрелял из-за угла. Совсем свэжий повязка! Один здэсь гдэ-то прятался, а второй туда убэжал, — мужчина махнул стволом автомата в сторону оврага, словно дубиной, и потрогал окровавленное ухо.

— Эти звиадисты нас в засаде поджидали, как трусы. Стрелять только из-за угла умеют. Сандро убили, с...ки! А только мы из машины выскочили, сразу, как зайцы, в кусты. — Он с отвращением сплюнул. — Нэ мужчины, а бабы, билять!

Остальные бойцы, человек семь-восемь, тяжело дыша после погони, сгрудились вокруг и подозрительно разглядывали Сергея, как бы невзначай наставив на него автоматы.

— Эсли этот шакал еще живой, отправим его в ад! За Сандро! — неожиданно психанул здоровяк.

Передёрнув затвор автомата, он подошёл вплотную к Сергею, приглядеться, дышит ли ещё несчастный. В это время мальчишка застал и пустил изо рта длинную липкую нить розовой слюны. Мордатый вырвался по-грузински, резким движением оттолкнул руку Сергея, и тело раненого безжизненным кулем свалилось у стены.

— Отойди, русский, — наставляя автомат на лежашего звиадиста, пропел сквозь зубы командир, — отойди на х.., это наши дела! Да?! Сами разберёмся! Я сам его вилечу, иди, занимайся своими дэлами! Не было здэсь тэбя! Понял, да?

Здоровяк попробовал отодвинуть Сергея в сторону стволом автомата. Стоящие за ним подчинённые замерли на местах, как готовые наброситься на овцу волки, но не вмешивались.

Сергей не отошел. Наоборот, он сделал шаг вперед и закрыл собой раненого мальчишку.

Казалось, воздух звенит от сгущающейся злобы. Еще мгновение — и стая бросится вперед, рыча и лязгая желтыми от никотина клыками, одержимая одним желанием: почувствовать солоноватый вкус чужой крови.

Подняв глаза, «медбратишка» встретил совершенно безумный взгляд выпученных, сливового цвета глаз жоака, который перед своими людьми не мог показать слабость. А Сергей не мог отойти. Он чувствовал, что сейчас в его жизни наступает решающий момент: если он отойдёт и даст пристрелить беспомощного человека, то придётся с этим жить всю оставшуюся жизнь. Жить с постыдно заledenевшей от страха спиной, под этим давящим, как бетонный блок, беспощадным взглядом, с ощущением липкой крови на подрагивающих от страха руках.

Он не сможет уйти, как бы жутко ему не было...

Молчание затянулось.

Старший попал в неудобное положение.

Неуступчивый русский оказался не в том месте и не в то время. Надо ему показать, кто здесь, на этой земле, гость, а кто — хозяин.

Здоровяк, наливаясь дурной кровью, чуть приподнял автомат и нажал на спуск. Очередь с грохотом прошла прямо над головой Сергея — брызнуло кирпичной крошкой, и стая шарахнулась прочь, чтобы спустя миг обступить еще плотнее.

«Откуда этот русский вообще взялся? Пришлили бы спокойно гада звиадиста и уехали. Кто сейчас будет разбираться, кто кого замочил? Они нас — мы их! В городе полно случайных жертв, а тут эти сволочи из засады Сандро убили. Все видели. И этот, который теперь на земле валяется, конечно, один из них, иначе, откуда он здэсь? Да еще явно только что раненый».

Но русский отступать не собирался. Он заложил руки за спину и стоял, как ни в чём не бывало, будто ждал на остановке автобус. Рука мордатого легла на спусковой крючок. Сергей не мог отвести взгляд от неожиданно тонких, как у пианиста, пальцев, с безобразно обгрызенными ногтями,

лежащих на черной автоматной стали. Губы пересохли, и, казалось, сейчас начнут лопаться, смачивая свежей кровью заостренную гортань. Как говорят в таких случаях: кто-то должен был умереть...

За спиной детины раздались нерешительные голоса:

— Джемал, пойдём, он и так сдохнет, слушай! Не надо тут шуметь. Всё-таки, больница... Он своё уже получил...

«Джемал, — автоматически отметил Сергей, — ну что ж, Джемал, будем знакомы, хоть не могу сказать, что мне приятно...»

Но мордатый рассвирепел и не думал отступать.

Сергей почувствовал, что ситуация «зависла» и что наступает момент, когда надо или склонить чашу весов на свою сторону, или умереть — и, к удивлению всех, заговорил на чистом грузинском:

— Батонебо (уважаемые), это раненый. Даже если он в чём-то виноват, его надо сначала вылечить. Потом разбираться. Может, вы ошиблись, и это совсем не тот человек, о котором вы подумали. Кроме того, он ещё совсем мальчишка, а вы все вашкацы (витязи), взрослые мужчины. Не годится взрослым мужчинам убивать детей. Неправильно это. Я тоже, как мужчина, не могу отойти. Если хотите его убить, стреляйте сначала в меня, чтобы я такого позора не видел и никому про вас потом не смог рассказать. Как несколько мужчин с автоматами убили одного мальчика без сознания прямо на пороге больницы. А я всем расскажу, и ваши лица запомню, клянусь своими детьми!

Эмоциональная речь на грузинском прозвучала настолько неожиданно от русского «медбратишки», что в воздухе вместо сгустившейся враждебности повисли изумление и растерянность. Стая загудела, как пчелиный улей — послышалось покашливание, а потом кто-то сказал «Вах!» Джемал оскалился и перехватил оружие поудобнее: теперь оно смотрело Сергею точно в живот. Инициатива ускользала из его рук, и инстинкты подсказывали мордатому, что надо что-то делать. Но что? Стрелять или продолжать разговор — он ещё не решил.

— Мальчишка, говоришь? Бичи, да? — предводитель обошёл Сергея, словно тот был не человек, а столб, и, наклонившись, взгляделся в перемазанное грязью и кровью лицо лежашего.

Внезапно растерянно ахнул, уронил автомат, и, упав на колени, прижал голову раненого к себе.

— Чемо бичи, вай ме! Амис дедаватери! Старый я, тупой баран! — завыл он, словно зверь, запрокидывая крупную, лохматую голову. И, закрыв глаза, закричал, разрывая горло:

— Сынок!

Джемал медленно покачивался, баюкал неподвижное тело, а его отряд от растерянности даже опустил стволы к земле. Спустя минуту двое бойцов, осторожно отняв у командира тело ещё живого сына, почти бегом понесли его через флигель коридорами к приёмному отделению.

Найденного в дежурке врача подталкивали к приёмному покою столами автоматов. Потом старенький, до полусмерти испуганный доктор хлопал красными от постоянного недосыпания веками и пачкал ладони в крови.

— Ты должен его спасти, понял, да? Все сдэлай, только чтобы он жил, понял, да? Если не выживет, тэбя тут же пристрэлим, понял, да? — бессмысленно запугивал доктора незадачливый отец. Глаза у Джемала были полны слёз, но он просто не умел уговаривать по-другому. На каждое «понял, да?» доктор кивал седенькой головой и испуганно озирался.

Подбежали медсестры и на тележке увезли белое, как бумага, тело раздетого мальчишки готовить к операции.

Джемал увязался за ними.

Сергей, коротко переговорив с перепуганным врачом, подошёл к бойцам, которые уселись в коридоре на скамейках, неловко придерживая автоматы.

Этот мир стерильной чистоты и белизны вокруг был другим, не таким, каким они привыкли видеть его на улицах или сквозь прорезь прицела

оружия. Здесь всё навредило на мысли о краткости и хрупкости человеческой жизни, и это была не их территория... Сюда каждый из них в любой момент мог попасть совсем в ином качестве. Оружие здесь казалось не к месту, и «вашкацы» явно чувствовали себя не в своей тарелке.

Сергей обратился к ним опять по-грузински:

— Я поговорил с врачом, он думает, что всё обойдётся. Пугать его только не надо, а то у него и так руки трясутся, как бы нечаянно хуже чего не сделал. Врач хороший. Его зовут Леван. Он будет делать операцию. Дай бог, чтобы всё хорошо кончилось. И сочувствую вам за Сандро. Я его не знал, но, наверное, хороший человек был. Пусть земля ему пухом будет!

Испуганная стая вдруг стала тем, чем была на самом деле: молодыми, заросшими по самые глаза неопрятными бородами, парнями, едва перевалившими за двадцать лет. Мальчишками, на самом деле. Чуть постарше того, безбородого, на чьём лице сейчас крепил маску сонный анестезиолог.

— Спасибо, брат! Меня зовут Малхаз, — сказал один из них, коренастый, похожий на медведя, вставая и протягивая опешившему Сергею руку для пожатия.

— Ты хороший человек. Если что понадобится, я твой должник. Мы ещё встретимся. Как тебя зовут?

— Сергей, — сказал Сергей. И повторил, уже пожимая следующую руку:

— Меня зовут Сергей...

Он повторял это ещё много раз, не запоминая имён тех, кто знакомился с ним, обнимал, похлопывая его по плечам. Стая стала людьми, но что помешает им снова стать стаей?

В коридоре его догнал Джемал.

Он дышал тяжело и видно было, что держался на пределе. Командир был гораздо старше остальных. На глаз, лет сорока пяти.

Он потоптался на месте, не зная, что сказать или, может быть, не находя подходящих слов, Потом, неожиданно, неловко обнял Сергея и, скрывая слезы, заговорил ему в плечо торопливо, мешая русские и грузинские слова:

— Мадлоп, дэмао (спасибо, друг)! Спасибо, что не отступил! Ты мне теперь, правда, как брат! Что бы ни случилось... Нэ могу подумать! Своими руками чуть сына нэ убил...

Сергей молчал, чувствуя, как дрожат в коленях ноги, и вспоминал плюющийся пламенем ствол, зависший в нескольких сантиметрах от лица, брызжущую во все стороны жёсткую кирпичную крошку и бешеные сливовые глаза, прожигающие его насквозь. Ничего не хотелось. Хотелось пить. Воды, а ещё лучше — водки. Или спирта, чтобы внутри отпустило и перестало холодить грудь слева... Чтобы проглотить пережитый страх, утопить в хмеле и забыть и этого человека, обнимавшего его, и звон гильз о бетон, и кислый запах застарелого пота, которым пропахла куртка Джемала.

Он стоял, бессильно опустив руки, а сам, помимо воли, говорил, и слова, слетавшие с его пересохших губ, были словами утешения.

— Всё будет нормально, — говорил он, не слыша собственного голоса, — всё будет нормально. Всё будет... <ИВ>

Александр
НЕМЕНОВ

http://artofwar.ru/n/nemenow_a_e/

РАЗГОВОРЫ
С БУМАГОЙ

Чукча — не писатель, Чукча даже не всегда читатель, Чукча — сниматель...

Почти всегда за кадром остаётся столько всего интересного, того, что трудно, да и нет времени выразить фотографиями. Через несколько дней в командировке, где нет компании привычных друзей-фотографов, начинаешь тосковать по русскому языку, вот и получаются разговоры с бумагой.

ЧАСТЬ I

«Я спросил тебя: Зачем идете в горы вы?»

В. Высоцкий

19/09/2007

Прилетел из Аммана в Баглад.

18/09/2007

Иордания. Амман. Шикарный пятизвёздный отель в самом центре, штук пять разных ресторанов, несколько бассейнов, водитель на Мерседесе. Глоток воздуха перед погружением.

Вспомнился мне совсем другой отель.

Чечня. Грозный. Конец декабря 1994. Весь город по ночам в огне, люди бегут не весть куда. Тюки, мешки, санки, старухи, дети. Холодно. Темно. Сыро. Страшно до тошноты. Народ поговаривает: вот-вот высадутся «боевые пловцы» — сначала выключат весь свет в городе, а потом всех перережут. — И при чём тут «пловцы»? Сплетни — вещь нелогичная.

Каждое утро — свежевывалившийся снег, с редкими дорожками следов, и запах гари, аж нос щекочет. И тишина в ушах звенит после ночных налётов. Развороченные автомобили с простынями прикрытыми трупами внутри. Туман.

Морковкин Толя и я, ещё в ТАССе дело было. На ночь глядя решили на ночлег устраиваться. Нашли гостиницу объединения Грознефть, в самом центре города, к тому времени уже стемнело, и в мокром небе стал появляться гул самолётов. Как комар летает, вроде и не беспокоит, но раздражает — укусы может.

Ждали недолго, через несколько минут посыпалось с неба. То там, то здесь рвётся. Туман очень густой. Красное зарево разливается. Добежали до «Детского мира». Как раз ракета в дом попала. Пожарные приехали по привычке. Тушили, пока из сил не выбились, бросили.

Но я не об этом вспомнил. Пришли мы с Толей в гостиницу после. Недалеко уже два дома горели. А в гостинице две старушки, перепуганные насмерть, бельё нам выдали, взяли плату, квитанцию выписали. Через пару дней, к слову, этого отеля не стало.

Вся гостиница пустая — одни мы. И надо ж было нас поселить на последнем этаже. В самый раз во время авианалёта. Поужинали мы, значит, с Толей — полбутылки водки, пара «сникерсов» — и спать. Не спится, страшно, всё ближе и ближе рвётся, встали, допили бутылку и пошли на первый этаж к старушкам под лестницу прятаться.

Бабки сидят, валидол трескают. Нам трескать больше уже нечего, так сидим. Замёрзли, как собаки. Холод и желание спать в итоге пересилил страх, плюнули и пошли наверх досыпать.

Выходим утром... Ну, это уже другая история.

Всё, что я пока вижу, не описать словами!!! Такого уровня охраняемости, как здесь, я не видел нигде. Ребята, которые тут работают, тоже не видели такого нигде в мире. Похоже, тут всё серьёзнее, чем виделось издали. Меня в аэропорту встретил кортеж из трёх автомобилей, четыре охранника с автоматическим оружием, по виду, люди с богатым военным прошлым. Меня посадили в среднюю машину — бронированный Chevrolet Caprice Classic, — прочитав короткую лекцию о правилах поведения и рассказав о количественном составе «группы поддержки» и её вооружении, заставили снять и убрать подальше тёмные очки — слишком издали выдают иностранца, местные их не носят.

— При передвижении по городу пользоваться запрещено!

Ребята дослали патроны в стволы, и мы рванули. Одна машина впереди метрах в ста и вторая — метров двадцать сзади. Почувствовал себя президентом.

Охранник неторопливо рассказывал, что здесь и как, но, проехав последний блок-пост зоны безопасности аэропорта, замолчал и напрыгся. Город безлюдный, постоянно в небе пара американских «Blackhawk» (многоцелевой вертолёт Сикорский УН-60 «Чёрный ястреб» — прим. ред.), сменяя друг друга, полно блокпостов. Каждые 10 секунд переговоры между машинами по радио. При въезде в офис — осмотр днищ машин на предмет мин и т.д. Здесь все живут и работают — это большой особняк в укрепленном районе press village. Бетонный забор — четыре метра высотой, колючая проволока, вышка с автоматчиком, масса obsługi из местных.

Как только я появился в офисе, местный региональный шеф из Никосии посадил меня за деск, а сам на 2-3 дня уехал делать мою работу — на меня ещё не готовы документы. Завтра меня таким же эскортом повезут за аккредитацией, пару дней я просижу тут редактором.

Жаль, не готовы документы — тут началась интересная история: Аль-Каида отбила у американцев одну деревню к северу от Багдада, и те собираются с силами, чтобы взять её обратно. Звонили утром, спрашивали, где я, а у меня ещё не готовы документы. Вот такая история.

Ночью жарковато, несмотря на вентилятор и кондиционер, какие раньше делали на Бакинском заводе: звук, как от запускаемого трактора, сидеть рядом какое-то время можно, читать —

трудно, спать — нет.

Выключив, спать тоже нельзя — жарковато. С потолка машет крыльями вентилятор. Ну просто первые кадры Кополовского «Апокалипсиса»

20/09/2007

День второй. «Матрица-Перезагрузка»

Про вчерашнюю деревню — оказалось лажа: постреляли, побегали, поорали, а населения в «отбитой» деревне — пара чабанов и полтора барана. Наоравшись, убежали.

Сегодня меня повезли в CPIC (combined press information center — пресс-центр, короче) в «Зелёной зоне» Багдада. Выбросив меня почти на ходу из бронированной машины — останавливаться там нельзя — и взяв слово не выходить обратно за ворота одному, а только когда к ним за мной подскочит эта же машина, меня отправили в него за аккредитацией для работы в Ираке с силами коалиции.

«Зелёная зона» — вещь удивительная с точки зрения безопасности. Это место, где сосредоточены всяческие официальные учреждения, в том числе американское посольство и тому подобное.

Подходя к первому КПП, необходимо отсоединить все батареи от телефонов. Речь о том, чтобы пронести какую-либо аппаратуру, не идёт! Здесь запрещена любая журналистская деятельность, кроме комнаты для брифингов.

Всего по дороге в пресс-центр пришлось пройти около десятка КПП и быть досмотренным несколько раз. Путь до пресс-центра — это метров 100-200 через извивающиеся бетонные заборы и мотки колючей проволоки. Везде спрашивают два документа, один из которых подтверждает другой.

Кое-как добрался до пресс центра. Милая девушка в форме американской армии предложила заполнить и подписать ряд анкет, улыбаясь, сняла отпечаток указательного пальца, образец подписи на электронном сканере, спросила группу крови и предложила сфотографироваться. Достав «мыльницу», попросила сесть на стульчик перед логотипом пресс центра.

На мой шуточный вопрос:

— А вы тоже немного фотограф?

Ответом было:

— Нет, я военнослужащая армии США, — но при этом хитро улыбнулась.

Больше вопросов у меня не было!

Минут через десять меня пригласил на аудиенцию другой очень юный военнослужащий, оторвавшись от своего компьютера, на котором он играл в некое подобие «counter-strike».

— Вы не возражаете, если мы снимем ваши биометрические параметры, сэр?

Ну что тут ответить, вопрос риторический.

Меня посадили на стул и отсканировали каким-то устройством анфас, оба профиля и с двух сторон в «три четверти». Потом отсканировали все пальцы рук (хорошо, что этим закончилось) и сетчатки обоих глаз. Я всё ждал, когда предложат «дунуть в трубочку». Это нам всё же ближе, да и мотивация ясна!

Через пять минут я стал счастливым обладателем карточки с кучей голограмм, моей подписью, отпечатком указательного пальца и кучей моих биологических данных.

На этом радость не закончилась. Подойдя к последнему КПП, я должен был включить местный телефон, позвонить охраннику и продолжать ждать внутри ни делая и шагу за ворота.

О ужас! Телефон потребовал PIN, о котором уехавший с военными на пару дней фотограф забыл мне сказать.

Попробовав пару стандартных PINов, у меня осталась одна попытка. Единственный номер в моём московском телефоне, который мог меня спасти, был мобильный зам. директора фотослужбы из Никосии, она мне говорит их стандартный PIN, он не срабатывает, телефон блокируется — все контакты в нём. Жарко, охрану не вызывать, начинают коситься местные военные. Пришлось вызывать охрану опять через Кипр.

Охрана, подъехав сегодня, порадовала:

— Становится прохладнее.

— ???

— +45.

— !!!!

Фото АРР / Александр Неменов

Днём вышел на крылечко офиса покурить наивно, забыл на столе тёмные очки. Моментально ослеп, обжёг горло, попробовав вдохнуть воздух, обиделся, выбросил сигарету и вернулся.

ДОЧЬ: Subject: RE: трям! =):

Пипец, Александр Евгеньевич. Ты как про какую-то другую реальность пишешь (как в кино всё) Моему больному, искалеченному Голливудом и неразделенной детской любовью к Тому Крузу сознанию рисуются преинтереснейшие картины: горячая пустыня, кругом пески, военная база. В нижнем углу экрана печатается строчка «секретное месторасположение спецвойск. Время 5:32 PM» (или что-то типа того). Небритый ты в тёмных очках и в каком-нибудь полукамуфляжном одеянии. Рядом с тобой непременно должен быть иностранный напарник, кто-нибудь, типа Вина Дизеля: большой, накачанный и лысый. В бронежилете, можно с каким-нибудь пулеметом в руках для дополнения образа. И вот вы идёте в сторону этой базы, молча и не спеша. Воздух плавится — картинка расплывается.

21/09/2007

«...кто-нибудь, типа Вина Дизеля».

Вообще, охранный бизнес поставлен здесь надлежащим образом, так что и Винов, и Дизелей — пруд пруди! Создаётся впечатление, что все ветераны всех существовавших на планете войн приехали сюда по контракту с различными западными охранными фирмами.

Ещё в аэропорту Аммана заметил небольшие группы людей спецназовского вида, но не военных. Одеты почти по-военному, но с большей долей свободы — вроде всё военное, но чувствуется, что куплено в гражданских магазинах дорогого снаряжения. Так делают люди, имевшие армейское прошлое и продолжающие ныне работать на этом поприще «свободными художниками».

Jean-Philippe, или просто JP, один из двух людей, руководящих нашей охраной — личность французо-арабского типа, лет сорока, более точной идентификации поддается с трудом, видимо, происходят с людьми какие-то биологические изменения под воздействием среды обитания.

Чувак невысокого роста, в меру накачанный, смотрит на мир спо-

койно-утомлённым взглядом человека, давно понявшего жизнь и поэтому никуда не торопящегося. Напоминает Ван Дамма. О его прошлом сомнений нет, но «в лоб» об этом никто здесь не спрашивает.

Глаза оживают, когда он начинает расспрашивать про чеченцев, про русский «спетназ», про то, каким спортом занимался Путин. Кстати, какие интересные судьбы бывают у некоторых фотографий: он восхищался картинкой в какой-то местной газете, где Путин ловит рыбу topless (не рыба topless, а ВВ, хотя, и он тоже не рыба) почти так же, как это делала недавно одна моя знакомая журналистка из Австралии, увидев эту же картинку в каком-то своём «Вечернем кроликовом сиднейшине». Воистину, мир очень тесен!

Так вот. Нарассуждавшись всласть на дневном солнышке о том, как он уважает русских военных, не любит американцев, а вместе с ними и нового французского президента, поддерживающего их, и о том, какой может быть война в Иране, стал расспрашивать меня, кто из чеченских полевых командиров ещё остался в живых и как ему туда можно попасть, встретится с боевиками, поговорить... Единственное, что я смог ему посоветовать — стать временно журналистом.

Уже ночью он с воодушевлением, сидя на горячем ещё крыльце, рассматривал мои фотографии из первой Чечни, в основном обращая внимание на вооружение и лица бойцов. Когда палец у меня устал перелистывать картинки и горло высохло объяснять, что к чему, и я засобирался спать, ужас на его лице был сродни тому, какой отражается на лице ребёнка, когда тянешь руку выключить его любимый мультфильм перед сном!

Самая серьёзная и известная из работающих здесь частных охранных фирм — американская «Blackwater», с которой и связана куча скандалов. Я до этого и не представлял, что ЧОП, как говорят у нас, может быть настолько серьёзным.

Чуваки летают над городом на своих вертолётах, с торчащими из них пулемётами. Одежда полугражданская. Забавно смотрится человек в джинсах и с пулемётом, свисающий с вертолётки.

Они охраняют здесь американское посольство. Случай довольно редкий — частная фирма. Обычно это делают US Marines (Корпус морской пехоты США — прим. ред.). Американцы сказали мне, что marines здесь должны воевать, а не быть охранниками, но мне кажется, что дело не только в этом. В случае применения оружия при защите посольства и его чиновников и неизбежных жертвах среди

Фото АФР / Александр Цеменов

местных американцам будет проще отмазаться от этого — «какая-то частная фирма».

Ребята не заставили себя долго ждать. Шестнадцатого сентября, сопровождая кортеж чиновников посольства на окраине Багдада, открыли огонь, положив десять и ранив ещё тринадцать гражданских. Потом я узнал, что в Штатах эти чуваки тренируют «зелёных берегов» и прочий спецназ, работая на правительство. Теперь всё встало на свои места: профессионалы высшего класса с руками, не связанными никакой политикой.

22/09/2007

Побежали!

Под вечер сидение в офисе всем сильно надоедает. Самые стойкие высовывают свои рожи за высоченный бетонный забор и во главе с местным боссом совершают пробежку минут на тридцать-сорок. Двести метров в одну сторону и двести обратно.

Всё обставляется почти как боевая операция: открываются железные ворота, вываливается человека четыре из местной охраны, расходятся по периметру потом дают отмашку — «выпускай!»

Несколько счастливых людей ошалело носятся по дороге вдоль бетонных заборов туда-сюда по «Red Zone» — так американцы называют всю остальную территорию Ирака, кроме «Green Zone», нескольких гектаров земли за бетонными заборами. Это там, где пресс-центр, американское посольство и прочее, описанное в самом начале.

Волно нарезвившись, процессия скрывается за бетонными воротами нашего особняка, замыкаемая охраной. Прибежали!

23/09/2007

О тесноте мира

К вечеру приехал в «Green Zone», чтобы попасть на вертушку и полететь в 1-ю Кавалерийскую дивизию, третья бригада которой базируется под Бакубой. Зона ответственности — провинция Дияла. Это продолжатели дел тех самых ребят, которые катались на сёрфе под обстрелом, полив перед этим деревню напалмом в «Апокалипсисе» — та самая дивизия.

Проходя по «Green Zone», не поленился, посчитал посты — двенадцать на ста пятидесяти метрах!

Сижу в пресс-центре, вставляю новые шнуры в сапоги. Заходит сержант с отсутствующим видом и, глядя сквозь меня, говорит:

— А, новые шнуры. Ненавижу шнуры!!!

Постоял и вышел. Чё заходил?

Везут меня на джипе с грохочущей музыкой трое американских подростков в форме и с оружием, споря наперебой о текстах их любимых песен, мечтают, как они напьются, когда им исполнится 21. Интересуются российскими законами на эту тему, необходимостью их выполнения и тем, какая она на вкус, эта легендарная русская водка. Без ума от российских спортсменов — знают всех! Тинейджеры стебаются над каким-то национальным подразделением индейцев, не знаю из какой страны, крича в открытые окна на постах внутри Зоны, заглушая музыку:

— Амиго!!! Я забыл свой пропуск дома !!! Ха-ха-ха.

При этом жутко радуются, что им дозволено в этой жизни всё. Ребята из «Red Zone» ведут себя уже по-другому, как потом выяснилось. Подсакиваем к посадочной зоне «Washington» сзади американского посольства, резко тормозим.

«Chinook», транспортный вертолёт, обдал жаром и гарью, сержанты и офицеры в две колонны по одному, торопясь, провали-

Фото АФР / Александр Цеменов

ваются в него. Сержант-пулемётчик из экипажа аккуратно затягивает багаж в центральном проходе вертушки. Оторвались, полетели.

В дыре открытой аппарели ночное багдадское небо. В дрожащем тепловом шлейфе идёт, прикрывая нас сзади, «Blackhawk», время от времени выписывая немыслимые пируэты. На фоне огней ночного города — силуэт сержанта за пулеметом, смотрящего вниз; от нашей вертушки время от времени хлопками и искрами разлетаются тепловые ловушки; монотонный гул двигателей.

Народ очень быстро засыпает, по-моему, это особенность военных всего мира — использовать каждую минуту с пользой для себя — даже скорее рефлекс: жить быстро, чтобы всё успеть.

Вглядываясь в спящие лица, подрагивающие в такт вибрации двигателей. Несколько черных сержантов из Airborne (воздушно-десантные войска США — прим. ред.), молодые ребята — так и сели кучкой, все вместе. Пожилой главный сержант (должность в ВС США — прим. ред.) с красноватой кожей, с усами, как у героев Кустирицы, в камуфляже светло-песочного цвета, их уже отменили. Наверное, «календарей» двадцать пять выслуги за плечами. Интеллигентного вида молодые офицеры со следами Вест-Пойнта на лице, в тонких стальных очках, как в офисе. Блин, они смотрят тут не совсем в своей тарелке!

Лечу я себе и думаю. Ну что же такого интересного и притягательного во всём этом: в жуткой жаре в высоких ботинках, в застегнутой куртке — хоть выжимай, — в каске и в тяжёлом броне. Даже в состоянии покоя, ночью, чувствуешь, как по спине сползают капельки, шекоча всё то, что ниже. Так вот, наверное, адреналин появляется от того, что в данный момент чувствуешь себя частью самой сильной машины в мире — американской армии, — машины, работающей очень точно, как хорошие часы.

В каждом действии точность и уверенность в себе, своей правоте и силе. Иногда отсутствие сомнений — очень приятная вещь. Вспомнил Артёма Боровика, его «Как я был солдатом американской армии». Это если о сугубо бытовых чувствах, собственно работу оставим в покое, хотя в основе любой журналистики лежит неистребимое человеческое желание смотреть и узнавать что-то новое на халяву, да еще и получать за это деньги. Как только перестаёт быть интересно, становится нелюбопытно, надо бросать всё и идти торговать в мясную лавку.

Сравнивая их и нас приходишь к забавным заключениям. Наши никогда не ездят внутри бронетехники, почти всегда на броне — американцы всегда внутри. Наши выбирают, от чего спастись: от мины под колёсами или от снайперов — у американцев инструкция: только внутри. Пусть даже вокруг на сто километров ни одного снайпера и одни мины под колёсами — всё одно, тупо набьются внутрь.

Американцы всегда плотно застёгивают ремешки своих касок,

наш спецназ говорит, что в этом случае, при попадании в голову – ломается шея, а если расстёгнуто, то просто слетает шлем, не знаю, правда или нет – за что купил, за то и продаю. Хотя можно и потерять её и просто так, споткнувшись. У нас всё на творческой интуиции и опытно-раздолбайским путём. И них по инструкциям. Что лучше – не знаю. Вопрос философский. Одно знаю точно: наш опыт дороже.

Место, куда прилетел, называется FOB (Forward Operation Base [передовая оперативная база — прим. ред.]) «Warhorse» (лошадь, значит, боевая), таких баз очень много по всему Ираку. Сразу по прилету меня встречает молодой солдатик из пресс-службы кавалерийской бригады, это, собственно, их база и есть. Ну, точно как те худосочные лейтенанты из вертушки! Очень приятный и интеллигентный парень, совсем не похожий на чувака с армейского вербовочного плаката!

Зовут Бен, из Техаса. Идём по ночной базе, болтаем на сколько это возможно с сорока килограммами веса на мне. Обычный разговор двух незнакомых людей. Кто ты? Откуда? Как? И почему?

— Наверное, ты, чувак, не часто видишь русских в американской армии, а?

— Да нет! Был тут у нас один парень, русский фотограф, Дмитрием звали, долго работали здесь вместе. Подорвался вместе с нашими ребятами недалеко отсюда, на фугасе, все погибли. Ты его знаешь?

— ...
— Жена его у вас фотографом работает!
...Бросил на землю сумки, сели, я закурил, он проглотил леденец. Да, тесен мир...

Через пару дней, уже на заставе, ко мне подошел Staff Sergeant (штаб-сержант, воинское звание между сержантом [Sergeant] и взводным сержантом [Platoon Sergeant] Сухопутных войск — прим. ред.) Bertollini, представился и говорит по-русски:

— Сдрафстфуйте!
— И откуда, — говорю, — такие познания?
— Да вот, — говорит, — пытаюсь учить русский после Афганистана, нравится, как звучит.

— А в какие, — спрашиваю, — годы? Там был?
— 2001-2002.

Стали перебирать географию, и выяснилось, что чувак был одним из первых десяти специалистов, прибывших на Баграм для подготовки ввода американских войск — как раз один из тех, за кем мы все тогда так охотились там.

24/09/2007

Чай

После некоторых мытарств добираемся до выносного боевого поста на окраине Бакубы, где мне, видимо, и предстоит жить всё это время. Здесь базируется рота «Альфа» первого батальона 38-го пехотного полка. Они со своей бронёй приданы кавалерийской дивизии. Уже темнеет, вваливаемся в большой занятый ими дом, очень напоминает пограничную заставу. Или точно такой же ротный командный пункт где-нибудь в Грозном году в 95-м. Только флаг другой и оборудования побольше: везде холодильники с напитками, горы упаковок питьевой воды. Ей даже пол моют.

Не успел я представиться, как командир этой роты, капитан, не обращая на меня внимания, стал оживлённо ставить задачу тем, кто меня привёз. Где-то на окраине Бакубы обнаружили нечто похожее на фугас возле дороги и видели там каких-то подозрительных «плохих парней», надо съездить, разобраться. Спрашиваю у лейтенанта Jackson:

— Можно с вами?
— По мне, так можно всё, чё хошь, ща спрашу у капитана.
— Да пусть ездит с вами, куда хочет, мне по фигу.

Так легко мне не работалось давно, года с 95-го. На тебя никто не обращает внимания, но никто и не мешает, что гораздо важнее.

«Stryker» — что-то вроде нашего БТРа, только побольше, и техники внутри, как в космическом аппарате. Несколько светящихся экранов: положение по GPS, наложенное на карту с каждым домом, видеокамера, совмещённая с прицелом пушки, холодильники для воды, конечно, кондиционер и прочее и прочее.

Выезжаем в город. Сержант за монитором осматривает окрестности и каждого встречного человека. Ствол, естественно, вращается вместе с камерой. Тому, кто снаружи, должно быть очень не по себе. Он-то видит не камеру, а направленный на него ствол.

Во время осмотра одного из домов хозяин услужливо предлагает солдатам, осматривающим его дом, чай, ребята соглашаются. Один из солдат говорит:

— Я теперь понял, чем отличается их «чай» (по-арабски звучит точно так же, как и по-русски). Это наш «tea», только очень сладкий!!!

Сидим во дворе на коленях, ждём, пока сапёры разбираются с той хренью, из-за которой мы сюда и приехали, пацанам скучно, и они наперебой спрашивают меня, где я был, каких знаменитостей снимал. Выпыtywали, сколько я зарабатываю, потом один посмотрел на меня, о чём-то задумался и говорит:

— Если меня убьют, не снимай меня, ладно?

Где-то на окраине Бакубы обнаружили нечто похожее на фугас возле дороги и видели там каких-то подозрительных «плохих парней», надо съездить, разобраться.

25/09/2007

Одному гулять — не скучно!

Утро, часов девять, очнулся, всё проспал — рядом никого, пустые спальники. Свешиваю голову со второго этажа своей койки — совсем никого.

Спускаюсь вниз, в комнату управления: пара дежурных офицеров, и никого больше.

— Где все? Где капитан?
— Уехали на патрулирование, сэр.
— А чё меня не пнули?

— Да я вообще был не в курсе, что вы здесь, сэр, — отвечает огромный чёрный First Sergeant (первый сержант, воинское звание между взводным сержантом [Platoon Sergeant] и штаб-сержант-майором [Staff Sergeant Major] в Сухопутных войсках — прим. ред.) Wilson.

Решил дожидаться капитана. Умылся из бутылки с питьевой водой, почистил зубы, и ну давай ждать.

Через пару часов в комнату влетает капитан. Первое, что говорит: «Так, чувак, дай-ка мне пару минут», — и кивает на дверь. Выхожу в коридор, сижу, листаю журналы. «Rolling Stone», юбилейный выпуск, посвящённый сорокалетию движения хиппи: Битлз, Роллинг Стоунз, цветы, любовь и всё такое. 1967-й год.

Чувствую, что-то случилось, все молча стоят с каменными лицами, глядя в стены. Капитан ходит из угла в угол. Ну, думаю, подстрелили кого, не иначе.

Капитан приглашает несколько человек в свою комнату, захо-

пывает дверь. Народ кругом рассовался по углам, из-за двери жуткий крик:

— Твою мать!!! Ты что, мать твою!? Ты солдат, твою мать, армии США!? Твою мать, или ты кто???? Мать твою!!!

Застава вымерла.

Потом узнаю, что утром патруль был обстрелян снайпером, про которого была заранее информация, но все «затупили». Что-то мне всё это напоминает, где-то я всё уже это видел и слышал... Никого не зацепило.

Ну, коли так, раз я везде опоздал, пойду, хоть найду какой-нибудь душ после двух суток беготни в бронежилете и каске. Должны же они где-то мыться. Капитан рассказал мне, где душ, пообещал больше меня не забывать, жизнь, в общем, налаживается. Нашел я трубу в стене в абсолютно тёмном помещении с цементным полом и дыркой в нём, поворачиваю кран — вода — невиданное блаженство!

Вытерся кое-как и думаю: одеть, что ли, в честь такого праздника свежую маечку или добить старую? Три недели тут сидеть, а маек не до фига.

И вот иду я весь в этих мыслях, приглаживаю волосы на черепке, а тут мне навстречу вылетает сержант, и орёт:

— Сэр, давайте скорее, вас командир ждёт, он едет на операцию! Бегу и думаю: на фиг мылся? Хорошо, переодеться не успел. Одеваюсь, прыгаю в «Stryker», поехали!

Командир машины — здоровый немолодой сержант, ору, перекрикивая шум двигателей:

— Какая наша миссия, сэр?
— Движение и контакт!
Каков вопрос, таков и ответ.
Солдатик напротив, узнав, что я из России, спрашивает:
— А что ты с нами-то? Здесь русской армии нет, вроде?
— Нет, — говорю, — в этот раз ваша очередь наступать в дерьмо. Посмеялись.

Собрался спать, лежу себе на своём втором ярусе, читаю, значит, книжицу, романтическая такая, знаете ли, одного Нобелевского лауреата. В дверь раздаётся робкий стук. Оп-па, что-то новое для «казармы». Просовывается голова и робко так на меня смотрит, глазами хлопает и спрашивает:

— Вы журналист?
— Ну да, — говорю, — вроде того.

— Командир просил вам передать, что в 24:45 выезжаем на операцию.

Вот это, думаю, сервис — жизнь-то налаживается!!!
24:45. Народ кучкуется на выезде с заставы — курят, гогочут, поправляют навешанное барахло. Подхожу к лейтенанту:

— Куда поедем, сэр?
— Искать «плохих людей»! Залезай, давай!
Сажусь в замыкающий «Stryker», поехали.

Ночь. Куда-то приехали. И тут чувак, стоящий рядом за пулемётом, открывает рампу и, снимая наушники, говорит:

— Чувак, выходи, пройдёшь на 12 часов 200 метров, там голова нашей колонны. Наши тебя встретят. Всё! Вперёд! — и закрывает за мной рампу.

Открытый космос! Первый человек на Луне. Медленно оседает взбитая моей высадкой мелкая пыль, слой которой сантиметров двадцать, мелкая, как цемент. Светит полная луна, тихо работают двигатели. Никого. Сделал шаг вперёд, сообразил, что «на 12 часов» — это прямо по ходу движения, пошёл.

Иду, отошёл метров 50, оглянулся — никого. Как под воду нырнул. И воздух кончается. Побежал потихоньку, барахло придерживая, чтоб не звякало. Добегаю до двух головных машин — никого. Кожей чувствую — видят меня, лупятся в мониторы, но рампу опускать не торопятся. Ну, думаю, ща уедут куда-нибудь, и здоровья желаю! Проходит секунд десять, отваливается рампа — влезай!

Знакомый уже первый сержант говорит:
— А чё эта ты по ночам один шастаешь? Какой мазафакер тебя отпустил, а?!

— Да я, в общем, не сам это выдумал.
Сказать-то мне сказали, а по радио никому не передали.
— Аааа. Мы за тобой давно наблюдаем. В прицел! Но решили сначала разобраться, что это за мать твою там к нам идёт. Будет кто ещё такое советовать — посылай!

Тут же мне в броник, не спрашивая моего на то желания, вживили какую-то пластиковую палочку, которая в приборе ночного видения очень хорошо светится, знать, чтоб не мучиться больше дурацкими вопросами, типа «ой, а хтой-то к нам идёт»?

Задержали кучку «плохих парней», отняли у них пучок оружия, затолкали их в «Stryker», дышать в нём стало нечем, уж больно плохие парни — даже вонючие.

Фото AFP / Александр Неменов

Парни те в итоге оказались не совсем уж плохие, как все подумали поначалу, они из отряда местной самообороны, которые сами американцы и создали из местных. Только разрешалось им иметь по одному Калашникову. А у них пулемёт нашли и винтовку снайперскую. Чуть не постреляли их по ошибке. А ошибки разные бывают.

Чечня. Грозный. Конец декабря 1994-го.

Так вот, выходим мы с утра пораньше из гостиницы той замечательной. Снег свежий выпал, припорошил всю гарь и грязь. Никого вокруг. Только мы и наши следы вдоль всей улицы. Идём себе, думаем, где бы это нам машину раздобыть, в сторону Москвы пора бы.

Идём мы и об ожидающем, значит, нас счастье с дядей Толей беседуем. Вдруг откуда ни возьмись появляется пяток чеченцев. Все в белых масках, с пулемётом, всё, как у взрослых. По другой улице к тому же перекрёстку, что и мы, подходят. Встретились два одиночества. Это сейчас смешно...

— Кто такие? Откуда? Куда?

— Да мы иностранные журналисты, фотографы, — я пресс-карту ЕПА немецкого вытащил, Толя — Восток-Пресс, французский, ТАС-Сом было лучше не представляться.

Они меж собой кыр-гыр, мыр-гыр, потом один и говорит:

— А где ваши вторые удостоверения?!

И вскакиваем среди ночи вместе.

Всё поровну. И если что-то и расхлёбывать вместе, никому в голову не придёт сказать: «Там сегодня опасно, ты остаёшься».

— Какие вторые? — а у самого всё похолодело.

— Ну как какие? Что ты нам тут ванку валаешь?! Офицераф ФСК (так тогда ФСБ называлось). Ну-ка, всё из рюкзака на снег! Быстро!

Всё, думаю, приплыли. Если правда найдут вторые ксивы, пусть даже и ТАССовские, доказывать, что «ты не верблюд», будет уже бесполезно.

— Ыщите у них рацыу, это — каректыровшыкы! Всю ночь огон каректыравали.

Хрен редьки не слаще.

Не нашли ничего, плохо искали, слава Богу.

— Расстрелять вас бы надо. Мы знаем, кто вы. Но вдруг ошибемся, всяко бывает, не хотим грех на душу брать. Идите отсюда.

Тогда они ещё благородные были и наивные. И пошли мы на негнущихся ножках.

Приезжаем на заставу, «плохих парней» выгрузили, хлоп — и свет погас. Чувачёк азиатского вида курит, сидит, пепел стряхивает и говорит: «А, это кто-то что-то в генераторе хотел починить. Вот, — говорит, — всегда у нас так: одно чиним — два ломаем, два чиним — ломаем четыре. Всегда, мать твою!»

До боли знакомая картина, не так ли?..

Ложусь спать, свесил голову вниз — так и обомлел: спит подо мной Specialist (звание в армии США, эквивалентное младшему сержанту — прим. ред.) Luke Weschenfelder, рядом с койкой у головы — прочитанные письма из дома, большой плюшевый медвежонок — его дочка из Миннесоты, Бритни, прислала сегодня посылку. Спит себе, винтовку обнял.

На следующий день ребята подходили, нюхали:

— Девчонкой, — говорят, — пахнет.

Он с этим медвежоном потом каждый день в обнимку засыпал.

26/09/2007

О профессионализме

Даже в области общения с прессой они не боятся показать ничего, в том числе и применение силы, чувствуя стопроцентную уверенность в своей правоте. Наши же скрывают всё — как бы что не вышло. А поэтому постоянно и выходит.

Профессионализм виден во всём — и в отношении к прессе. У нас журналиста везут в армию, как в цирк. Посадят на хорошие места, и давай крутить приготовленную программу. У них — нет. Ты приехал, тебе надо работать, они, как профессионалы в своём деле, уважают профессионализм в других людях, но ты должен соответствовать, тогда все как по маслу и уже забываешь, что шутят с тобой по-английски и ты тоже мелешь в ответ какую-то весёлую чушь. Принимают тебя просто, как своего военнослужащего, почти никаких ограничений. Так, как будто ты приехал к ним служить — ты свой. Поэтому мы с ними и говорим на одном языке, каждый понимает, что ему нужно. Даже спим в одной комнате — фотоаппараты вперемешку с оружием, мой бронешилет и каска в одной куче с их снаряжением в углу. И вскакиваем среди ночи вместе. Всё поровну. И если что-то и расхлёбывать вместе, никому в голову не придёт сказать: «Там сегодня опасно, ты остаёшься». Правда, перед этим подписываешь кучу разных бумаг, что отказываешься от любых претензий — если что.

И про «если что» тоже есть чёткие понятные правила. «Армия США не будет препятствовать журналистам в освещении людских потерь, но имена KIA (killed in action — погибших на операции) и фото- и видеоматериалы, чётко идентифицирующие личность KIA разрешаются к распространению через 24 часа после того, как будет сообщено ближайшим родственникам» — чтобы родственники узнавали об этом не из прессы, а от Правительства. «Съёмки, чётко идентифицирующие личность, и опубликование имён раненых разрешается только с их письменного согласия».

За свою безопасность ты тоже отвечаешь сам, в меру осознания своего долга. Если погиб журналист на операции, погони ни с кого не полетят — сам знал, на что шёл, от того и доверие. У нас же считается, что жизнь журналиста дороже, чем жизнь солдата, за журналиста навтыкают, поэтому лучше его никуда не пускать, пусть сидит при штабе, а снимает лучше пуск первого трамвая в Грозном, чем в рейды ходить — погони целее будут.

Сегодня снова на ночь глядя, аккуратно после ужина, поехали опять ловить «плохих парней» — входит в традицию. Нет чтоб днём, как у людей. Прибежали местные и настучали, что видели группу, человек сорок боевиков.

Поехал сам капитан Sutterlund, командир роты: высокий, ладно скроенный, очень эмоциональный человек со шведской фамилией и с очень уставшими глазами. «Развлекаться» начал ещё в Боснии. На днях с большим интересом слушал мои рассказы про опыт российских военных, описанный выше (про то, кто где ездит и как каски носит), и с интересом узнал, что лёгкая противопехотная мина отгрызает только пальцы, если ты в кроссовках, ну а если в высоком ботинке, то весь ботинок вместе с ногой — подошва слишком крепкая.

Приехали, стволами повели и вернулись — не нашли никого. Что ж за ними всю ночь бегать. А с утра дела. Собрались по Бакубе пошариться — патрулирование. <ИВ>

(Продолжение в следующем номере)

Дмитрий СУХОРУКОВ

http://artofwar.ru/s/suhorukow_d_a/

ЛЮБОВЬ

— Съест она тебя, будь спокоен, — настаивал на своём Чех, — она тебя сначала сильно полюбит, потом посолит, поперчит и скушает, а подруги ей помогут.

— Чех, ну что ты такое говоришь? — мягко возражал Мирчо. — Тут уже сто лет, как никого не едят, они уже все университеты позаканчивали, — без особой уверенности говорил Мирчо.

— Ага, то-то они сюда все после университетов возвращаются, — не унимался Чех. — Если и возвращаются, то те, кого сильно в «большом мире» обидели — такие с ещё большим удовольствием тебя слопают, — Чех просто снял. — Мирчо тушёный, Мирчо с корочкой, крем-суп из Мирчо.

— Ты забыл — Мирчо со товарищи, — парировал Мирчо.

— А мы тут ни при чём, нам тут никто лучезарно не улыбался, руками в шалашик не манил. Вся слава тебе, вкусенький ты наш, — Чех аж зажмурился от удовольствия: запутать кого-нибудь — это же его любимое занятие.

Вечерело, как обычно в лесу. Только что было светло, и вот уже одни силуэты.

Мы выдвинулись с базы утром втроём: я, Чех и Мирослав. Цель нашей поездки была не сильно сложная, можно даже сказать увеселительная. Мы ехали разыскивать нашего сослуживца Рэя.

Рэй выехал с базы за сутки до нас на своём потёртом «Судзуки Самурай». Притормозив на КПП, он заявил, что будет к вечеру, и не появился. Всё, что нам было известно — это направление строго на юг. Зачем пару раз в месяц Рэй выезжал в практически непроходимый лес Экваториальной Африки, не знал никто. Официальная версия была — изучение малых народностей исчезнувших в нашем веке государств. Но, скорее всего, Рэй просто с кем-то очень крепко подружились, потому что кроме винтовки, топора и лопаты он всегда с собой брал избыточное количество консервированной ветчины и печенья. Расстояние до соседних деревень было небольшое, но была одна проблема — направление. После базы все дороги на юг кончались, впереди были только тропки и необъятный лес, красивый, опасный и манящий. В этом лесу в небольших поселениях обитали местные жители.

Поначалу по прибытии на базу я жутко хотел попасть в эти деревеньки, мне представлялись картинки из «National Geographic» или «Discovery»: ритуальные пляски, дикивинные обычаи, невиданной красоты женщины и воины-мужчины. На самом деле всё оказалось намного прозаичней: первобытно-общинный строй был сильно разбавлен многовековой историей колонизации, войнами и дележом земель. Редко где можно было встретить деревеньку более чем на 100 жителей, и нищета была такая, что только ритуальные танцы и танцевать. Все мои описания относятся только к населённым пунктам на удалении не более чем 50 км от базы. Дальше, постоянно прорубая и прокапывая дорогу джипу, никто ехать не решался. Не было никакого интереса.

Поэтому, выезжая утром, мы рассчитывали уже в обед найти Рэя, надавать ему тумачков и вернуться к вечеру. Нашим планам не суждено было сбыться. В соседней деревушке видели джип, но показывали строго на юг, в следующей было то же самое. Дальше мы ехали просто по джипизёсу строго на юг и за полчаса до наступления темноты въехали в довольно большое поселение. Все домики располагались на большой поляне, никакого присутствия Рэя и его «Самурая» тут не было. Нам пришлось доложить на базу об остановке на ночёвку и искать местного «шерифа».

Машина в считанные секунды была окружена галдящей толпой детишек, в стороне опасливо собирались девушки и юноши. Мы открыли двери, подняли руки с открытыми ладонями вверх и, улыбаясь, как клоун Рональд, вышли из джипа. Я осмотрелся по сторонам и увидел только улыбающиеся лица, мы опустили руки, и Чех заговорил по-испански: «Мне нужен главный, отец, старый мужчина, мать народа, сын бога...»

— Я тут, тут, уже весь тут прямо сейчас, — говорил это крепенький седой старикан, которого привела чрезвычайно красивая для тех мест девушка.

— Вы пришли торговать? Снимать в камеру? Записать книгу? — вождь улыбался в предчувствии внеочередной премии.

— Нет, отец, мы ищем своего товарища, такого же, как мы, только на белой машине, — расстроил вождя Чех.

— Ходите в дом для путников, — пригласил нас вождь и посеменил впереди, показывая дорогу.

— Переведи ему, что мы останемся ночевать, а утром он покажет, в какой стороне соседняя с юга деревня, скажи, что мы пришли с севера. Мы дадим ему... — тут я задумался, что бы дать этому моднику, которого просто необходимо описать.

Итак, наш гостеприимный вождь был одет, как настоящий денди, с поправкой на долготу и широту. Самым главным украшением, конечно, были бежевые шорты Легиона, слегка порванные, но старательно зашитые. На лодыжках и запястьях вождя было надето несметное количество браслетов: кожаных, матерчатых, деревянных. На голове козырьком назад была одета кепка с логотипом CNN, кепка была невероятно чистая — я готов поспорить, что надевал он её только к приезду дорогих гостей. От шеи до пупка вождь был покрыт традиционной татуировкой, на шее, кроме пучка перьев и кожаного мешочка, висел секундомер Casio ярко-зелёного цвета. Как вы видите, вождь был в «полном порядке».

«Что бы дать? Что бы дать-то?» — задумался Чех.

— Вот! Отец, мы дадим тебе две банки ветчины, очень вкусной, только нельзя есть её всю сразу, будет плохо, — Чех выскочил из хибарки и через секунду вернулся с двумя банками датской ветчины.

— Я умею есть ветчину, — торжественно заявил вождь, с любовью прижав банки к груди. — Сейчас ваша будет кушать, — вождь продублировал сказанное жестами, погладил живот и подвигал челюстью.

— Переведи, пока он не ушёл, — попросил я Чеха. — Пусть никто ничего не берёт у машины, это табу, нельзя.

Чех перевел, и вождь сильно обиделся. Он начал, пританцовывая на одной ножке, рассказывать, какая у него тут дисциплина, и что никто даже не дотронется до нашей машины.

— Ну, это уж слишком, — засомневался я, — пусть уж потрогают, не часто же к ним Land Rover заезжают.

Чех перевёл, лицо вождя засветилось от удовольствия, он высунул голову из хибарки и что-то прокричал детворе, которая не отходила от нашей машины, но и не приближалась. Как по команде, десятки рук начали гладить джип, самые смелые прикладывали носы к боковым

стёклам, кто-то полез под днище. Мы были счастливы, что таким простым способом расположили к себе местное население.

Мирчо, всё это время сидевший в джипе, вылез и было уже пошёл к нам, как вдруг застыл на месте. В трёх метрах от него с таким же выражением счастливого недоумения, стояла местная красавица. Она просто поела Мирчо глазами, она теребила кожаные шнурки на груди, всё её тело передавало на сверхвысокой частоте: Мирчо, ты мужчина моей мечты. Я окликнул Мирчо, он затряс головой, прогоняя наваждение, широко улыбнулся красавице и залез под крышу домика для путешественников.

Кстати о домике: он выглядел, как игрушечная избушка на курьих ножках, завсегда детских площадок, построенных в Советском Союзе. Кто не застал территориально или по времени, поясняя: это кругленький домик из толстых веток диаметром 3-4 метра и высотой 1,2 метра. То есть, путники должны быть или очень компактные, или их должно быть немного.

Уже совсем стемнело, когда нам на подносе принесли традиционное угощение — запечённые бананы в кожуре и рыбу в глине. На всякий случай я развёл каждому в кружке по асептической таблетке, и мы приступили к трапезе. Всё это время рядом с домиком караулили девушки и юноши, вероятно, ожидая поручений. Мы жестами поблагодарили их за еду и перебрались в джип. В свете факелов в 30 метрах от джипа был замечен силуэт девушки, не надо было светить фонарём, чтоб понять, кто это был. Вот тут-то Чех и начал дразнить Мирчо:

— Понимаешь, почему она тебя выбрала? У них же тоже всё, как у наших девушек. Вот ты, Мирчо, любишь картошку и мясо, а она любит, допустим, пирожные. Но не любые, а какие-то определённые, то есть, мы с Колосом, например, эклеры, а ты, Мирчо, — профитроль. Так что, верняк, она тебя съест, зато хоть ночь любви будет «по любви», а не за деньги, — Чех хохотал и попутно откручивал крышку с бутылки виски.

— Чех, ты просто болван какой-то, — расстраивался Мирчо. — Ну поулыбалась девушка, ну руками поводила, что сразу в койку?

— Колос, кто тут болван? Ему девушка в самом соку говорит на языке тела: «бери меня — я вся твоя», а он ещё сомневается, — Чех разлил виски по кружкам и затянулся сигаретой.

Силуэт девушки пропал.

— Вот, — всматриваясь в ночь, с грустью в голосе сказал Мирчо, — ушла твоя людоедка, Чех.

Тут к окошку со стороны Мирослава прикоснулась ладонь, Мирчо открыл дверь, девушка просто взяла его за руку и повела за собой. Мы не проронили ни слова.

— Знаешь, что, Колос? — спросил Чех, одним глотком допив виски из кружки.

— Что? — спросил я, чувствуя необычную лёгкость в теле и на душе.

— Давай выпивать и желать всякие вещи.

— То есть, говорить тосты? — переспросил я.

— Да — забываю русский — говорить тосты, поднимать бокал, — засмеялся Чех и налил в кружки ещё.

— Давай, — согласился я, чуть опустил стекло и вдохнул запах леса.

Этот запах нельзя скомбинировать и нельзя никак вывезти оттуда. Если бы какой-нибудь парфюмер смог повторить этот запах, я бы купил сто флаконов. Он снится мне до сих пор вместе с шорохами ночных животных и насекомых, вместе со звуком двигателя нашего джипа, вместе с острыми запахами железа оружия и латуни боеприпасов, вместе с ароматом запечённых в кожуре бананов, вместе с горькими голосами местных жителей — это дух Экваториальной Африки, он вселяется в каждого, кто там побывал, и напоминает о себе всю жизнь, особенно в дымке мегаполисов.

— Давай выпьем, чтоб Мирчо было хорошо, — предложил Чех.

Мы стукнулись железными кружками и выпили.

— Давай за то, чтоб везенье было в жизни, — протянул я кружку, Чех наполнил, и мы выпили.

— Чтоб нас любили женщины и деньги, — Чех был в своём репертуаре.

— Чтобы ещё в ста местах на земле найти свой дом и настоящих друзей, — огни тухнувших факелов призрачно отблёскивали в кружках с виски.

— Чтоб мы жили сто лет и помнили только хорошее. Пожалуй, на сегодня хватит.

Чех проверил пистолет, поднял стёкла, закрыл двери, вытащил ключ из замка зажигания и повесил на цепочку на груди, цепочку спрятал под футболку. Я откинул кресло, и, слушая сопение Чеха, ворочался, сон не шёл. Тогда я взял из багажника спальник и пошёл в «гостевую домик». Подмёл ворохом листьев пол от возможных насекомых, залез в спальник, проверил, дотягиваюсь ли до пистолета, и застегнул сетчатый клапан над лицом. Сквозь мелкую сетку клапана и шели в крыше домика было видно звёзды. Они были настолько яркие и крупные, что, казалось, лежишь в планетарии. В такие ночи вся прожитая жизнь приходит к тебе, садится рядом и заставляет себя вспомнить. Со скоростью электрички в метро мимо пронеслись достойные и недостойные поступки, весёлые и грустные моменты, разрозненные мысли и недолдуманное. Засыпая, я думал о том, насколько все люди во всех уголках земного шара похожи. Все рождены лишь для любви и получения удовольствий, и практически никто этим не пользуется. Люди убивают друг друга, стравливают народы, охотно идут на поводу у провокаторов, с радостью берут в руки оружие. Всё это только дальше отодвигает их от основного предназначения — исследовать мир, в который они попали, и во время своих исследований получить максимум удовольствия.

Последней перед сном была странная мысль о владельцах телевизоров за десятки тысяч долларов. Мысль была спровоцирована каталогом одной крупной компании — производителя плазменных панелей, я листал его от нечего делать в самолёте. Ещё тогда я поймал себя на мысли, что не умею смотреть телевизор. Этой ночью я думал о другом. Вот живут люди, работают, зарабатывают, потом покупают телевизор за 10 тысяч долларов и смотрят на нём про тропический лес,

допустим. Потом они смотрят про океан, про горы, про бедуинов и пигмеев, про сафари и дайвинг, про футбольные чемпионаты и конкурсы «Мисс Мира». Но ведь это просто картинки, ничего этого, на самом деле, люди не видели, они просто смотрели на коробку с микросхемами за 10 тысяч долларов, а эта коробка показывала мир с точки зрения одноглазого парня с бетаканом.

Утром я проснулся от топота маленьких ног и радостных криков. У джипа, фыркающая, умылся Чех. С десяток воинов племени во главе с вождём пришли к гостевому домику. Перед собой они толкали совершенно ошалевшего Рэя. Он был в одних трусах, его руки были связаны, головой он вертел, как подбитый танк башней, а глаза вращались, пытаясь понять, что происходит. Вождь жестом пригласил нас в домик и на лице его был написан праздник духа. Ведь он чувствовал себя великим воином и охотником. Чех распорядился Рэя развязать и отдать ему его вещи. Пока Рэй раздавал освобождённым руками подзатыльники своим конвоирам, мы приступили к важнейшему процессу вознаграждения вождя. Я принёс из машины четыре банки ветчины и две упаковки печенья, всё это я горькой положил перед вождём. Тот важно кивал и предлагал продолжить церемонию. Чех принёс из машины запасную карту и маркером обвёл место, где находилась деревня вождя. Вождь зарделся от умиления, но виду не подал, он важно кивал и ждал чего ни будь ещё. Добил его я резиновой русалкой, которая болталась на зеркале заднего вида и сильно меня раздражала. Вождь тут же потерял интерес к церемонии и начал обсуждать, как бы приладить липучку со шнурком и русалкой к себе на шею.

Он начал, пританцовывая на одной ножке, рассказывать, какая у него тут дисциплина, и что никто даже не дотронется до нашей машины.

Возле машины, весело переругиваясь, стояли Чех с Рэем. Чех показал мне знаками — время. Я пошёл искать Мирчо. Нашёл я его у дальней избушки, он сидел на корточках, отвернувшись к лесу, и шмыгал носом. Увидев меня, он поспешно вытер лицо беретом и встал мне навстречу.

— Время, — сообщил я и хлопнул Мирчо по плечу.

— Уже иду, — Мирчо замялся. — Слушай, только Чеху ни слова...

— Молчу, — заверил я друга.

— Ведь они сразу умирают, если забрать их в «большой мир»? — голос Мирчо предательски дрожал.

— Конечно, брат. Ну не сразу, может, но за год точно, иммунитета совсем нет, а у нас, сам знаешь, вирусы... да и что тут ехать, всего ничего, тем более, ты дорогу знаешь... — прозвучало фальшиво, но Мирчо с благодарностью на меня посмотрел.

Машина, медленно объезжая детей, покидала деревню, посмотреть на отъезд собрались все жители, не было только той девушки...

По дороге Рэй рассказывал, как сломался его «Самурай» и как он пёр шесть часов по лесу со всем, что смог взять из машины. Потом он рассказывал, как его под утро «купили» у вождя деревни, где он ночевал, как он слышал весь торг и был разочарован ценой всего в банку ветчины и копей с перьями. Мы оживлённо болтали, стояло раннее утро, воздух был ещё туманно свеж, первые птицы уже вспархивали, слышав нашу машину. Чех крутил баранку, Рэй сидел рядом с ним и в лицах рассказывал, как его тащили. Я украдкой посмотрел на Мирчо, который отвернулся к окну, и на его берет с тёмными пятнами слёз и сел посредине заднего кресла, закрыв обзор назад Чеху и Рэю. <WB>

Алексей
КУЗИКОВ

http://artofwar.ru/k/kuzikow_a_m/

СЬЕРРА-ЛЕОНЕ. КОНВОЙ

Пять утра, уже не заснуть... Нигерийские протестанты уже вовсю распевают песни, а кровати наши стоят почти под окнами их казарм, под навесом. Скоро начнется хождение, нет, не поспать мне. Надо встать, а как не хочется... Выпутываюсь из противомоскитной сетки и не могу сдержать смеха. На груди у начальника штаба сладко поспывает Степашка, четырехмесячная мартышка, подаренная то ли нигерийцами, то ли кем-то из местных. Старый полковник привязался к обезьяне и души в ней не чаёт, кто-то из шутников уже предложил НШ усыновить животное. Сначала Степашка вынужден был коротать ночь вне кровати, но после натурального-таки плача и нытья был допущен под сетку к полковнику, быстро успокоился, пригнулся и уснул. А вот меня обезьяны чего-то недолюбливают, так и норовят цапнуть, ну да ладно, переживем.

Все как обычно: умылся из приколоченного рукомойника, собрал кровать, запрятал в кузове машины, попробуй оставь что-нибудь — ноги приделают быстро или черные товарищи по оружию, или местные.

Стоим на территории обычной школы в лагере нигерийского батальона в Порте Локо, это семьдесят километров от родимых Лунгов, нашего, украинского, базового лагеря. Скоро, кстати, ученики пойдут в школу, так что надо кинуть чего-то в желудок и по коням. Сегодня едем под гвинейскую границу разоружать повстанцев, вернее, разоружают наблюдатели и нигерийцы, а мы перевозим желающих вернуться к мирной жизни во временный лагерь, здесь же в Порте Локо. Процесс, как говорится, идет уже более месяца, и мы намотали сотни километров по северу страны, уже хочется на базу, к своим. А пока живем маленькой коммуной в двадцать пять человек, включая повара и старшину. С одной стороны, просто супер — нет ничего лучше оказаться подальше от командования, знать и выполнять свою задачу, лишь по вечерам выслушивая очередные указания с «большой земли» по телефону, держа в кармане фигу. С другой стороны, мы устали и ждем замену, хочется на берег океана, хочется слетать в Мамми Йоко и выпить пивка в баре у Терезы. Хорошо, хоть не дают здесь пропасть наблюдатели: Майкл и Вовка из России, Баха из Киргизии, Борис из Хорватии. Борис, кстати, был ранен под Петриной в августе 95-го, в то время, когда я там служил. Так что нет-нет, да и организуем вечером шашлычок или в офицерский бар сходим на курицу по-нигерийски с неимоверным количеством кайенского перца и совершенно пропорциональным количеством пива вдогонку. Водки нет, и это не радует. Правда, Майкл, дай Бог ему здоровья, иногда «подогревает» нас спиртным, так что живём!

Да и мы не остаемся в долгу, помогаем парням продуктами, а то хрен здесь нормального мяса купишь, даже за большие деньги.

Заболтался я, пора ехать. Так... Оружие на месте, броник набираем на дверь кабины, проверяем связь по «Мотороле», все — пошла колонна, пошла родимая! Вскрапывая, как кони, белые зилки вовсю поднимают красную пыль. Хорошо, иду в головной, а то без респиратора бы не обошелся, точно. Мне, не знаю почему, кажется, что именно такая багровая пыль должна быть на Марсе. Она везде, она намертво въедается в поры и нервирует до невозможности.

При выходе из Порты Локо разделяемся на две части: кто уходит точно на север, кто на северо-восток — работы хватит всем. До места разоружения километров 40, по местным дорогам час-полтора, это как пить дать. Поспать не удастся, машину, несмотря на все старания водителя, кидает так, что и он, и я материмся на каждой ухабине. Ну, на «Урале» трясет даже больше, так что, «Зил» — меньшее из зол. Ну а я люблю ездить на БТРе, идет мягко — красота! Упал в десантное отделение, пока пацаны на броне цинкуют обстановочку, и спи себе. Не каждый, правда, выдерживает под броней когда, в тени плюс сорок пять. Кондишена у нас на БТРе нет, правда, есть печка. Зачем она в таких условиях, спрашивают уже только непонятливые кенийцы, все остальные воспринимают это как данность. Проезжаем заросли буша... Ах, ребята, как звенит африканский буш! До сих пор не знаю причину этого звона — то ли цикады, то ли ветер, но что-то

своеобразное и... живое, буш, в общем.

Все, на месте, слава Богу! Обсерверы (англ., наблюдатели — прим. ред.) пашут вовсю, готовят место для приема повстанцев. Нигерийский контингент обеспечивает безопасность места сбора оружия. Появляется Майкл, он у наблюдателей главный, сухо кивает, мол, не до тебя сейчас. Ладно, сам понимаю, у меня тоже дел невпроворот — расставляю машины: эти под комбатантов, эти под оружие, инструктирую водил — от машин ни на шаг, автоматы под рукой, магазин присоединить, патрон не досылать. «От этих пчел всего можно ожидать», — цитирую водителя Винни Пуха.

Пошёл процесс, партизаны начинают сдаваться. Да, это надо только видеть. Вкратце: для того, чтобы доказать свою принадлежность к повстанцам, комбатанты должны принести с собой оружие — что они тащат! Я, например, видел даже буры. Большинство из оружия нерабочее — нема дурных нормальный АК отдавать! Хотя попадаются и «Калашниковы», те, которые полгода назад внаглую отобраны у замбийских миротворцев обкуреными малолетками. Да, чуть не забыл, после сдачи комбатанты должны разбить оружие своими руками, а вернее нашей кувалдой (кстати, не забыть забрать обратно), потому что свою, штатную, нигерийцы забыли в лагере. И за все это и за переход к мирной жизни теперь уже экс-повстанцы получают денжку, нехитрую утварь, новые документы и отправляются в лагерь для реабилитации. Некоторые комбатанты умудряются проделывать такой прикол по пару раз.

Слышны звуки приближающихся барабанов. К месту сдачи приближается танцующая процессия, кого-то несут на плечах. Ага, очередной полевой командир сдается. На вид парню в майке «Лейкерс» с ТТ за поясом лет 20, я уверен, звание — не ниже подполковника, это точно. Ну что с них взять, их лидер Исса Сисси в свои 33 года вон уже давно генерал.

Народ возле полевого командира веселится вовсю. Местные совершенно искренни в своей радости, как же, избавились еще от одного кровососа. Командира ссаживают с плеч, он обращается к толпе на английском, кто-то переводит на местный язык темне. Каждая фраза встречается с ликованием. Командир благодарит местных за радушие и обещает после «перевоспитания» вернуться. Блики радости на лицах селян заметно меркнут: «Да на х... ты здесь нужен?!» Но прощание проходит всё же чинно-благородно.

Конечно, не обходится и без эксцессов. Здоровенная бабища,

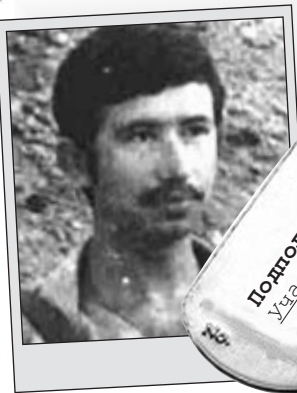
нарыв где-то совершенно новый минометный банник, требует признать ее комбатантом. Народ, оценив телосложение мадам, приходит к выводу, что банник в ее-то руках — таки да, оружие. А если серьёзно, то достала она пару гранат у местных из рядом спрятанных ящиков, тут же сдала их и со счастливым видом получила путевку в новую жизнь в виде белого пластикового браслета, которые надевались всем экс-комбатантам.

Слово за слово, начинаем погрузку. Отдельно женщины и дети, отдельно мужская часть повстанцев. Грузимся быстро, очень хорошо помогают нигерийцы: дружескими тычками направляют пассажиров в нужном направлении. С оружием все проходит проще...

Опаньки! А вот так мы не договаривались. Нигерийцы, ничтоже сумняшеся, грузят в «Урал» боеприпасы. Мины, гранаты, патроны — все скопом! Останавливаю погрузку, отзываю нигерийского командира и просто заявляю — я это не повезу ни за какие коврижки. Для них это серьезная проблема — куда девать это добро? Сначала меня увещевали, потом запугивали проблемами с командованием ООН — всё без толку. Подошел кто-то из наблюдателей, я молча показал ему на мину с помятым колпаком взрывателя. Как я и ожидал, вопросов не возникло. Какой-то умник из нигерийцев предложил: «А давайте ЭТО закопаем!» — однако тут же понял весь дебилизм своего предложения и надолго заткнулся. Самым разумным выходом было бы подорвать эту кучу, не на месте, конечно, а то от деревни осталось бы... да ничего бы не осталось! Но это нужно звать бангладешцев из Порты Локо, оформлять заявки, и займет это все два световых дня, не меньше. В общем, весьма недовольные нигерийцы настелили в своем грузовике пальмовых веток и повезли боеприпасы сами. Ну и флаг им в руки. Кстати, через пару месяцев точно в такой же ситуации на востоке страны погибли замбийские миротворцы. Но я к тому времени уже был в другой миссии.

А повстанцев до Порты Локо мы довели без проблем, правда, во время пути они пытались танцевать на крышах кабин и помяли их к чертям собачьим. Пацаны потом железо весь вечер рихтовали, сами понимаете, как они потом отзывались о повстанцах. Другая же колонна чуть не попала под раздачу: рядом с ними начала лупить гвинейская артиллерия, комбатанты поразбегались с машин кто куда. Особо их никто не искал, захотят — сами придут. Наши подождали с часок и снова поехали. Вот так и прошёл ещё один день в Сьерре. <ИВ>

Владимир ДУДЧЕНКО

http://artofwar.ru/d/dudchenko_w_a/

КАНАЛ (отрывки из повести)

Родился в семье кадрового офицера-фронтовика. Закончил Военный институт иностранных языков, поколесил по Ближнему Востоку (Египет, Йемен, Сирия, Ливия), служил в учебных центрах (Мары, Зябровка), военных академиях и училищах. Преподавал военный перевод арабского языка в Азербайджанском госуниверситете. Участвовал в боевых действиях в зоне Суэцкого канала (Египет) в 1969-70 годах. После увольнения из армии в 1993 году занялся журналистикой.

Вся жизнь Саши Полешука была связана с армией. Родился он в Заполярье, где служил его отец, получивший туда назначение после курсов «Выстрел». Как понял Саша много позже, блестящая офицерская карьера его отца, майора Полешука, с этим назначением дала трещину. Встретив войну сержантом срочной службы под Москвой, он, крестьянский парень из глухого украинского села в Сумской области, проявил недожиданный военный талант, быстро стал офицером, достойно воевал, был дважды ранен, заслужил пять орденов и дошел до столицы рейха. Там, в Берлине, храбрый майор познакомился с будущей матерью Саши, смуглолицей красавицей-хотлушкой с примесью молдавских кровей, лейтенантом-военврачом с редким именем Василиса. Брак они зарегистрировали в Карлсхоте.

Перспективы у майора Полешука были самыми радужными: в то время, когда шло массовое послевоенное увольнение офицеров, его, как перспективного командира, оставили в армии и направили учиться на «Выстрел». И неожиданно, после окончания курсов такое нелепое назначение — на границу с Норвегией, да еще и на маленькую должность заместителя комбата. Самолюбие майора Полешука чья-то вышестоящая воля просто раздавила: ведь к моменту окончания войны он был уже начальником штаба полка, можно сказать, правой рукой командира. А тут — Никель, Печенга, северное сияние... Холод, полярная ночь, безысходная тоска... И стремление, несмотря ни на что, сделать офицерскую карьеру сначала, но уже без войны.

...Время от времени майор вспоминал то, что всячески скрывал не только от особистов (сотрудники особых отделов контрразведки КГБ СССР), но и от всех: прошлое своего отца Ивана Ефимовича Полешука. А Иван Полешук, призванный в армию в конце Отечественной войны в качестве обозного бойца, был не просто украинским крестьянином. Он был унтер-офицером царской армии, прошедшем всю Первую мировую войну. Сам генерал Брусилов летом 1916 года прикрепил на его мундир третий Георгиевский крест. Вспоминать об этом было нельзя, серебряные кресты сдали в голодные 30-е в скучку, документы уничтожили. Слава Богу, никто из односельчан не предал Ивана Ефимовича...

Воспоминания раннего детства у Саши самые смутные, но в них всегда присутствовали офицерские мундиры, оружие, казарма, солдаты, запах портянок и махорки. И еще застолья, во время которых, его, маленького пацана, не знали, куда девать. Однажды, в тундре, к кустам, где оставили трехлетнего Сашу, подошел медведь, дожрал остатки пиршества и начал его облизывать. Удовольствие прервали выстрелы и дикие

крики. Медведь ретировался. Потом орава подвыпивших офицеров и их жен едва не задушили его, маленького, в радостных объятиях. Он заплакал, не понимая, что произошло. Где были в тот момент его родители, Саша не помнил.

Затем была Москва с детским садиком от академии имени Фрунзе, в которой учился его отец, отвратительная на вкус черная икра на завтрак, редкие визиты родителей, потчевавших его летом клубникой и любимой по Северу стуженкой — зимой. Из садика его забирали в субботу, и каждый раз для него это был настоящий праздник.

В детских воспоминаниях Саши осталась огромная московская коммуналка и он с парадной шашкой отца, удивляющий на кухне соседей. В память врезалась демонстрация на Красной площади, куда повел его отец, в тот раз почему-то не участвовавший в военном параде. «Смотри, сынок, это — Сталин, — сказал отец, подняв Сашу на плечи, когда они проходили мимо мавзолея. — Видишь, вон тот с усами...» Саша узнал вожда сразу, так как большой портрет Сталина висел в детском садике.

В Москве родилась его сестричка, Наташа, после чего все внимание родителей переключилось на нее. Тогда Саша еще не осознавал причину этого, обижался и капризничал. Ему пытались объяснить, что его сестричка слабенькая и больная, ее нужно жалеть и помогать. Саша не понимал, грубил маме, и его наказывали, шлепая по попе и ставя в угол...

А потом были военные гарнизоны на Украине, вначале в Славуте, где отец служил заместителем командира полка, и во Владимире-Волынском, где он командовал стрелковым полком. Славута, а точнее, отцовский полк, запомнилась Саше тем, что он там дневал и даже ночевал. Мама была всецело занята больной сестренкой, а его поручили солдатам. Бойцы с удовольствием возились с сыном зама комполка, сшили ему военную форму, стачали маленькие хромовые сапоги и, втайне от

офицеров, учили обращаться с карабином и автоматом. Все это Саше очень нравилось.

Но особенное впечатление на него произвели полковые учения с боевой стрельбой, на которые его однажды взял отец. С замираньем сердца Саша смотрел на рычащие танки и солдат, бегущих за ними с автоматами. Шум машин, грохот настоящего сражения, крики командиров, суровый взгляд отца, что-то говорящего по рации — все это приводило Сашу в телачий восторг...

К большому разочарованию, военные приключения закончились, когда он пошел в первый класс. Учеба давалась Саше легко, он быстро делал уроки, хватало времени и на игры, и на походы на стрельбище, где он с пацанами выскивал пули, из которых они потом выплавляли свинец. Один раз с отвисшим от тяжести пуль карманом пальто попался отцу и был нещадно выпорот офицерским ремнем.

Во Владимире-Волынском его ждали приключения другого рода. Древний городок на западе Украины оказался до предела наполненным тем, о чем может мечтать любой мальчишка. Старинные польские костелы с подземными ходами, ведущими неизвестно куда, клады монет, проржавевшие рыцарские мечи и шлемы, а главное, что еще больше терзало воображение, — нескончаемые рассказы пацанов о сундуках с золотом и драгоценностями, которые якобы кто-то видел в подземельях города. Их искали постоянно, бесстрашно забираясь с фонариками в разломы подземных ходов, но ничего не находили. Понятно, что на время Саша потерял былой интерес к военной службе отца, его стрелковому полку и к современному оружию.

Впрочем, не совсем. Пару-тройку раз, учтив момент, когда дома никого не было, он брал отцовскую мелкокалиберку и стрелял по воронам, стаи которых сидели на высоких деревьях. Возмущенные соседи сообщили отцу и, как доказательство, притащили несколько убитых птиц. Наказание — офицерский ремень — не замедлило себя ждать. Порку Саша перенес молча, но, даже понимая, что отец прав, затаил на него жгучую обиду...

В Солнечногорске, куда полковника Полешука перевели на преподавательскую должность на курсы «Выстрел» (перспективная должность замкомдива накрылась после нелепой гибели на учениях двух солдат из его полка), Саша пошел в девятый класс. В классе был культ военных: абсолютное большинство ребят оказалось из офицерских семей, и все они грезили военными училищами. Саша легко вписался в их среду и скоро уже тоже не представлял себя после школы вне армии. Вторым культом мальчишек был спорт. Летом — футбол, зимой — хоккей с шайбой. И еще походы на лодках по красивейшему озеру Сенеж, начиная с первых солнечных майских дней.

Упорные занятия туризмом по системе некоего модного Вейдера, почерпнутой из какой-то московской газеты, которой увлеклись ребята, а также жесткие сражения на хоккейной площадке, сделали свое дело. К окончанию школы Саша превратился в мускулистого уверенного в себе юношу, перворазрядника по стрельбе, внешне мало похожего на отца, но очень — на мать. Вообще, человека постороннего облик этого 17-летнего смуглолицего губастого мальчишки никогда не наталкивал на мысль, что в его жилах течет украинско-молдавская кровь. Об этом никто, и, разумеется, сам Саша, до поры до времени не задумывался. Лишь потом, спустя несколько лет, стало понятно, что природа и Господь Бог распорядились сделать так, что в определенных ситуациях он почти не отличался от араба. Это, конечно, было много позже...

Саша Полешук довольно легко поступил в Военный институт, и его первым языком стал арабский...

...Несколько дней в Фаиде было тихо. Жара стояла неимоверная, и казалось, это пекло не закончится никогда. Даже короткий переход из

мальги (землянка, блиндаж — прим. ред.) до КП роты давался с трудом. Раскаленный песок чувствовался сквозь кожаные подошвы офицерских ботинки Агеева на толстой резине. Впрочем, глядя на советника, было понятно, что ему после сибирских морозов тоже весьма нелегко.

Тяжело было не только Агееву с Полешуком, от жары страдала вся 6-я рота, включая солдат — выходцев из Верхнего Египта, где на границе с Суданом такая температура — обычное явление. Все сидели в душных мальгах, стараясь не высываться без нужды. Полешук даже подумал, что временное прекращение воздушных налетов с Сина, возможно, тоже связано с жарой. Хотя какая жара может быть в герметической кабине самолета да еще на высоте 5-6 тысяч метров?

Ни малейшего признака прохлады не было и вечером. Полешук, лежа на койке, крутил колесико настройки японского транзистора в поисках Москвы, время от времени прикладываясь к горлышку «улли» с теплой водой, стоявшей возле кровати. Напротив тихонько посапывал Агеев.

— Мистер Искандер! — нарушил тишину громкий голос солдата-попыльного, и в полумраке входа выросла его фигура. — Капитан Набиль вызывает! Срочно!

— Что случилось, вахш? — поднялся с кровати Полешук.

— Не знаю, мистер! Сказал, что надо позвать русских...

Проснулся Агеев и, привстав на кровати, вслушивался в непонятный для него разговор.

— Что там? — спросил он и зевнул. — Вечер же уже, поздно...

— Не знаю, Юрий Федорович, — ответил Полешук, надевая овероль. — Набиль нас вызывает. Я сейчас сбегаю к нему, а вы пока побудьте тут... Ерунда какая-то... В общем, я побежал, а если что — пришлю за вами солдата.

— Ладно, Саша, — сказал Агеев, еще раз зевнул и, побив кулаком ватную подушку, улегся на кровать. — Ты держи меня в курсе, может, на станции поломка?...

В мальге командира роты было двое незнакомцев: один — белобрысый крепыш с солнечными ожогами на лице, явно русский, второй — египтянин. Оба в полевой форме с кобурами пистолетов на брезентовых ремнях. Русский с удивлением посмотрел на Полешука, потом — на Набиля и сказал по-русски, обращаясь к лейтенанту-египтянину:

— Скажи ему, что мне нужен советник, русский советник Агеев!

— Я — лейтенант Полешук, переводчик Агеева, — сказал Полешук. — Кто вы?

— Майор Смирнов, командир дивизиона 75-х. Алексей Юрьевич, — ответил русский, протянув Полешуку руку, и добавил, повернувшись к Набилю:

— Надо же! А я подумал, что он — араб!

Набиль усмехнулся и сказал:

— Это — Искандер, наш переводчик! А ты, мулязим (лейтенант — араб.), — он деликатно подтолкнул египтянина в плечо, — можешь пока отдохнуть. Иди на КП роты, чаю там попей!

— Хадыр, эффендем! — сказал лейтенант, отдал честь и пошел к выходу из мальги.

— А где мистер Юрий? — спросил Набиль. — Он нам нужен, Искандер! Срочно!

— Пусть солдат сбегает, — ответил Полешук. — Юрий у себя, просто мы не поняли, что случилось...

Пока Набиль, неторопливо, в своей манере, вызывал посыльного, а затем объяснял ему, что нужно привести сюда хабира Юрия, Полешук разговаривал с майором Смирновым.

— Саша, мы у вас под боксом с двумя пусковыми С-75, ну и с подвижным КП и прочим, — объяснял Смирнов. — В общем, понимаешь, за-сада... У вас здесь удобное место, легко замаскировались, утром будем бить «Фантомы»...

— Радостно, конечно, товарищ майор, — с иронией сказал Полешук, поглядывая на Набиля, — насчет «Фантомов». Как я понимаю, завтра вы смоетесь, а нас потом евреи сравняют с землей...

— О чем это вы? — спросил командир роты, непонимающе мотая головой. — О «Фантамах»?...

— Черт побери, Набиль, — ответил Полешук. — Они же нас подставляют под удар! Можно, я закурю?

Набиль кивнул, и Полешук вытащил пачку «Клеопатры», протянул майору-ракетчику. Тот взял сигарету, прикурил от зажигалки Полешука и сказал:

— От ваших радаров нам нужна воздушная обстановка, дальше — наше дело! — Он потрогал свой шелушащийся нос. — Где же капитан Агеев?

— Я — командир роты! — громко сказал Набиль. — Командую здесь я! И не было никаких указаний насчет вас, уважаемый господин майор! — Он выслушал адекватно эмоциональный перевод Полешука, кивнул и продолжил:

— Переводчик правильно сказал — завтра вас здесь не будет, а нашу роту, упаси Аллах, уничтожат! Я не знаю, стоят ли наши станции разведки и целеуказания, контролирующие весь Синай одного сбитого самолета?...

Появился запыхавшийся капитан Агеев.

— Капитан Агеев, — сказал он, безошибочно обращаясь к советскому майору. — Советник командира роты. Какие проблемы?

После того, как командир дивизиона объяснил ему о ракетной засаде рядом с позицией роты, Агееву стало худо.

— Товарищ майор, может, чуток подальше переместитесь? — с надеждой спросил он. — Только что станцию из ремонта вернули... И вообще... — Он посмотрел на командира роты, на Полешука, как бы надеясь на то, что они оба смогут повлиять на ситуацию.

Раздался зуммер полевого телефона, и капитан Набиль взял трубку.

— Да, — сказал он. — Конечно. Они уже здесь. Обеспечим! Хадыр, эффендем!

Он воткнул трубку в коричневую пластмассовую коробку ТАИ-43, посмотрел на присутствовавших, и сказал:

— Господа, я получил указания лично от командира 8-й дивизии... Сообщаю их вам: обеспечить выполнение боевой задачи зенитно-ракетного подразделения ПВО и действовать в соответствии со складывающейся ситуацией...

Набиль вызвал офицеров роты, началась суeta; майор Смирнов, кликнув своего переводчика, побежал в сторону места засады. Полешук проводил их взглядом, думая о том, что опасно близко они устроили это дело. Совсем рядом...

Эта душная и темная египетская ночь казалось бесконечной. Офи-

церы во главе с Набилем, благоухавшим французским парфюмом, струдились в мальге КП, глядя на плексигласовый планшет и прислушиваясь к словам оператора в наушниках. Отметок не было. Это радовало — израильтяне, видимо, пока ничего не засекли. Подали чай. Полешук закурил сигарету и, глядя на Агеева, изменившегося Агеева, не сидящего в углу блиндажа с надвинутой на нос каской, а нормального, напряженно смотрящего на планшет, подумал, что человек привыкает, в конце концов, ко всему, даже к этой странной войне...

— Мутаргим, мистер Искандер! — нарушил ночное бдение чей-то голос. — Вас требуют в Абу-Сувейр, машину прислали... — Он взгляделся в полумрак блиндажа и козырнул Набилю. — Эффендем!

Полешук чуть не поперхнулся чаем:

— Кто требует?! Они чего обалдели? Ночь на дворе!

— Командир дивизии, — ответил сержант. — И его хабир. У них переводчик заболел...

Набиль, Агеев и другие офицеры оторвались от планшета и усталились на сержанта.

— Командир дивизии, — произнес, наконец, Агеев. — Езжай, Саша! Значит, очень надо.

Капитан Набиль недовольно посмотрел на своего советника, потом молча кивнул головой.

Вот ноченька выпала, подумал Полешук, допивая чай. Сначала ко-чующий дивизион, теперь — ехать в Абу-Сувейр...

...Его привели на КП в бетонном бункере. «Ни хрена себе устроились, — удивлялся Полешук, спускаясь по ступенькам в глубокое подземелье. — Да здесь и атомная бомбежка не страшна! Нам бы такое!...»

А утром началась такая молотилровка, какой Полешук, уже много чего видевший на канале, до сих пор, не припомнил. Он автоматически переводил то, что говорил седой полковник, советник египетского комдива, и напряженно смотрел на огромный (по сравнению с ротным) планшет, видя отметки целей, роящиеся от Порт-Саида до Фаида и южнее. Особенно много целей было в районе Фаида. Израильтяне, похоже, бомбили его роту или ракетный дивизион, которого, скорее всего, там уже не было.

— Товарищ полковник, — не выдержал Полешук. — В районе Фаида сбили кого-нибудь?

— Нет, не сбили, — хмуро ответил советник комдива. — Было два пуска, но...Евреи ушли. Хитрые очень, — добавил он. — Знают, как где летать! А ты чего переживаешь, лейтенант?

— Да рота моя в Фаиде, товарищ полковник! — ответил Полешук. — А я — здесь...

— Ничего, лейтенант, — усмехнулся советник. — Целее будешь...

— Там же капитан Агеев, офицеры роты... — возмутился Полешук циничности полковника.

— Это война, парень, — спокойно сказал полковник. — И жертвы в ней неизбежны... А вообще-то не факт, что они погибли. Это со стороны, — он кивнул головой на планшет, — так кажется. Может, и живы, если блиндажи были сделаны как надо...

Полешук промолчал, вспомнив свою мальгу, засыпанную попаданием лишь одной авиационной ракеты. Ракеты, а не 500-фунтовой бомбы!

— Все нормально, сынок, — успокоил его седовласый полковник, приобняв за плечи. — Выдложили Отечественную, выдложим и эту, египетскую! Мать ее так!

...Капитан Агеев сидел возле входа в блиндаж. Рядом — его каска. Все дымилось, из воронок рядом исходил душный запах сгоревшего про-тила. Агеев молча посмотрел на подошедшего Полешука и опустил голову. Он уже не чувствовал палящего африканского солнца, он не чувствовал ничего. На Большом Горьком озере задыхались в непрерывных гудках сухогрузы. Вдалеке громыхала артиллерия, война на канале продолжалась... <ИВ>

Сергей АУСЛЕНДЕР

<http://artofwar.ru/a/auslender/>

В 1994 закончил журфак Дальневосточного университета. Несколько лет работал в газетах и на телевидении в Хабаровске, потом перебрался во Владивосток собором Первого канала. Два года трудился в Москве в качестве спецкора, работал в командировках в Чечне, Южной Осетии, Абхазии и Приднестровье. Полтора года был руководителем Ближневосточного бюро, по окончании срока репатриировался в Израиль. Много снимал в Газе, на Западном берегу. Освещал все ближневосточные конфликты последних 3-х лет, начиная со Второй Ливанской.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

День как-то сразу не сложился. Да и хрена ему было сложиться, если в 6:00 утра я проснулся от воя сирен воздушной тревоги и, зевая, поплелся в убежище. Полчаса сидел там в компании таких же полусонных коллег из разных стран, слушая как снаружи хлопают разрывы.

Потом позвонил наш продюсер Боря. Он израильтянин, работал с нами, помогал переводить, договариваться и все такое. Подъехал в гостиницу, чтобы обсудить текущие планы. Из редакции теребили, мол, давай. Давай хоть что-нибудь. А давать было решительно нечего. Ну, то есть ничего нового. Выбор такой: или тащиться в один из городов, которые постоянно были под обстрелом (типа Цфата или Акко), снимать там несчастных жителей в бомбоубежищах и ждать, пока какой-нибудь особо меткий ракетчик «Хизбаллы» не развалит очередной дом прямым попаданием. Проблема была в том, что такого добра мы уже наснимали целую кучу. Или ехать на границу с Ливаном, опять же — на удачу. Вдруг чего попадетс я интересного. Короче, четкого плана не было. Боря и предложил, давайте, дескать, двинем в Метулу. Это такой городок, откуда, по его меткому выражению, «всё хорошо видно». Забегу вперед: знал бы, насколько хорошо — х...р бы поехал.

«Попали» мы уже на въезде в Кирьят-Шмону. Населенный пункт, километров 10 до Метулы, дорога проходит через него. Расположен очень удачно, как раз на самой границе. Поэтому туда из Ливана разве что ручными гранатами не кидались. И вот, заехали, значит, а вокруг тишина. Первый раз за всю войну я такое видел. Удачно попали, прямо во время намаза. И только я это подумал, как выяснилось, что старик

Мэрфи свой хлеб ел не зря. Прямо в центре города, откуда-то сбоку, перед нами на дорогу вырли здоровенный армейский грузовик, доверху нагруженный снарядами. А дорога в одну полосу, да разделительный забор посередине. И подъем он, бедный, никак быстрее 20-ти километров в час осилить не мог. А тут как раз на сопредельной стороне закончился намаз и они, помолясь, приступили. Начали ракеты кидать, из минометов молотить. Кругом разрывы, сирены воют без перерыва, свист, грохот. Я ору матом, Саша, оператор, сидит курит сигарету, бледнея лицом, а Боря вертит руль, но объехать проклятый грузовик не получается. И все понимаем, что, если в него сейчас попадут, то от нас даже молекул не останется. Вот так, с песнями, ехали минут пять. Как год прошел. Високосный.

Ну, раз пишу это — пронесло. А, чуть не забыл. Было 13 августа, последний день войны. На завтра уже объявили прекращение огня. И обе стороны активно навестывали, кто что упустил. Заехали в Метулу. Кто не был, рассказываю. Городишко стоит на горе, его северный склон смотрит на Ливан (вид, кстати, обалденный). Дома построены террасами, а между ними устроены площадки, по типу смотровых. Чтобы, значит, красотою любоваться. Красоты — вот они: прямо за околицей начинается ливанская деревня. По ней вовсю дубасит артиллерия, танки работают. Вертушки туда-сюда носятся. Слышно, как в деревне пролетают ПТУРЫ и активно садят из пулеметов. Все живописно взрывается и горит. Короче, подготовка к прекращению огня в самом разгаре. Старик Верещагин просто помер бы (царство ему небесное) от зависти.

Мы расположились прямо на одной из площадок, развернули шта-

тив, камеру поставили. Саша, лютый до работы после пережитых стрессов, припал к объективу. Не в силах сразу решить, с чего начинать, навел камеру на ближайший ливанский дом. Армия обороны Израиля не подкачала: в небесах что-то угрожающе прощуршало и дом испарился в облаке грязновато-дымного пламени. «Зае...сь» — прокомментировал Саша, не отрываясь от оптики. Вдохновленные, видимо, этой оценкой, невидимые израильские летчики, тут же вдребезги разнесли соседний дом. Саша только восхищенно что-то промывчал себе под нос.

Тут я краем глаза заметил сбоку движение. Прикрываясь кустами (там между площадками своеобразные живые изгороди) к нам полз какой-то «айдыше рыцарь». Классический иудейский воин: очки в пол-лица, линзы, можно на снайперскую винтовку ставить, кипа, мешковатая зеленая форма, М-16, длинная и какая-то на нем ужасно нелепая. Вид его пугал заранее. Не доползая до нас метров пять, так, чтобы не высовываться из-за изгороди, он остановился и тонким голосом закричал: «Цалаф!» Я ткнул Боря пальцем в бок и показал на «чудо». «Чудо» повторило уже совсем фальцетом: «Цалаф!» «Бл...», — ответил Боря, упал на карачки и очень сноровисто для его фигуры уполз в кусты. Я удивился и, решив, что Боря испугался близкого разрыва, заорал ему: «Да все нормально, Борь, далеко упало». Солдат и Боря в ответ завопили дуэтом: «Цалаф!» Саша с интересом следил за разворачивающимся представлением, потеряв даже на время интерес к битве. Хотя израильтяне, как по заказу, начали буквально срывать деревню с лица земли.

«Это что такое?» — кричал я в ответ, имея в виду загадочного «цалафа». Боря заорал в ответ, но слово заглушила очередная бомба. Я, уже теряя терпение, крикнул: «Боря, давай по-русски!» И Боря заревел дурным голосом, как медведь на случке, так, что даже заглушил шум боя: «Снайпееееееер!»

Оказывается, я неплохо ползаю. Но Саша лучше. Стоя спиной к нам, услышав знакомое слово уже после меня, мой оператор умудрился как-то быстрее оказаться за кустами. Военно-полевой совет, кто пойдет за камерой, держали втроем. Солдатик все это время чего-то пытался втереть нам на иврите, но от него отмахивались, как от мухи. В итоге, Борю решили не посылать, слишком мишень хорошая. Саня сгонял, слернул камеру со штатива, а я вторым рейсом принес «корягу». Сюжет сделали, получилось неплохо. А слово «цалаф» стало третьим ивритским, после «шалом» и «тода», которое я запомнил на всю жизнь.

ОДИН РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Точнее, не день, а сутки. Началось все так: Звонок. С виду обычная просьба. Бухгалтер... попросила... съездить... в... Газу... поставить... штамп... «ОПЛАЧЕНО»... на бумажках, которые нам там пишут наши палестинские продюсеры. Просьба, в принципе, законная. Как раз, незадолго до этого, аудиторы сильно натянули контору за отсутствие этих штампов. Поэтому она и попросила. В Газу, твою мать, съездить... Им, гагарам, невдомек, что там творится. Они же сюжеты наши не смотрят. Они же не знают, что такое ГАЗА...

Короче! Перешли границу, поехали в офис к Назару, нашему продюсеру. Туда-сюда, все формальности уладили, выпили по традиции кофе. Тут к нему в гости появился какой-то басмач местный, бородастый, страшный и косоглазый. Ему израильтяне пару лет назад пулю в голову засадили, так у него шары и разъехали в разные стороны. Мозг не задет, а косоглазие страшное. От этого вид у него еще более жуткий. На Радуева чем-то смахивает. Ну, он позвал кальян («шиша» по-ихнему) покурить. Я отказаться рыпнулся, Назар у него за спиной такое лицо сделал, что я сразу понял, Абу Харон (имечко ничего не говорит?) сильно обидится. Бандиты эти палестинские, как дети, сразу обижаются. А наличие у него автомата окончательно убедило меня, что надо поехать. Ну, поехали, покурили, потрепались о международном

положении, о сионистских оккупантах, о конференции в Аннаполисе. Потом ещё братки подъехали. Автоматов на столе больше стало. Разговор совсем задушевный пошёл, и я совсем по родине затосковал. Но Назар кое-как убедил его, что мне надо срочно на Эрез ехать (это погранпереход между Израилем и Газой). На Эрезе меня уже не ждали. Там соратники Абу Харона маненько из минометов постреляли, еврейцы обиделись и границу закрыли. П.....ц.

Поехали в гостиницу. Восемь этажей, ни одной живой души: портье и хозяин. Он меня увидел, только что в ноги не повалился. Я у него первый постоялец был за месяц. Номер большой, сторона, правда, подветренная. Всю ночь в номере выло и свистело, шторы, как паруса надувались. Утром они меня хотели в машину на руках отнести и все приглашали снова приехать. Да ну, на х.... Лучше вы к нам.

Опять двинули на Эрез. Приезжаем, там веселье в полном разгаре. В Израиле «красная тревога», попытка прорыва боевиков. Над головой вертушки носятся и периодически то ракетами, то пушками поле перепахивают перед нами. Кто не знает: с палестинской стороны переход — это белый вагончик. Там сидит пал с рацией и связывается с израильтянами. Просит у них разрешения на переход. Они дают, тогда идем. Вокруг пара бетонных блоков, с одной стороны — разрушенная промзона (оставшаяся от «сионистской оккупации»), с другой — поле. Посередине мы стоим: пара десятков арабов, которые в Израиль выбираются, какие-то фраера с CNN, ребята с НТВ, таксисты местные, носильщики, ваш покорный слуга — и весь этот праздник жизни в прямом эфире наблюдаем. На поле издали видно, как какие-то фигурки мечутся. Это очередная партия шахидов героически пытается слохнуть. Потом, видимо, чтобы этот процесс ускорить, танки пошли. И давай молотить по близлежащим домам, по полю, потом бульдозеры (огромные такие, как мамонты) начали взад-вперед гонять. Говорят, тоннели ищут. А среди нас дедушка бродит с чайником, предлагает стакан чаю (неплохого, кстати) за шекель (7 руб.), тут же коллега с НТВ пританцовывает под Катю Лель из мобильного, а какая-то баба — голландская журналистка — с кем-то ругается на своем языке по телефону, сидя спиной к полю боя. Театр абсурда, никаких наркотиков не надо, прёт и так, только держись.

Потом коллеги с CNN, мол, все равно стоим, решили поснимать войнушку. Только, значит, камеру развернули, на штатив приспособили, как бежит пал из вагончика. Стойте, кричит, нельзя, уже звонят оттуда... И рукой в сторону Израиля тычет. А на поле один из танков остановился и так удивленно башней вертит. Мол, кто это там такой любознательный, сейчас мы ему всё разъясним. Коллеги снимать перестали. Не хотят, говорят, не будем. И бледные почему-то....

Должен заметить, у меня еще с ливанской войны аллергия на танки и вертолеты.

Все это удовольствие мы часов пять наблюдали. Потом, то ли всех перевалили, то ли рабочий день к концу подошел, стрельба прекратилась. И нас, вроде, пропустили. Только мы в бетонный коридор вошли, который уже к КПП ведет, воины аллаха очухались и давай из минометов садить. Ну, вроде как за собой последнее слово сохранить. Израильтяне попрятались по убежищам, и мы еще с часик под крышей из жести обстрел пережидали. Потом мимо нас колонна танков гордо проследовала. С чувством выполненного долга... Напоследок один из монстров остановился, развернул башню и п.....нул в сторону Газы. Так, для порядка, думаю...

Ну, как шмонали и паспорта проверяли писать не буду. Потом как-нить...

А бумажки я привез. И все в Москву отправил...

А спасибо даже не сказали...

А бухгалтеров надо в детстве убивать, чтобы не вырастали...

Ван Кок
НГУЕН

перевод Ле До Хуэя (майор, Вьетнам)

ОДИН БОЙ ВЬЕТНАМСКОГО АСА

Нгуен Ван Кок. Родился в 1940 году. Летчик ВВС Вьетнамской народной армии. Служил на самолете МиГ-21 в 921-м истребительном авиаполку «Красная Звезда» (Sao Dao). Первый боевой вылет совершил в декабре 1966 года. Первая победа в воздушном бою — 30 апреля 1967 года. Сбив 9 воздушных целей (7 самолетов и 2 БЛА) стал лучшим асом ВВС Вьетнама. Последняя победа — 20 декабря 1969 года. Во время проведения в 1979 году во Вьетнаме отборе кандидатов для подготовки к советско-вьетнамскому космическому полету по программе «Интеркосмос» был одним из трех финалистов, направленных в Москву.

Воинские звания и должности:

1968 — старший лейтенант, командир звена

1970 — капитан, командир эскадрильи

1972 — слушатель Командно-штабной академии имени Гагарина (майор в 1974)

1977 — подполковник, зам. командира авиаполка

1978 — командир авиаполка

1979 — зам. командира авиадивизии

1981 — полковник, командир авиадивизии

1988 — замначштаба ВВС

1990 — генерал-майор, зам. командующего ВВС

1996 — врио командующего ВВС

1999 — генерал-лейтенант, начальник Ревкомиссии МНО СРВ

Не могли бы Вы рассказать о своей семье, об отце и матери, чем они занимались?

Я родился в крестьянской семье в провинции Бак Занг, расположенной в 50 км восточнее Ханоя, в районе рисовой Дельты Северного Вьетнама. Эта провинция известна своей бедностью.

Мой отец был одним из лидеров Вьетминя (вьетнамская революционная организация, сформированная Хо Ши Мином в 1941 г.) в моей родной коммуне. Взятый в плен французами в одном из местных боев в 1947 г., он был вскоре казнен в городе Бак Занг. Во время военной кампании под Дьенбьенфу в 1954 г. моя мама участвовала в работе по снабжению войск, переноса ночами рис на своих плечах.

Расскажите о том, как Вы попали в армию. Были Вы членом партии? Как создавались вооруженные силы?

В 1959 г. партия коммунистов (в то время она называлась Партия трудящихся Вьетнама — ПТВ) по решению 15-ого пленума ЦК ПТВ установила новый курс. Поскольку надежды на мирное урегулирование в соответствии с Женевскими соглашениями в середине 1950-х годов у вьетнамского народа не было, не оставалось ничего иного, как вооружиться для освобождения Южного Вьетнама. Мы понимали, что эта война будет долгой и жестокой. В 1960 г. патриоты на юге, перейдя от политической борьбы к вооруженной, создали массовое движение Донг Хой (одновременные восстания). Подразделения вооруженных сил, получив помощь и пополнение с севера за счет вновь построенной «Тропинки Хошимина», стали наносить все более сильные удары по противнику. На севере формировались новые виды вооруженных сил для защиты территории и воссоединения страны, в том числе и военно-воздушные силы. Как только в конце 1954 г. был восстановлен мир на севере Вьетнама, была поставлена задача по защите воздушного пространства. 24 января 1959 г. было создано управление воздушных сил при Генштабе. После

полета Гагарина в космос быть летчиком стало мечтой каждого вьетнамского юноши. Спустя два месяца после этого великого события, 9 июня 1961 г., поступив на службу в армию, я присоединился к группе из 120 молодых вьетнамцев для поездки в Советский Союз. После трех лет учебы в СССР, в октябре 1964 г., мы вернулись на Родину. Американская авиация начала операцию Пылающее копье (Flaming Dart) — первые попытки осуществления разрушительной воздушной войны против ДРВ. Первые бои, проведенные молодой и малочисленной истребительной авиацией (ИА) с МиГ-17 против врага, принесли хорошие результаты. Однако, задача по модернизации вооруженных сил была поставлена перед вьетнамскими воинами как никогда остро. С июня 1965 до апреля 1966 нас, выпускников Советского Союза, снова послали на курс переучивания на МиГ-21 в военное авиационное училище, находящееся в г. Краснодаре. В этом же училище до нас был другой курс переучивания на МиГ-21, проведенный с 1965 до начала 1966. Курсантов обоих курсов было 30 человек. Пока мы учились в СССР, Нгуен Хонг Ныи (в будущем генерал-майор, Герой Вооруженных Сил) из предыдущего курса уже сумел сбить американский самолет во Вьетнаме.

Что касается моей второй мечты — вступления в ряды коммунистов — то она оказалась более трудной и долговременной. Эта мечта сбылась только в октябре 1966 г., в разгар тяжелых воздушных боев.

Расскажите о первых боевых вылетах.

С начала 1965 г. я числился в летном составе 1-ой эскадрильи 921-ого авиаполка ИА имени Красной Звезды. (К этому времени в ВВС Вьетнамской народной армии было только два авиаполка, и один из них был транспортный. Второй истребительный авиаполк, под номером 923, был создан в середине 1965 г.) Эта эскадрилья выиграла первый воздушный бой против ВВС США третьего апреля 1965 г. над мостом Хам Ронг. В задачку нашего полка входила защита Ханоя и его пригородов. В первое время мы, молодые летчики, летали в качестве ведомых для старших летчиков, закончивших летное обучение раньше, в Китае, таких, как капитан Чан Хань (в будущем генерал-лейтенант, Герой Вооруженных Сил), командир эскадрильи Фам Нгок Лан (в будущем генерал-майор), Нгуен Нгок До (в будущем генерал-майор, Герой Вооруженных Сил), командир эскадрильи Нгуен Ньят Тьеу (в будущем полковник, Герой Вооруженных Сил). В середине 1965 г. американцы вели разрушительную войну против Севера Вьетнама. В рамках мероприятий по укреплению ПВО ДРВ, принятых правительствами СССР и Вьетнама, меня и других выпускников Советского Союза снова послали на переучивание на МиГ-21 в военно-авиационное училище в Краснодарском крае. Начальником училища был генерал-майор Романенко. Этот учебный курс длился 11 месяцев. Мы были счастливы вновь встретиться с нашими преподавателями (тов. Саркисов, Церцев, Кольцуров) и старыми друзьями. Моим инструктором на сверхзвуковом истребителе МиГ-21 был тов. Моисеев. В апреле 1966 г. по возвращении во Вьетнам мы сразу же приступили к выполнению боевых задач. Здесь мы, младшие пилоты, снова служили ведомыми для таких ведущих, как Дон Ван Де (погиб в бою в 1967), Нгуен Ньят Тьеу, Нгуен Нгок До... Ведь они уже закончили внутренний учебный курс переучивания на МиГ-21 с советскими инструкторами, такими, как тов. Чабан и Четюлин, и одновременно принимали участие в боевых действиях.

Четырнадцатого декабря 1966-го звено в составе: Нгуен Ньят Тьеу, Данг Нгок Нгы, Дон Ван Де и я преследовало 20 вражеских самолетов до Тамдао, где тов. Тьеу, открыв огонь, уничтожил один Ф-105. Я прикрывал моего ведущего Дон Ван Де, который сумел сбить два других американских самолета. Я видел зеленые и красные па-

рашюты противника перед собой. Другие бомбардировщики беспорядочно сбросили бомбы и скрылись от преследования. Таким образом, вражеский воздушный удар по Ханюю в этот день был сорван. В первых боях мне не удалось сбить самолеты противника из-за недостатка опыта и необходимых условий для стрельбы.

Какие задания были чаще всего?

Главная задача моей части состояла в защите Ханоя и его пригородов, поэтому сначала перед нами еще не ставили задачи по ведению воздушных боев далеко от столицы. Из-за провала вражеских планов перехватить инициативу в боевом театре Южного Вьетнама с конца июня 1966-го американцы стали интенсивно вести воздушную войну против Северного Вьетнама. Частота ударных налетов американской авиации усилилась от 200 самолето-вылетов в день в начале 1966 г. до 400 самолето-вылетов в день в середине 1966 г. Они также начали использовать Б-52 для бомбежки района Винь Линь, находящегося в Северной части демилитаризованной зоны. По мере роста и накопления опыта боевых действий истребительной авиацией Вьетнама, в том числе и авиаполком Красной Звезды, аэродромы южных провинций Северного Вьетнама были укреплены для ведения боевых действий на МиГ-21. Также была поставлена задача по пресечению действий воздушных бандитов, летавших со стороны Лаоса, включая бомбардировщики Б-52, а также самолеты с вражеских аэродромов Южного Вьетнама. Была сформирована команда для выполнения ночных боевых вылетов.

Как Вы оцениваете подготовку американских летчиков, их военную технику? Превосходила ли их техника МиГи?

Американские пилоты имели хорошую летную (особенно у палубных летчиков) подготовку, традиции и опыт в результате боевых действий во время Второй мировой и Корейской войн. Они, как правило, квалифицированно владели современной техникой и многоцелевым вооружением, в том числе и средствами электронной борьбы. Американские летчики-истребители имели большой налет, который, как правило, составлял не менее тысячи часов (тогда как вьетнамские летчики в начале воздушной войны шли на задание как новички). Будучи высокооплачиваемыми и принадлежащими к почетной в своем обществе профессии, американские летчики нередко проявляли целеустремленность в выполнении боевых задач. Американские боевые вылеты производились обычно многочисленным составом, закреплялись мощной и совершенной системой тылового и технического обеспечения, включавшей современную службу поиска и спасения пропавших пилотов (MedEvac). Вдоль узкой по ширине территории ДРВ тогда располагались многочисленные авиабазы США, включая авианосцы.

МиГ-21 был оценен как равный, а в некоторых аспектах — лучше, чем Ф-4 и Ф-8 по маневренности (в вертикальной и горизонтальной поверхности на средних и больших высотах) и в разгоне скорости, кроме разгона скорости на малой высоте. Бортовая РЛС американских истребителей мощнее (дальность 60-70 км против 15-16 км у МиГ-21) и современнее, чем у МиГ-21. Бортовая РЛС на МиГ-21 была изготовлена с использованием электронных ламп, которые нестабильно работали в тропическом климате. Во Вьетнаме МиГ-21 (до конца 1960-х годов) имел на вооружении две ракеты Р-3С (аналогична американской Side-winder, с эффективной дальностью 1,5-2 км против 4-6 км у американских ракет), в то время как Ф-4 имел 8-12 ракет разных диапазонов. Условия для пуска ракеты у МиГ-21 требуют большой стабильности. Угол слежения и радиус поражения при взрыве у ракет американских истребителей больше, чем у МиГ-21. На малой высоте Ф-105 имел возможность набрать сверхзвуковую

скорость быстрее, чем МиГ-21.

Параметры по времени разгонки скорости и набора высоты у МиГ-21 лучше, чем у американских истребителей, что давало возможность использовать пространственный маневр для скрытой подготовки и внезапного как входа в атаку, так и выхода из нее, во избежание преследования со стороны американских истребителей. Бои, как правило, велись при значительном превосходстве сил противника.

Расскажите о самом памятном бое.

В истории боевых действий ВВС Вьетнама воздушный бой 23 августа 1967 г. отмечается как первый, когда совместными усилиями МИГ-21 и МИГ-17 ИА сумела предотвратить вражеское массированное воздушное нападение на Ханюю.

Чтобы читателям легче было представить ход тогдашних оперативных событий, цитирую из журнала боевых действий 921-ого авиаполка:

«В июле 1967 года ИА ВВС Вьетнама выполнила много боевых вылетов и сумела уничтожить много вражеских самолетов. Источники разведки сообщали, что противник планирует более массированную бомбардировку Ханюю и пригородов. Главными объектами являлись мосты Лонг Биен и Дуонг, электростанция Иен Фу, железнодорожный вокзал Иен Виен. Командование ВВС Вьетнамской Народной Армии решило скоординировать действия сил истребительной авиации для одновременного наступления на основные ударные группы врага на двух соседних участках воздушного пространства вблизи Ханюю и тем самым пресечь их воздушную атаку. Командование ожидало, что враг готовит интенсивные разрушительные удары авиации по Ханюю примерно в третьей декаде августа 1967-го. К этому дню и были выполнены подготовительные работы по координации действий.

Тактическое задание на 23 августа: не допустить удары противника по выбранным им объектам. В бой введены два МиГ-21 F94 (вооружен двумя ракетами Р-3С), взлетевшие с аэродрома Нойбай. Время сражения: день 23 августа. Зона сражения для МиГ-21: провинции Туен Куанг, Винь Фук; для МиГ-17 провинция Бакнинь. Характеристика действий противника в августе 1967-го была следующей: с начала месяца враг совершил тысячи налетов самолетами ВВС США и Военно-морского флота (палубными самолетами), бомбя области Ханюю и Хайфона. Их воздушная операция была разделена на фазы, каждая фаза длилась 4-5 дней. Каждый день совершалось 200-300 самолето-вылетов, распределенных на две-три волны в день. А 21, 22 и 23 августа 1967 года ударные полеты по-настоящему сконцентрировались над Ханюем.

Главным направлением вторжения был северо-запад Ханюю. Летя на низкой высоте над районом Донг Ань, воздушные агрессоры ис-

Асы вьетнамских ВВС

Nguyen Hong Nhi (8)

Nguyen Van Bay (7)

Nguyen Van Coc (9)

Dang Ngoc Ngu (7)

Mai Van Cuong (8)

Luu Huy Chao (8)

Vu Ngoc Dinh (6)

Pham Thanh Ngan (8)

Nguyen Ngoc Do (6)

Nguyen Nhat Chieu (6)

Le Thanh Dao (6)

Photo Not Available

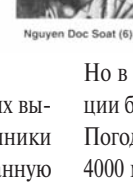
Nguyen Dang Kinh (6)

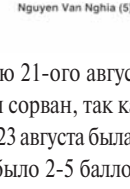
Le Hai (6)

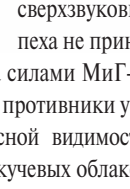
Nguyen Tien Sam (6)

Nguyen Doc Soat (6)

Nguyen Van Nghia (5)

Nguyen Tien Sam (6)

пользовали гору Там Дао как прикрытие при проникновении к Ханюю и аэродрому Ной Бай. Боевой порядок одного вражеского налета обычно состоял из не менее чем 30 самолетов. Отношение «истребители-бомбардировщики» колебалось в пределах от 20 до 33 процентов.

Ударная группировка из бомбардировщиков Ф-105 обычно шла в последовательном порядке, с интервалом между группами примерно от 8 до 12 км. Встречаясь с нашими истребителями, Ф-105

часто разбрасывали бомбы по пути как попало и скрывались. Бывало, они делали вид, что якобы хотели завязать бой, но это только для того, чтобы выиграть время для подхода истребителей Ф-4, прилетавших их спасать. Два боя в начале августа, в каждом из которых приняла участие пара наших сверхзвуковых истребителей МиГ-21, успеха не принесли.

Но в бою 21-ого августа силами МиГ-17 удар американской авиации был сорван, так как противники уклонились от боя. Погода 23 августа была ясной, видимость более 10 км. На высоте 500-4000 м было 2-5 баллов кучевых облаков и на 7000-9000 м было 7-9 баллов слоистых облаков. Основываясь на прежних оперативных сводках и опыте (например, направление проникновения ударных групп, как правило, можно определить по направлению мощных помех), командование ВВС ВНА (или Вьетнамской Народной Военной авиации) решило выбрать места основного удара по самолетам-бомбардировщикам. Это воздушное пространство над зоной Тхань Сон области Фу Тхо-Туен Куанг было выбрано для ведения боя силами МиГ-21, а Донг Ань-Иен Виен — силами МиГ-17. В бой над Донг Ань-Иен Виен было введено и четыре МиГ-17 ВВС КНДР.

Развитие боя 23 августа было следующим:

14:15 командование ВВС ВНА сообщило, что вражеский налет на Ханюю ожидается приблизительно к 15:00.
14:40 дальняя разведка обнаружила вражеские самолеты на 70-километровом участке южнее Сам Ныа, в Лаосе. Командир 921-ого полка дал сигнал тревоги высшей степени.
14:52 РЛС П-35 подтвердила наличие противника на направлении от Сам Ныа.
14:54 вражеские самолеты пересекли вьетнамо-лаосскую границу и начали подавать помехи.
14:58 Нгуен Ньят Тьеу (ведущий) и Нгуен Ван Кок (ведомый) поднялись в небо. Как только пара набрала высоту, летчикам дали курс 250 градусов, потом 360, 20, 30 градусов поочередно. Опытный Тьеу угадал, что противник почти долетел до места назначения, т. е. района Тхань Шон.
15:08 Нгуен Ньят Тьеу доложил на КП, что противник обнаружен. С

5000-метровой высоты паре удалось наблюдать примерно 20 вражеских самолетов, плотно идущих ровным строем на 4000-метровой высоте».

Сделав резкий поворот, Тьеу приготовился к атаке. В этот момент, взяв левый крен для просмотра задней полусферы, я обнаружил еще группу «фантомов» и срочно сообщил: «705! Внимание! Сзади еще много А (противник)». После вывода из крена, Тьеу мог визуально наблюдать примерно 20 вражеских самолетов, летящих позади нас. Убедившись, что противник нас не обнаружил, Тьеу решил, что теперь целью для нашей атаки будет звено замыкающего боевой порядок противника. Наземный КП дал на это добро.

Как только последние вражеские самолеты пролетели, я услышал команду ведущего на сброс подвесных баков и включение форсажа. Скоро мы сумели занять тактически выгодное для атаки положение: сзади противника. Взглянув на приборную доску, я отметил, что мы находимся на высоте 4000 м (как и самолеты противника), скорость нашего самолета 1200 км/ч, их скорость 800-850 км/ч. Расстояние между нашими и вражескими самолетами — примерно 1200-1500 м. Мы шли ровно в паре с интервалом 200 м, каждый выбрал себе цель из последнего ряда противника. Приближаясь к цели и прицеливаясь по ПКИ (коллиматорный прицел), мы приготовились к пуску ракет. Позже полковник Нгуен Ньят Тьеу напишет в своих воспоминаниях (цитирую из книги «Пятидесятая годовщина ВВС». Мемуары, 1-ый том. Издательство ВНА, 2005 г., сс. 236-242):

«Через мгновение мы уже заняли позицию, удобную для атаки. В этот момент я вспомнил указание генерала Во Нгуен Зап: «Стремительно брать инициативу, наступать скрытно и внезапно. Но начинать бой, только когда уверен в успехе». «Фантомы» продолжали идти ровным строем, не ожидая опасности с тыла. Посмотрев направо, я убедился, что «второй номер» уже был готов к стрельбе. Я приказал: «708! Атакую одновременно. Жди команды!» Кок ответил: «Ясно». Цель находилась в зоне пуска, я произвел пуск ракеты. Левое крыло моего самолета поднялось. В один миг «фантом» загорелся».

Секунды до момента пуска... На моем борту раздался сигнал захвата. Посмотрев налево, я увидел, что Тьеу кивнул головой в момент подачи команды «Пуск». Его ракета тут же очертила синюю линию, связавшую два самолета. Я также нажал кнопку пуска и увидел полет моей ракеты, которая ударила по второму «фантому», летящему впереди. Цель тут же взорвалась. Почти одновременно я почувствовал сильную волну, ударившую в борт моего самолета. Только позже я понял, что, поскольку дальность стрельбы была примерно 1000 м, мой самолет попал в зону взрывной волны сбитого мною противника. Потянув ручку управления на себя, я сделал боевой маневр с набором высоты для вывода самолета из боя. Выровняв машину, с высоты я увидел три горящих точки. Две из них уже уменьшились, приблизившись к земле. Третья точка, находившаяся в двух километрах от меня, подсказала мне, что командир сумел уничтожить еще одного противника. Не выдержав, я крикнул: «Ура, разгорелись! Вражеские самолеты разгорелись!» Что касается моего самолета, то механизм управления продолжал работать нормально, но набрать скорость мне было трудно. Доложив о состоянии самолета, я заметил «фантом», виляющий внизу, и спросил разрешения атаковать. Спокойный голос командира полка с южным акцентом зазвучал в наушниках: «708, спокойно! Немедленно выйти из атаки!» Меня вызвали на базу, так как КП посчитал, что мой корабль уже не годен к боевым действиям. Товарищ Чан Дык Ту информировал, что противник находится в Тамдао, в двадцати километрах от аэродрома Ной Бай. Я получил инструкцию выходить на север, затем взять курс на базу. Будучи над Винь Иен,

я услышал голос Нгуен Ньят Тьеу, передающего свои координаты и команду пристроиться. Снижаясь, я видел его белый МиГ на зеленом фоне джунглей.

Нгуен Ньят Тьеу рассказывает, как он сбил второй вражеский самолет: «После того, как сбил первый «фантом», резким разворотом пробив облачность, я обнаружил другую группу из восьми вражеских самолетов. Поначалу я хотел выпустить последнюю ракету в центр строя противника, чтобы поразить больше целей. Но в тот же момент в мозгу опять пронеслась фраза генерала Запа об уверенности в победе: «... Начать бой, только когда уверен в успехе». Я выбрал одну цель с края и приблизился к ней. Условия стрельбы по второму самолету противника были примерно такими же, как по первому. Как только дистанция между моим и вражеским самолетом стала 1800 м, сигнал захвата достиг номинального. Я произвел пуск. Самолет противника загорелся в считанные секунды. По пути к базе мы столкнулись с самолетами из головных звеньев боевого порядка противника, убежавших от Донг Ани, где они попали под стремительную атаку МиГ-17. Они были так близко к нам, что я мог видеть марки на их фюзеляжах. Но встречное сражение не завязалось, так как у нас было на исходе горюче, у меня израсходованы обе ракеты, а ведомый не мог набрать скорость больше 600 км из-за неисправности двигателя. Противники тем временем стремились уйти».

Из журнала боевых действий 921-ого авиаполка:

«...Результат боя 23 августа подтвердил возможность применения тактического приема «одновременной атаки», т.е., при условии безопасности, ведомый и ведущий могут одновременно атаковать и тем самым повысить эффективность боя. Этот бой также служит примером непрерывной атаки...»

Что касается двух звеньев МиГ-17, то они должны были пресечь действия противника в зоне от Да Фук до Иен Вьен, ближе к Ханюю. В этом неравном бою с врагом летчики-истребители МиГ-17 уничтожили один Ф-105 и два Ф-4. Товарищ Ле Танх Фонг, сбивший «фантом» и израсходовавший запасы горючего и боеприпасов, был окружен многочисленным противником и погиб в бою. Детали боя звена КНДР мне неизвестны. Знаю, что корейские товарищи уничтожили один вражеский самолет из трех сбитых, упомянутых выше. Ввод в бой совместно истребителей МиГ-21 и МиГ-17 с различными боевыми способностями позволил уменьшить диапазон высот действий противника при его попытках наносить удары по важным объектам ДРВ.

Еще в Советском Союзе я видел фильм «Небо над Балтикой» со сценами, когда самолеты МиГ-3 применили тактику «одновременное нападение», чтобы истребить немецкие «фокеры». Сцены произвели на меня сильное впечатление. Когда я вернулся во Вьетнам, боевые действия все еще вели по традиционной схеме: один ведомый («второй номер») прикрывал ведущего («первый номер») в бою с врагом. Но 23 августа 1967 года мы с Нгуен Ньят Тьеу разыграли балтийскую сцену «одновременной атаки» в небе своей Родины.

Была ли Ваша эскадрилья укомплектована только вьетнамскими летчиками или в ней были и советские пилоты?

Моя эскадрилья была укомплектована только вьетнамскими летчиками. Так же и другие эскадрильи моего полка. По учебной программе с нами работали советские инструкторы. Одно время в состав ИА Вьетнама входила часть ВВС КДНР, имевшая на вооружении самолеты МиГ-17 и МиГ-21 советского производства. В 1966-1968 гг. корейские друзья участвовали в полсотне воздушных боев, где они сумели уничтожить более тридцати американских самолетов. <ИВ>

перевод Нины МЕНШИХ

ОНИ ОТЛИЧНО ВОЕВАЛИ

4-ый кавалерийский полк – одна из самых известных и почетных войсковых частей армии США. С момента своего создания в 1855 году полк служил своей стране как в мирное, так и в военное время. Его послужной список впечатляет: индейские войны, Гражданская война 1861-65гг, филиппино-американская война 1899-1913гг, Вторая Мировая война, Вьетнам и конфликт в Персидском заливе... Соединения 4-го полка с отличием несли службу в Афганистане и Ираке. За время своего существования полк получил 61 ленту к знамени части за участие в боевых операциях, три благодарности президента, пять почетных коллективных наград и два французских Военных Креста с Серебряной Звездой.

У 4-ого полка длинная история. Как вы попали туда? Где и как проходило обучение?

Вся информация о новобранцах поступала в центральный распределительный пункт, а после этого нас направляли в подразделение, которое нуждалось в соответствующих специалистах того или иного плана. Я прошел подготовку на командира танка, а в 4-ом полку как раз не хватало именно такой единицы, вот поэтому меня и отправили именно в это подразделение.

Что было основным фактором, повлиявшим на ваше решение пойти служить в армию? Как к этому отнеслись ваши близкие?

Как сказать... для меня это нечто вроде продолжения семейной традиции. Из-за того, что мой отец был профессиональным военным, вся наша семья жила на самой военной базе, где я и вырос. В общем, думаю, что, если бы он был, скажем, пекарем, я бы и в этом случае пошел по его стопам. К тому же родители не могли себе позволить отправить меня на обучение в дорогостоящий колледж, а по прохождении военной службы армия должна заплатить за твое образование. К моменту окончания мной школы, Америка уже была по уши во Вьетнаме, да и я, помимо всего прочего, считал своим священным долгом помочь своей стране.

Были ли у вас какие-либо приметы и суеверия?

Нет. Вообще не было. Большинству из нас было около девятнадцати, и в силу этого мы полагали себя, по меньшей мере, бессмертными. Более того, многие из нас были христианами.

Каково было отношение к противнику?

Между нами была огромная разница, ведь они были фактически невидимыми и неуловимыми. Для того, чтобы их уничтожить, мы должны были рассматривать их как неровню, как нелюдей. Вьетнам был совсем не похож на Вторую Мировую, где шла игра на равных. Печально, но это факт.

В каких условиях Вам приходилось жить в то время?

Вообще, в комфортных. Нас обеспечивали двухразовым горячим питанием, да и к тому же, вечерним пайком. Была предусмотрена и экстренная эвакуация на случай ранения кого-либо из нас. Совсем неплохо. А так, мы фактически не вылезали из наших машин: если подсчитать общее время, проведенное нами на ходу, то получится где-то в районе двух-трех месяцев. Нам поставляли боеприпасы и топливо практически каждую ночь, не считая воды и провианта.

В нашу задачу входило предотвращение скопления сил противника и предупреждение массовых атак с его стороны. Север отправлял малые группы своих солдат, которые должны были соединиться на юге страны: это был действенный способ укрупнения, ведь в этом случае вероятность, что мы их заметим, резко падала. В их задачу входило соединение на южновьетнамской территории либо на территории соседних стран с последующим пересечением вьетнамской границы. Ну а мы, в свою очередь, все время прочесывали леса и джунгли, чтобы помешать им, ведь чем больше времени у них было на спокойное выполнение поставленной задачи, тем больше проблем у нас было бы. Поэтому мы должны были срывать каждое возможное пополнение сил противника. Так обнаружилось, что во время наших зачисток, когда на линию отправляли штук 30-40 танков и БТРов, встреча с противником была стопроцентно гарантирована. Мы дислоцировались на тех территориях, где, по нашим предположениям, должна была происходить консолидация северовьетнамских сил. Каждые несколько месяцев мы возвращались на защищенные военные базы, где приводили себя в божеский вид, отдыхали, отмывали и ремонтировали танки, ну и все такое. Будучи в поле, ты, как правило, всегда торчишь на броне и общаешься по рации, высматривая, не мелькнет ли поблизости что-нибудь подозрительное, а ребята из твоей команды спят у танка, завернувшись в спальники. В непосредственной близости от нас также находился наблюдательный пост, чтобы в экстренной ситуации мы были вовремя предупреждены об атаке противника. Место дислокации менялось каждую ночь, и практически каждую ночь, как я уже рассказывал, мы получали пополнение топливом, боеприпасами и иногда провиантом. В случае если до нас было трудно добраться, отправлялся вертолет, загруженный всем вышеперечисленным, включая емкости с топливом и водой. Во всем этом мы чертовски нуждались.

Вообще, будучи командиром танка, положение обязало меня повидать немало передраг — в том числе и боев, ну а из патрулей мы практически не вылезали. Был дважды ранен.

Каковы были отношения внутри Вашего подразделения? Между солдатами? С комсоставом? Имели ли место неуставные отношения?

Так как большинство из нас были совсем юнцами, мы быстро перезнакомились и дружба, которая завязалась тогда, была по-настоящему крепкой. Более того, у нас был отличный командир, на

которого равнялось все подразделение. Вообще, большая часть комсостава была из академии Вест Пойнт, а когда офицер заканчивает эту академию, он имеет право выбора любого подразделения для последующей службы. Многие выбирают такие элитные подразделения, как воздушный десант, рейнджерские подразделения (армейский спецназ) или наша войсковая разведка, считающаяся в сухопутных войсках элитной (возможно, на то есть причины исторического характера, к примеру, на Диком Западе на выручку поселенцам всегда приходила именно кавалерия — подобные эпизоды часто можно увидеть в старых вестернах).

Отказывала ли техника?

Нет. Могу сказать, что техника была действительно хорошего качества, уж тем более, после всего того, что мы пережили на наших танках. Однако в целом вооружение было не самым лучшим из всех возможных на тот момент и, соответственно, возникали и проблемы — например, с автоматикой М16. Вообще, М16 и ее модификации до сих пор используются нашими ВС, и мне порой думается, что война — лучшая кормушка для опытно-конструкторских и исследовательских контор. Эти ребята любят совершенствовать бывшие наработки и «тестировать» их на жизнеспособность в военно-полевых условиях, и если бы только одни наработки...

Общаетесь ли сейчас с бывшими однополчанами?

Да. Многие из нас ежегодно встречаются до сих пор. Я поддерживаю связь с десятью-пятнадцатью ребятами по электронной почте, и мы всегда в курсе всех текущих событий. В 2010 году нам предстоит встретиться в Тусоне, штат Аризона.

Каково отношение в целом у «вьетнамцев» к своему бывшему противнику?

На сегодняшний день у всех нас общее чувство — чувство того, что руководство нашей страны тогда попросту ввело нас в заблуждение и сбilo с правильного пути. Ну, а по отношению к бывшему противнику — ощущение огромного уважения. Они отлично воевали и смогли отразить натиск одной из мощнейших армий мира.

Изменилось ли восприятие России с развалом СССР?

Да, изменилось. Нас готовили к тому, что нам предстоит настоящая война с врагом номер один — советской армией. Было чувство, что это будет что-то наподобие масштабной танковой войны на территории Европы. А сейчас я считаю, что это все не имеет никакого отношения к реальной жизни. Как бы то ни было, по отношению к русскому народу я испытываю глубочайшее уважение.

На Ваш взгляд, кем являются русские для американцев на данный момент?

Вообще, с момента моей отставки и последующей за этим работы в авиакомпании «Боинг» я очень многое узнал о русских. Сейчас у нашей компании есть целый дизайнерский центр в Москве и работать с вашими соотечественниками, зная, что между нашими странами не будет никаких войн, одно удовольствие. Большую часть всей моей жизни русские были окружены эдаким ореолом врага, ну и нам оставалось попросту готовиться к участию в большой войне. Я счастлив, что вопрос о сверхдержавах канул в Лету, и от всей души буду рад увидеть, как ваша страна крепнет экономически, а уровень жизни населения становится все более и более высоким.

Многие из нас рассматривают Россию в качестве делового партнера и друга, более того, здесь, в Штатах, живет большое количество эмигрировавших русских, которые здесь работают и чувствуют себя как дома. Большинство американцев не считают Россию «мировой

угрозой», как это было раньше, и искренне сожалеют, что уровень жизни многих ваших соотечественников оставляет желать лучшего.

С точки зрения рядового американца: есть ли какая-нибудь разница между «советскими» и «русскими» людьми?

Откровенно говоря, со словом «советский» ассоциируется сверхдержава, цель которой заключалась в уничтожении США, действуя вкуче с Северной Кореей и КНР. На сегодняшний день это слово выпало из нашего обихода: для американского слуха «русский» звучит гораздо более человечно.

Ну, а на данный момент мы полагаем, что угроза Штатам исходит от Северной Кореи и Ирана, самой же дружественной державой, является, очевидно, Израиль. Как же хочется верить в то, что больше никогда не будет никаких войн!

Каково Ваше отношение к военным конфликтам, в которых так или иначе принимала участие Россия? Например, Чечня, грузино-осетинский конфликт?

Похоже на то, что руководство страны хочет таким образом продемонстрировать свою мощь и превосходство — точно так же, как и наше правительство. Мы все ошибаемся.

Я не слежу за ходом конфликта в Чечне, однако складывается впечатление, что это гражданская война, что-то наподобие того.

Что касается грузино-осетинского конфликта — здесь я абсолютно сбil с толку. Если верить новостям — то все они свободные и независимые, а так, кто знает. Нельзя доверять всему, что пишут и говорят журналисты. Кажется, русские СМИ заявляют, что у них было право... кому же верить? Не знаю...

Что бы Вы хотели сказать нашим читателям?

Испокон веков в мире существовали сильные армии, а войны шли рука об руку с нашей цивилизацией с самого момента ее появления. Однако, человеческие отношения по сию пору недалеко ушли от пресловутых Каина и Авеля. Хотелось бы как-то найти в себе силы понимать и уважать друг друга. А так...одна вера стремится уничтожить другую. Посмотрите на Израиль — эту страну сейчас только ленивый не хочет сравнить с землей. Многие из лучших друзей ранее были нашими врагами. К примеру, сейчас я помогаю строить самолеты, которые будут поставляться в страну, которую я когда-то пытался уничтожить, — и это после того, как тридцать лет назад 55 тысяч моих братьев сложили там свои головы. Имеет ли это значение?..

Благослови нас всех Господь! <ИВ>

Энтони ПАЛЬ

перевод Нины МЕНЬШИХ

<http://iwvpa.net/>

НЕ МОЛЧАТЬ О СВОЕЙ ВОЙНЕ

Расскажите кратко о семье, кем были родители и почему вы решили пойти именно в ВВС? Как к этому отнеслись ваши близкие?

Я родился в 1950 году в маленьком городке Маннум (штат Южная Австралия), расположенном на берегу реки Муррей. Родители развелись, когда мне было всего пять лет, и нас — меня и моих младших сестер и брата — воспитывали бабушка и отец. Мы жили очень скромно, но дружно. В шестнадцатилетнем возрасте я закончил школу и, решив, что настала пора для самостоятельной жизни, ушел из дома. После Второй мировой мой отец девять лет прослужил в инженерных войсках Королевских военно-воздушных сил Австралии, однако после развода с матерью со службой пришлось распрощаться, т.к. командирам было не по душе то, что мы растем фактически без присмотра. Это и стало решающим фактором, который повлиял на мое решение пойти по его стопам.

Вскоре после моего ухода из дома, в июне 1966 года, я познакомился со своей будущей женой Марией, эмигрировавшей со своими родственниками из Италии в 1961 году. Через полгода мы уже дали друг другу слово никогда не расставаться, а год спустя, в декабре 1967, я поступил на военную службу. Мы поженились в феврале 1968, ровно через пять дней после моего восемнадцатилетия. На тот момент я уже всюду проходил курс молодого бойца. Мария и ее близкие всячески поддерживали мое желание служить своей стране, несмотря на то, что вероятность быть отправленным во Вьетнам существовала уже тогда.

Как общество относилось к вьетнамской войне на тот момент? Какие настроения господствовали в молодежных кругах?

В 1964 году в Австралии был введен т.н. план воинской повинности, по которому все юноши, которым исполнился 21 год, подлежали прохождению двухлетней службы в частях действующей армии, по истечении же этого срока их увольняли на три года в запас. Пребывание в запасных частях также подразумевало частичное несение службы. Так или иначе, во время несения ими службы, существовала вероятность отправки во Вьетнам, несмотря на то, что они должны были отбывать воинскую повинность, главным образом, на территории Австралии. Де юро, тот, кто попал в армию по этому плану, мог быть отправлен во Вьетнам лишь по собственной воле, однако, в реальной жизни все было совсем иначе. Кадровые военнослужащие, в свою очередь, были и вовсе лишены такого «выбора». Этот «план» был крайне непопулярен и стал причиной многочисленных маршей протеста, прокатившихся в начале 70-х, как раз тогда, когда Австралия выходила из этой войны.

Как бы то ни было, я добровольно вступил в ряды Королевских ВВС, искренне веря, что служу во имя защиты своей страны — именно так и полагало большинство как кадровых, так и «плано-

вых» добровольцев. Мысль о том, что коммунизм находится от тебя на расстоянии одного кратковременного перелета на самолете, была для нас очень мощной мотивацией. Мы страстно хотели остановить распространение этой идеологии «там», во Вьетнаме, пока она не добралась до нас. Это желание подогревала и небезызвестная «теория домино», которой придерживались такие американские президенты как Кеннеди, Джонсон и Никсон. По этой теории коммунизм обязательно должен был покорить все страны Юго-Восточной Азии — одну за другой — если, конечно, мы его не оставим...

Как я уже говорил, к началу 1970-х антивоенное движение набрало такую силу, что бессмысленность продолжения этой войны стала очевидной для всех. Так, в 1973 году, после подписания Парижского соглашения о прекращении вьетнамской войны и американцы, и их союзники были вынуждены вывести войска с территории этой страны. Впрочем, окончательно боевые действия прекратились лишь с захватом Сайгона, который пришелся на 1975 год.

Продолжительные и очень негативные последствия всех этих событий испытал на себе каждый прошедший Вьетнам австралиец. Общественное мнение клеймило ветеранов на чем свет стоит, а отношение сограждан к вернувшимся домой соотечественникам было, мягко говоря, достойным сожаления. По личному опыту — так же, как и по опыту моих товарищей — могу сказать, что отношение, с которым мы столкнулись дома, варьировалось от социального бойкота до оскорблений и даже драк. Нас обливали грязью и провоцировали на стычки, обзывали «разжигателями войны» и «убийцами детей»... Чего только не было... Но самым удручающим, на мой взгляд, было то, что ветеранские организации Австралии попросту отказались от этой войны и запретили нам вступать в их ряды, считая, что Вьетнам — не более чем обычная полицейская операция.

И лишь в 1987 году в Сиднее, наконец, был официально проведен парад «С возвращением домой», а в октябре 1992 года в Канберре открыли Мемориал, посвященный ветеранам Вьетнама. И это при том, что последний австралийский солдат покинул Вьетнам еще в 1972 году! Прошло более пятнадцати лет, прежде чем австралийцы начали осознавать смысл событий, в которых приняло участие около 55 тысяч наших сограждан. Но, так или иначе, за организацией парада и открытием Мемориала стояли сами ветераны. Лишь благодаря их решимости во что бы то ни стало отдать дань своим павшим товарищам и осветить масштабы того низкого и бесчеловечного отношения, которое они претерпели от соотечественников, австралийцы и правительство признали выпавшую на их долю несправедливость. Только тогда с этим согласилось общество и, вслед за ним — весь бюрократический аппарат. Так наши заслуги были, наконец, признаны.

Как Вы узнали об отправке во Вьетнам и какие были ощущения? Что думали о войне ДО отправки?

Добровольно завербовавшись в ВВС Австралии 1967 году, я прекрасно понимал, что у меня велик шанс быть откомандированным во Вьетнам. По окончании курса молодого бойца я попал в войска по охране аэродромов — австралийский вариант специального подразделения, где обучали владению различным оружием, рукопашному бою, а также всевозможным наземным операциям: от разведки и устройства засад до чуть ли не радиозащиты. Тренировки длились пять месяцев. По окончании мне рисовались самые радужные перспективы — еще бы, обучение было качественным, мне это нравилось и у меня все получалось. Как я уже говорил, мне казалось, что служба во Вьетнаме была жизненно необходима для моей страны, для защиты ее интересов и, в конце концов, я считал, что лучше сражаться с врагом «где-то там», чем на пороге собственного дома. Это чувство тогда разделяло абсолютное большинство моих ровесников.

Что поразило в первую очередь во Вьетнаме?

Первое, что бросилось в глаза после того, как мы приземлились в Сайгоне (ныне этот город носит название Хошимин) — количество американской авиации, причем, не только взлетавшей и приземлявшейся, но и стоявшей вдоль ВПП и рулежных дорожек. Хорошо помню мысль, пришедшую тогда мне в голову: такого количества самолетов просто быть не может. Авиатехника была везде, куда только простирался взор — просто дух захватывало от этого зрелища.

Тогда у меня за плечами уже была хорошая школа, подразумевавшая немедленное участие в настоящих боевых действиях. Реальность же, с которой мы столкнулись по прибытии в эту страну, была иной: вместо того, чтобы получить оружие и задать жару противнику, пришлось четыре часа стоять на жаре и ждать, когда нас, наконец, транспортируют из Сайгона на базу в Вунгтау. Путь туда пролегал через «пенаты» 1-й австралийской оперативно-тактической группы, дислоцировавшейся на территории Нуидат (провинция Фуктуй) к юго-востоку от Сайгона в дельте реки Меконг.

На тот момент австралийцам не разрешалось носить с собой личное оружие, которое выдавалось лишь по прибытии на свою «родную» базу. Эта «обезоруженность» нас крайне угнетала: к тому моменту мы долгое время находились на хорошо простреливаемой территории и, к тому же, знали, что нам предстоит перелет над вражеской территорией к месту своего назначения.

Что было самым запоминающимся во время обучения?

Изначально я попал в охранное подразделение, но после месяца, проведенного в патрулях и устройствах засад вокруг аэродрома в Вунгтау, а также в отчаянных попытках не заснуть во время дежурств и караулов, появилась возможность переквалифицироваться. Вот так я и стал вертолетным стрелком. Клич кинул командующий 9-й австралийской вертолетной эскадрилей, я немедленно написал заявление и был принят.

Тренировки проходили по принципу «без отрыва от производства» и, после двух часов полета в компании курирующего меня стрелка, я, наконец, стал полноправным бортстрелком на «Хьюи» UH1H. Через два месяца меня повысили и перевели на ганшип, где обязанности были значительно интереснее и опаснее. В конце концов, куда веселее стрелять в противника, который, к тому же, еще и отстреливается, из спаренного M-60. Подвесная система с семью ракетами и шестиствольный пулемет со скорострельностью около 4500 пуль в минуту, расположенные по обе стороны вертолета, впечатляли.

В каких условиях Вам приходилось жить в то время?

Там, где мы дислоцировались, было всего 120 австралийцев. В нашем распоряжении было нечто вроде маленького военного городка, где мы жили и проводили досуг. Это все находилось на территории американской воздушной базы в Вунгтау. Условия были превосходными: нас поселили в деревянных казармах, полностью обслуживаемых местными жителями, которые стирали нашу одежду, убирали помещения и даже — вы не поверите! — каждый день застилали за нами кровати. Несмотря на характерную для казарм обстановку с двухъярусными койками по 25 человек на каждом уровне, удачно сдвинутые шкафы и письменные столы создавали для каждого из нас некое подобие личного пространства. Каждое утро оперативные соединения 9-й эскадрильи должны были вылетать на австралийскую военную базу в Нуидате, откуда шло непосредственное осуществление наших операций по поддержке.

Возникало ли у Вас чувство страха перед вылетами? Были ли какие-либо приметы и суеверия?

Возникал, скорее, не страх, а ощущение ожидания и желания поскорее выполнить поставленную задачу. Именно это и заставляло нервничать перед каждым вылетом. Так или иначе, в большинстве случаев, особенно когда мы знали, что нам предстоит встреча с противником, все сводилось к проверке собственной силы воли, да и к браваде перед своими товарищами, чтобы скрыть собственное волнение.

Вообще, я старался никогда не вылетать без фотографии моей жены и дочери, которую хранил в левом нагрудном кармане. Эта карточка значила для меня больше, чем бронежилет, и те дни, когда я случайно забывал о ней, казались мне бесконечно длинными и наполненными неприятными «сюрпризами». Ну, а с прагматической точки зрения, самой важной, конечно, была проверка своего M60 перед каждым, без исключения, вылетом.

Расскажите о самом важном для Вас вылете.

Это было ноябрьским вечером 1969 года. День тогда выпал особенно долгим и напряженным. Как только мы поднялись в воздух и взяли курс на Вунгтау, по радио запросили о помощи. Мы должны были эвакуировать нескольких раненых соотечественников. Запрос был принят, и вскоре наш вертолет уже кружил над обозначенной местностью, где не было ни малейшей возможности приземлиться. К тому моменту уже успело стемнеть: мы кружим в потемках в воздухе, а под нами, на земле, находятся двое тяжело-раненых и один погибший. Так или иначе, несмотря на интенсивный обстрел со стороны противника, в котором меня слегка зацепило, мы успешно их эвакуировали и доставили в Вунгтау. Через несколько дней я навестил парней в госпитале, надо сказать, что эта встреча была на удивление теплой и эмоциональной. Мы не теряемся и по сей день: каждый год я вижу этих ребят на праздновании Дня АНЗАК (Австралийский и новозеландский армейский экспедиционный корпус. День АНЗАК отмечают 25 апреля в Австралии и Новой Зеландии.)

Расскажите что-то из трагических ситуаций и что-то из смешных.

Во время одной из операций наш вертолет попал под интенсивный обстрел. В общем-то, это не так уж и плохо, если не забывать, что в то время, когда тебя берут на прицел, у твоих товарищей из пехоты есть шанс перегруппироваться и занять более выгодную позицию.

Во время этих событий я, для удобства поставивший одну ногу

прямо на подвесную ракетную систему, наклонился вниз слишком сильно и, поскользнувшись, вылетел из вертолета в тот самый момент, когда он заложил направо крутой вираж. Слава Богу, вокруг моей груди был обвязан трехметровый ремень, другой конец которого был закреплен в кабине. К несчастью, провод внутренней связи был короче моей страховки, и я, повиснув в воздухе, не мог дать знать остальным членам экипажа об этой ситуации.

Так как ремень крепился за моей спиной, мне пришлось изловчиться, чтобы ухватиться за него и попытаться забраться обратно в вертолет. Я с огромным трудом смог поставить одну ногу на шасси и, в тот момент, когда я почувствовал себя в относительной безопасности, другой стрелок, наконец, увидел меня за бортом. Пытаясь затащить меня обратно в кабину, он изо всех сил потянул за страховочный ремень. В итоге я потерял равновесие и вновь очутился в воздухе.

Вся эта ситуация заняла максимум минуты полторы — за это время вертолет описал в воздухе окружность и сделал еще один боевой заход, к которому я, вспотевший и дрожащий, уже был полностью готов.

Был еще один случай, когда перед нами поставили задачу эвакуировать пятерых ребят из спецназа, вошедших в контакт с численно превосходящим противником. И вновь мы не могли приземлиться, поэтому эвакуацию пришлось осуществлять на тросах. Зависнув в воздухе, мы подождали, пока они прикрепятся к вертолету, и набрали высоту. Увы, но один из них не закрепил трос как следует, и упал, когда мы находились на высоте примерно в 150 футов. Последовавшие за этим поиски ни к чему не привели. Это печальное событие произошло 27 сентября 1969 года, а останки солдата уда-

лось обнаружить лишь в октябре 2008. Так, менее года назад этот парень смог, наконец, с почестями получить свое последнее пристанище на родине.

Была ли ненависть к врагу?

Я не могу вспомнить чего-либо подобного. Мы прекрасно понимали, что противник по-настоящему опасен, и это вызывало чувство уважения. Его неуловимость и способность смешиваться с простым населением потрясали. Мне доводилось ощущать и гнев, и раздражение, но это не более чем реакция на его хитрости.

Каково было отношение к противнику? Как прошла Ваша самая первая встреча с противником?

Австралийцы уважали противника за его ловкость: «победы», которые нам иногда удавалось одержать, приводили нас в состояние настоящей эйфории. Ну а моя первая встреча с противником состоялась еще до того, как я стал вертолетным стрелком. Наши обнаружили судно противника, которое было замаскировано под рыболовное, но на деле оно перевозило провиант и боеприпасы. Перед нами поставили задачу перехватить его, взять в плен экипаж и конфисковать оружие. Нас прикрывали с воздуха, и задачу удалось выполнить без потерь, причем с обеих сторон. Пленников транспортировали на нашу базу, а меня не оставляло чувство, что мы имеем дело с настоящими патриотами, которые сражались за то, во что искренне верили, точно так же, как и я сам. В моей душе не было ни капли ненависти к этим людям, лишь уважение: они не отступали от своего, несмотря на то, что обстоятельства, зачастую, складывались отнюдь не в их пользу.

Как оцениваете военные способности противника и моральный дух?

Вьетконговцы были вдохновлены этой борьбой, всецело ей отдавались и становились настоящими профессионалами, пусть даже и ресурсы, которыми они обладали, были весьма ограниченными. Это был умный и стойкий противник, и я верю, что их моральный дух был крайне высоким, несмотря на многочисленные «поражения». К моменту вывода войск американцами и их союзниками, ряды Вьетконга уменьшились на порядок — настолько, что им потребовалось более двух лет на то, чтобы окончательно захватить Южный Вьетнам и объединить всю страну.

Как возникла идея создания сайта? Как он развивался? Какие Вы вынесли из этого проекта идеи, мысли, впечатления? Поддерживает ли кто-то проект из властей?

В период с сентября 1992 года по июнь 1999-го я находился на лечении в одной из психиатрических больниц. Причиной этому было т.н. посттравматическое стрессовое расстройство или, проще говоря, «вьетнамский синдром», из-за которого я был совершенно не в состоянии жить в «нормальном» мире. Все это время меня преследовали ночные кошмары, агрессия, диссоциативные расстройства, неадекватные реакции, не говоря уже о куче прочих расстройств психики. Я совершенно не мог сконцентрироваться на чем-либо, и моей реальностью стала депрессия, ощущение жгучей тоски и полный разлад с близкими и обществом в целом. Мысленно я постоянно возвращался к пережитым ранее стрессовым ситуациям, в общем, моя жизнь превратилась в нескончаемый флэшбэк. Однако за время пребывания в больнице мне удалось научиться справляться со всем этим, более того, оказалось, что перенос на бумагу своих мыслей — это самая эффективная терапия из всех существующих. После своей демобилизации из Королевских ВВС в 1988 году я начал писать стихи, но, честно говоря, ни-

когда к этому серьезно не относился и лишь в больнице осознал всю важность этого процесса. Именно творчество помогло мне и очень многим, столкнувшимся с аналогичной проблемой, вновь войти в русло привычной жизни.

Моя жена, после многочисленных консультаций с терапевтами и прочими специалистами, в октябре 1999 года купила компьютер, чтобы я продолжал записывать. С этого момента необходимость в помощи врачей отпала сама по себе: «синдром» не отпустил меня, но мои записи стали той самой панацеей, которая помогала преодолевать соответствующие сложности.

В сентябре 2000 года я впервые зашел в Интернет и стал участником поэтического онлайн клуба, где начал выкладывать свои стихи, встретившие теплый прием у читателей. После этого мне пришла в голову мысль о создании небольшого сайта, где можно было бы выкладывать написанное мной. В январе 2001 года, получив большое количество просьб расширить свой сайт, я, наконец, решился и, с того момента, на сайте появилось творчество моих друзей, их воспоминания о войне и описания ее последствий. Участниками моего «интернет-проекта» стали люди из самых разных стран, поэтому я решил назвать сайт «International War Veterans Poetry Archives» (IWVPA — «Поэтический архив ветеранов из разных стран»). Так что в моем случае все начиналось более чем скромно.

С течением времени сайт приобретал все большую популярность и сейчас его авторами являются более 900 человек из 27 стран. Это самые разные люди, которых объединяет одно — война. Они говорят о лично пережитых событиях или описывают то, что выпало на долю их близких, прошедших через ту или иную «горячую точку». Независимо от авторской точки зрения и настроения, которым проникнуто каждое из двадцати тысяч выложенных на сайте произведений — цель сайта одна: дать шанс высказаться каждому, кто в обычной жизни зачастую лишен такой возможности.

Начиная с момента создания, сайт существует на получаемое мной пособие по инвалидности. За исключением небольших добровольных пожертвований, извне больше нет никакой помощи. Мне приходилось получать от некоторых дельцов выгодные предложения о сотрудничестве, однако все они были отклонены, так как условия, в которые они пытались меня поставить, были для меня, мягко говоря, неприемлимыми, например, разместить рекламу на сайте.

Как бы то ни было, помимо упомянутых предложений о сотрудничестве и совместном «делании денег», я получаю от многих образовательных учреждений, в том числе заграничных, запросы на использование в их учебной работе выложенных на сайте материалов. Вот этим я действительно горжусь.

26 января 2006 года, как раз в наш национальный праздник (День Австралии), я узнал, что за работу над сайтом мне была присвоена Медаль ордена Австралии (ОАМ). Начиная с этого момента, популярность сайта возросла, а меня стали приглашать в качестве почетного гостя на многочисленные мероприятия, проводящиеся в честь ветеранов в школах и ВУЗах Австралии и США.

На данный момент сайт развивается и так будет вплоть до того момента, пока я буду в состоянии заниматься этим делом. Так или иначе, я верю, что к тому времени, когда я навсегда «отключу свой компьютер», обязательно найдется человек, который возьмет из моих рук эту эстафетную палочку, но мне все-таки хочется верить, что это случится нескоро.

Общаетесь ли сейчас с бывшими однополчанами?

Как я уже сказал, каждый год в Австралии и Новой Зеландии отмечают национальный праздник АНЗАК. В этот день ветераны со-

бираются на службу по погибшим в самых разных войнах солдатам Австралийского и новозеландского армейского экспедиционного корпуса. По окончании службы, которая проводится на заре, во всех городах наших двух стран проходят парады. В Австралии также отмечается День ветеранов Вьетнамской войны — этот праздник приходится на 18 августа.

Именно в эти дни ветераны собираются вместе и вспоминают дни своей службы и, в особенности, тех, кто так и не вернулся домой...тех, кто погиб за нас и за свою страну. В нашей стране также есть целая сеть организаций, объединяющих бывших однополчан. Там можно найти своих товарищей по оружию и возобновить общение с ними.

Я, в частности, являюсь вице-президентом Ассоциации ветеранов 9-й эскадрильи (шт. Южная Австралия), пожизненным членом Ассоциации ветеранов Вьетнама Королевских ВВС и Ассоциации ПВО, а также состою в Австралийской ассоциации ветеранов Вьетнама. Благодаря моей причастности к этим организациям, я всегда нахожусь на связи со своими товарищами.

Что бы Вы хотели, пользуясь случаем, сказать российским ветеранам?

Мои далекие братья по оружию: наши представления о политике, религии и всякого рода свободах могут различаться, и это — закономерно. Причина тому не столько жизнь в разных странах, сколько то, что все мы, в первую очередь, люди.

Несмотря на все различия между нами, в наших сердцах живет любовь к своей родине, и это чувство, так же как и чувство долга перед своей страной — едино для всех нас без исключений. Каждый из нас примерил военную форму, исходя из своих соображений: кого-то призвали, кто-то не мог найти себя в гражданской жизни, кто-то пошел служить добровольно. Независимо от причин, стоявших за этим шагом, мы все, дав присягу, исполняли свой долг честно и искренне.

Наивность наших юношеских мечтаний о приключениях и вышешность стремлений защитить родину от всех возможных врагов испарились, как только мы оказались на настоящем поле боя, где идеалы уступили место простому желанию выжить и сохранить жизнь своим товарищам. И лишь с возвращением к относительно мирной гражданской жизни мы начинали понимать, что то, чем жили раньше, по сути, не что иное, как идеализм в его высшей степени. Только дома мы понимали, что каждый из нас по отдельности мало чего стоит, и что тогда, когда мы становились плечом к плечу, для нас не существовало недостижимых целей.

Нам, солдатам, не так уж и важно «проиграть» ли наши страны войны, в которые были втянуты, или «выиграть». Важны поступки, совершенные нами, и исполнение нами — каждым лично — своего долга.

Причины, чувства и цели, стоящие перед нами, делают всех нас, без исключений, Братьями по Оружию, и я горжусь тем, что мне выпала честь встретиться со всеми вами на страницах этого журнала. Я убеждаю каждого из вас не молчать о своей войне! Официальная история не знает Настоящей истории, ее совершенно не интересует каждый из нас, и именно поэтому жизненно важно помочь другим понять всю Правду войны. Очень важно и то, что с того момента, когда вы беретесь за перо и начинаете писать, все, о чем вы рассказываете, окончательно становится неотъемлимой и крайне важной частью вашей жизни. Я лишь на собственном опыте понял, что ничто так не помогает справиться с воспоминаниями, которые подчас кажутся невыносимыми, как их фиксация на бумаге. <ИВ>

Кен
УОРТОН

перевод Ивана НИКОЛАЕВА

БЕДЫ ОЛЬСТЕРА ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОЙ АРМИИ

(отрывок из книги)

СЕРЖАНТ РОЙ ДЕВИС,
КОРОЛЕВСКИЙ ВАЛИЙСКИЙ ПОЛК, 1969

Первые недели в Белфасте были для нас просто раем на земле. Мы патрулировали в районе шоссе Фоллс и Гросвенор и на улице Дивис. Это католический район, и мы очень тепло общались с местными жителями. В протестантские районы мы почти не заходили. Несмотря на то, что проды¹ называют себя «британцами», на нас они смотрели, прежде всего, как на сочувствующих их врагам — католикам.

Католики-мужчины, в массе своей безработные, выглядели угрюмо и здоровались, смотря исподлобья. А их жены и дети, напротив, были очень дружелюбными. Стояла августовская жара, и эти открытые и добросердечные люди обращались к нам с такими словами: «Как служба, солдатик?», «Ваши мамы будут гордиться вами!», «Да хранит вас Бог, служилые!», «Давай, томми², чайку насыплю, и на вот, печеньку держи!»

Мы не любили местную полицию и считали (отчасти незаслуженно), что эти ребята в Северной Ирландии совсем бесполезны. Для нас отвели зону патрулирования в рабочих кварталах — захлавленных, грязных трущобах с сортирами на улице и прочими подобными прелестями — в таких райончиках большинство из нас и выросло.

На патруль мы выходили с закатанными рукавами — было жарко и тогда еще безопасно. Кто-то носил каски (один парень даже упал в обморок, не сняв на жару стальной шлем), но большинство предпочитало береты. До нас доходили слухи о перестрелках в других частях Белфаста, но поблизости было тихо. Газета Дейли Миррор проводила кампанию под лозунгом «Отомкните штыки!», призыву которой мы и последовали. Но в воздухе уже витало ощущение, что наше спокойствие подходит к концу.

И уже совсем скоро, увы, время чаепитий, печенек и подносов с бутербродами для нас закончилось.

В те мрачные дни, когда закон и порядок в Ольстере рушились буквально на наших глазах, нас вызвали в полицейский участок на Спрингфилдском шоссе. Прибыв на место, мы не обнаружили ни одного полицейского — все просто сбежало, не будучи в силах справиться с разгулом анархии на улицах города. Зато печально известные вспомогательные военизированные формирования полиции, Б-спецы, гремели на всю округу — они рыскали по городу, уничтожая всё и всех на своём пути.

Мы увидели старушку, которую в инвалидной коляске катил куда-то её внук. Она не переставая рыдала, всё тело её было залито кровью. Внук сказал, что это озверевшие Б-спецы напали на бабушку и избили её. Эти горе-полицейские были полностью неконтролируемы.

Я помог донести бабушку в укрытие полицейского участка и прошептал ей: «Теперь Вы в безопасности». Мы обработали ей раны и оставили у себя.

В тот же день один наш боец получил ранение из дробовика 12-го калибра, но, к счастью, ранение оказалось не столь серьёзным, он полностью восстановился. Я думаю, тот боец стал первым британским солдатом, раненым из огнестрельного оружия в этом конфликте. И я почти уверен, что ранил его какой-то Б-спец. Позже мы взяли их под контроль, но тогда они творили, что хотели.

Одна картина никак не выходит у меня из головы: сотни католиков, в основном женщины и дети, живой рекой тянувшиеся мимо нашего

расположения в сторону спасительного убежища — своей церкви, стоящей ярдах в пятидесяти за полицейским участком. Тогда я просто не мог поверить своим глазам — такое громадное количество домов горело, дым и пламя были повсюду. Наш командир сказал, что отныне мы выполняем роль полиции, но не должны забывать о том, что в первую очередь мы всё-таки солдаты.

В ту ночь я стоял в карауле у входа в участок, когда внезапно прямо на меня откуда-то со стороны домов, стоявших напротив, выбежала женщина с перекошенным лицом, а за ней бежал осатаневший мужчина, размахивая разделочным ножом. Женщина спряталась за мою спину, ища защиты, и вскрикнула: «Он хочет убить меня!» У меня в руках был пистолет-пулемёт, и я, передёрнув затвор, навёл его на «мясника» и крикнул: «Стоять! Ещё шаг — я стреляю!» Он что-то нечленораздельно прокричал, потом выматерился, развернулся и исчез. Я отвёл бедную перепуганную женщину в здание и вернулся на пост.

БОИ НА ШАНКИЛЬСКОМ ШОССЕ. БЕЛФАСТ, 1969. ДЖИМ ПАРКЕР, ПОЛК ЛЁГКОЙ ПЕХОТЫ

Нас построили в длинную колонну по шесть-восемь человек в ряд. Тех, у кого были каски, и меня в том числе, поставили вперед, прозвучала команда: «Лёгкая пехота! Быстрый марш!» — и колонна пошла в темноту. Вдруг послышались крики, колонна остановилась, и нам командовали «кругом». Теперь во фронте оказались солдаты без касок. Колонна двинулась назад, потом развернулась и втянулась в переулок слева. Офицерам кто-то сообщил, что погромщики ведут стрельбу на Шанкильском шоссе, куда мы и направились. На перекрёстке с шоссе колонну остановили, и некоторых отправили на противоположную сторону улицы. Меня же вместе с моим подразделением отправили направо по шоссе, где я впервые за время службы попал под обстрел.

Мы слышали, как пули кромят кирпич и жужжат дальше по улице. В нашу сторону летели и камни, которые погромщики запускали с помощью своих мини-катапульти, сделанных из прутьев от забора и прочной резинки. Но эту технологию мы узнали уже позже. А пока в нас летел свинец и камни.

Всё время, пока я был на Шанкильском шоссе, за мной буквально по пятам шёл телеоператор, и периодически, при перебежках от подъезда к подъезду, он врезался мне в спину. Он меня просто из себя выводит, всё время следуя по пятам.

В руках у меня была винтовка, и при первом же удобном случае я старался закрыть прикладом своё достоинство — не хотелось потом на гражданке прожить всю жизнь без женщин!

По цепочке нам передали приказ потушить везде свет. Невдалеке мы увидели мужчину. Он вломился в освещённый магазин, но вскоре свет там потух. Через пару минут он выносил из магазина охапку сигарет. Такие персонажи попадались нам и позже.

Капрал из разведвзвода выстрелил по крыше дома напротив, сказав, что видел там снайпера. Я сильно сомневаюсь в сказанном!

В одном из переулков старушка захотела пойти с нами, говоря, что с солдатами безопаснее. Мы её быстро уговорили, что лучше вернуться домой и сидеть там.

Были сформированы группы захвата, которые отыскивали и ловили мятежников. Действовали группы вне нашей зоны видимости, но, когда они проводили арестованных мимо нас, мы щедро одаривали неудачливых бунтарей пинками и руганью. Не было никакого приказа о том, куда доставлять пленных, поэтому их просто уложили на дороге, так они и лежали. Пользуясь темнотой, один из них поднялся и на всех парах побежал в переулок мимо нас. Солдаты закричали: «Стой! Стрелять буду!» — и втроем помчались за ним. Они резко остановились, и боец из противотанкового взвода выстрелил по беглецу. Винтовка уда-

рила по ушам — «бах!» — «доктормартинсы» сделали ещё пару шагов, и из темноты раздалось приглушённое «А...!» Пуля вошла беглецу в поясницу.

Солдаты по цепочке передавали рассказы о событиях, происходивших вокруг. До нас дошла информация, что наш новый командир был ранен, и к командованию вернулся старый, подполковник Большой Джон. К нему подошла делегация от мятежников. Они жаловались, что бойцы его батальона действовали слишком жёстко. Большой Джон снял каску и с размаху треснул одного из «делегатов» по морде и сказал: «Так вам!» Майор, стоявший рядом, тоже захотел поучаствовать, ударить валяющегося на земле мятежника ногой, но промахнулся и упал сам.

С первыми лучами зари беспорядки стали понемногу стихать. Главный сержант полка (звание в Королевских британских ВС — прим. пер.), в каске, свитере и мешковатых штанах, шагал по середине дороги. Он остановился, посмотрел в мою сторону и заорал:

— Какого х...ра ты тут делаешь?

Взглянув на струнку, я постарался изобразить самый лучший строевой голос и доложил:

— Меня тут поставили, сэр! Сапёрный взвод, сэр!

— Да не ты, придурок, — он отошёл в сторону. — Вон тот м...дак! — и он показал на оператора, что преследовал меня всё это время. Главный сержант приказал ему убираться с глаз долой.

Уже светало, когда зазвонила сигнализация в каком-то банке. Снова по цепочке передали приказ «занять господствующие высоты». Я и ещё несколько бойцов зашли в школу и долго бродили там в поисках выхода на крышу. Пришлось разбить стеклянную дверь, а потом серый пластиковый купол в крыше коридора, через который мы и пролезли наверх, помогая друг другу.

Когда мы оказались на плоской крыше, мы увидели десятки прожекторов, установленных по всему району. Не хотелось как-то быть обстрелянным своими же! К этому времени было совсем светло. Над головами летал вертолёт, из которого по громкоговорителю людям приказывали разойтись по домам.

Один из моих бойцов прошёл на край крыши, чтобы осмотреть улицу. Напротив нас собралась группка людей в садике перед домом. Кит — так звали бойца — крикнул им: «По домам идите!» Ясно было, что люди его просто не услышали. Тогда Кит рассердился и принялся кричать, чтобы они убирались по домам, а не то он будет стрелять. Он передёрнул затвор и уже хотел прицелиться. Я уговорил его опустить пушку, мотивируя это тем, что люди не творят никаких беспорядков, а к тому же, даже не слышали его команды.

Чуть позже в школу пришёл директор и очень сокрушался о разбитом стекле и выломанном куполе — это можно было понять по его виду, — но ничего нам не высказал. Он только сказал, что мы можем купить дешёвый школьный обед, чем двое из нас и воспользовались.

Немного позже все бойцы подразделения подтянулись на кухню, которую ротный старшина оборудовал в здании недалеко от нашей школы. Когда мы подошли, съёмочная группа какого-то канала как раз собиралась снимать кормёжку солдат. Мне было приятно от мысли, что мои мама и папа увидят меня в новостях.

Телевизионщики как раз начали снимать, когда повар поднял кастрюлю с кипятком и с грохотом опрокинул её прямо на плитку под всеобщий ор оголодавших бойцов. Хоть мы и получили наши порции, а вот в новости так и не попали.

За те бои Большой Джон получил Орден Британской Империи, рядовой Джеймс — медаль Георгия и сержант Пауэр — медаль Британской Империи. Двадцать бойцов батальона были ранены, четырнадцать из них были отправлены в госпиталь. Двое гражданских было убито в тот день. По официальным данным, мятежники выпу-

стили около 1000 патронов из стрелкового оружия и бросили 400 коктейлей Молотова в бойцов британской армии. Нашим батальоном были отловлены и арестованы 70 участников беспорядков. По запискам было выпущено 394 гранаты со слезоточивым газом и 68 патронов. Хотя, я должен признаться, правильной цифрой будет 66, это я списал два патрона, которые потерял до этого.

ЛИГОНΙΑ, БЕЛФАСТ, 1971

В марте 1971 года Белфаст всколыхнуло хладнокровное убийство трех шотландских солдат: двух братьев и их родственника из полка Королевских хайлендских фузилёров³. Младшему из них, фузилёру Джону МакКейгу, было семнадцать (это самый молодой солдат, убитый за время конфликта в Северной Ирландии), его брату Джозефу — восемнадцать и их двоюродному брату Дугалу МакКохою — двадцать три.

Находясь в увольнении, 10 марта они сели в машину, водитель которой пригласил их на вечеринку и предложил туда подвезти. По дороге на вымышленную вечеринку машина остановилась и молодым солдатам дали время, чтобы те сходили по-маленькому. Как только те отошли к обочине, их хладнокровно застрелили, а тела бросили на дороге. Счёт потерь британской армии в Северной Ирландии удвоился и достиг шести человек.

Один из бойцов ИРА, взявший на себя это подлое злодеяние, позже был убит британским солдатом.

ИНТЕРНИРОВАНИЕ. 09.08.1971 Г. БЕЛФАСТ ДЖИМ ФОСТЕР, ГРИНХОВАРДСКИЙ ПОЛК

Всё веселье началось в ту ночь, когда был отдан приказ об интернировании. Наш полк стоял в Ардойне (район Белфаста — прим. пер.), моя рота дислоцировалась на улице Леопольда возле Крамлинского шоссе со стороны улицы Флэкс.

В ночь интернирования я был за рулём бронетранспортёра «Хамбер» с Чаком Берри. Каждому отделению был назначен свой дом для зачистки, в который мы должны были зайти и забрать с собой всех «плохих парней». Чаку достался дом на улице Батлер. Тут я хочу заметить, что он был ростом за сто восемьдесят, тогда как я не дотягивал и до ста семидесяти (в отделении были парни и ещё ниже, например, малыши Джоунсы, наши барабанщики и многие другие), за что нас прозвали йоркширскими гуркхами (непальцы, служащие в британских ВС — прим. пер.)

На улице было уже поздно и темно, хоть глаз коли, и любой, кто вам скажет, что не обосрался в ту ночь, либо с отшибленными мозгами, либо находился на другой планете. Мы прибыли на точку, и Чак приказал: «Выбивай дверь!» Я шлёпнулся наземь, отлетев от двери, как

мячик, и посмотрел с неуверенностью на командира. Кто-то из парней прошептал: «Попробуй за ручку». Так мы и сделали — и, вот сюрприз, дверь открылась! Чак приказал мне осмотреть верхний этаж, и я, тыча во все стороны своей винтовкой, начал подниматься по лестнице. К этому моменту моё очко виртуозно исполняло джаз.

Услышав нас, на верх лестничного пролёта вышла хозяйка с фонарём и сказала, что «он» ушёл.

После этой ночи обстановка начала накаляться. Позже, снова патрулируя в районе Крамлинского шоссе (я всё бэтр), мы увидели, как плохие парни разжигают здоровый костёр на краю дороги между улицами Батлер и Флэкс. Чак приказал мне раскидать этот костёр, пока дерево ещё не занялось. Я втопил педаль в пол, а Чак сказал: «Давайте, братишки, шуранём костёр и свалим отсюда побыстрее, а то мне не хочется поджариться в этом пекле, если бэтр загорится!»

И снова мы ехали про Крамлинскому возле улицы Батлер, всё моё отделение сидело в бэтре. Мы заложили дно «Хамбера» мешками с песком, чтобы при случае они приняли на себя взрывную волну. И нам как раз «повезло» — в ту ночь под нами разорвалась бомба. Мешки с песком выдержали удар, но мы с Чаком не могли вытащить наше оружие через передние люки, а Джонсы в это время носились вокруг бэтра, как безмозглые цыплята. Я говорил раньше, что Джонсы были ниже меня ростом, и задний отсек «Хамбера» был для них как загон для цыплят.

Чак приказал им стрелять, что один из них сразу и сделал. Со стороны улицы Батлер до нас донёсся яростный крик: «С...ки! Детоубийцы!»

Проды стали сами поджигать свои дома в Феррингдон Гарденс в Ардойне, потому что плохие парни-католики пытались выдавить их оттуда. Район за несколько дней стал настоящим Сталинградом! Я по-прежнему возил отделение Чака на его «Хамбере», сам же он был на задании где-то в районе. Вместе с Хьюи Маколей мы сидели в их комнате отдыха, как они сами её называли, на втором этаже в здании автобусной станции. Как я упомянул раньше, проды начали жечь свои дома. Сперва поджигались спальни, а потом они перерубали газовую трубу на первом этаже — зрелище нам было обеспечено! Но сейчас я не об этом. Мы сидели с Хьюи и смотрели, как противотанковый взвод выдвигается по Фаррингдону, используя сады как прикрытие. И вдруг мы увидели вооружённого человека, который целился прямо в них. Мы увидели дым из его ствола, и успели выстрелить патронов по десять, пока тот бежал через дорогу. До него было метров триста, и мы уже видели как он убегаёт, но тут кого-то из взвода послали за ним. Было непонятно, зацепили мы стрелка или нет.

Через минуту к нам прибежал Джо Пикок, командир взвода барабанщиков, которого мы часто возили, и принялся на нас кричать:

- В кого вы там стреляете?
- В плохих парней.
- Отсюда не попасть.

На этих словах в комнату влетела пуля, прожужжав над головой у Джо. Он резко присел и сказал нам «Пригнитесь! А я пошёл...»

Перестрелка продолжалась всю ночь и на следующий день, а потом, кажется, нас сменила десантура, дав нам передышку.

МЕСИВО ИЗ БЭТРОВ. БЕЛФАСТ, 1971 БАРАБАНИК РИЧАРД НЕТАТОН, ГРЕНАДЕРСКИЙ ГВАРДЕЙСКИЙ ПОЛК

Представьте себе отряд быстрого реагирования из шести бронетранспортёров «Хамбер», мчащийся на всех парах по улицам столицы мятежного Ольстера на подавление беспорядков. Представили?

А теперь представьте, что головная машина резко тормозит! О, ве-

лики восклицания братьев-бойцов! И вуаля, все бэтры впиливаются друг в друга, десантные люки, что сзади машины, перекашивает и всячески переколбашивает.

Остаток дня все мы пребывали в шоке.

Спасибо Ира, не устроила никакой засады в том месте, а то не писать мне сейчас для вас этих строчек!

Технический комментарий:

Убэтров «Хамбер» было несколько ужасных недостатков. Броня проби- валась бронебойными, поставляемым ИРА из Америки. В нём было душно. Ездил он медленно, особенно в горку, которых было в изобилии где-нибудь в Ардойне. Наконец, с водительского места был очень ограниченный обзор.

СНАЙПЕР АРМИИ ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА. ЛОНДОНДЕРРИ, 1973 ПРАПОРЩИК ГАЙДН ДЕВИС, КОРОЛЕВСКИЙ ВАЛИЙСКИЙ ПОЛК

Важный элемент снайперской работы в условиях города — это знание обстановки в подконтрольном районе. Кто где живёт, кто куда ходит, кто кем работает, и когда они ходят на работу и возвращаются домой. Молочник, почтальон, прохожие на улице... Всё это формирует общую картину. Важно было следить и за реакцией отдельных людей на наши армейские патрули. Кто-то не обращал внимания. А кто-то прятался по углам или даже пускался наутёк. Некоторые кидали в патруль камнем исподтишка, или перебрасывая его через крышу дома, думая, что никто их не видит.

Я сомневался, что снайперская стрельба ведётся со стороны паба «Богсайд», как это считалось. Этого просто не могло быть в силу того, что возле «Богсайда» не было никакого укрытия, не было путей для скрытного отхода и никаких удобных снайперских позиций. К тому же, местность вокруг гостиницы была слишком людной и хорошо просматривалась. Мне нравились суровые ирландцы, и они были слишком умны, чтобы использовать такое место.

Около шести вечера нашего второго дня на позиции два выстрела были произведены с дальней дистанции, выпущенные пули прошли на пару метров выше головы. Стреляли с конца Креттана, метров с шестисот, или с улицы Кэйбл. Дистанцию я рассчитал по звуку выстрела и силе удара. Ирашники, похоже, пробовали винтовку. Иначе зачем

впустую тратить два патрона, когда вокруг столько бритов.

Где-то через час сквозь прицел винтовки я осматривал верхние этажи домов напротив нас, внимательно глядя в каждое окно. «Богсайд» как-то притих, что было довольно странно для летнего вечера. Сквозь окна паба в нашем направлении смотрело несколько человек, ещё в паре домов были замечены люди с биноклями. Я поменял позицию, укryвшись за другим зубцом стены, и продолжил осмотр местности. На наших глазах подготавливался какой-то злоеший план.

Несколькими минутами позже я заметил девушку, быстро идущую к многоэтажке, стоящей прямо передо мной. На улице было жарко, а девушка была в длинной толстой клетчатой куртке. Походка казалась странной, и я подумал, что под курткой она прячет винтовку. Правая рука была выпрямлена, она явно держала ружьё и каждые пару шагов его поправляла. Девушка была хрупкого телосложения, и это ружьё было для неё непомерно тяжёлым. За несколько ярдов до дома она побежала и, толкнув двустворчатую дверь, скрылась внутри. Всё это время я говорил со Своником (напарник автора — прим. пер.), и мы решили, что он будет наблюдать, а я стрелять, если вскоре начнётся какая-нибудь серьёзная заваруха.

Та девушка вместе с двумя молодыми людьми засветилась в открытом окне, дистанция была 200 метров. Парни были тощими и слишком молодыми для того действия, что, как мы предполагали, готовилось на наших глазах, и, если бы не их возраст, я бы уже настоялся.

Троица исчезла из вида. Я тем временем осматривал в свой телескопический прицел окно за окном на том же этаже. Все восемь окон были открыты, некоторые частично или полностью занавешены. Девушка оказалась в одном окне. Она встала там одна, уже без куртки, и смотрела прямо на наши позиции, а потом повернула голову в темноту комнаты, как будто разговаривая с кем-то. Я подумал, что они ждут, когда появится цель.

Вдруг в стену, за которой мы оборудовали позицию, ударила пуля THV (Tres Haute Vitesse — высокоскоростная монолитная — прим. пер.) Очень близко от нас! Я не заметил, из какого окна стреляли, и продолжил осматривать окна дома. Я был уверен, что должен последовать и второй выстрел.

Тут я увидел девушку, выходящую из двери на первом этаже. На ней опять была куртка и, похоже, она снова несла ружьё. Она встала и принялась глядя в наши позиции. Я взял в перекрестье прицела её грудь, чуть ниже шеи. Я разглядел молодое, красивое лицо девушки, её

волосы были тёмными. Я надавил на курок, но замешкался на долю секунды, поймав её взгляд, направленный на меня. Девушка стояла неподвижно и, как загнанный зверь, испуганно озиралась по сторонам.

Внезапно она рванулась вправо к «Богсайду», а затем побежала по прямой от меня. Я поймал в прицел её спину, снова надавил на курок... лёгкая цель... Но не мог я этого сделать!

Пока девушка бежала, я произвёл два выстрела — один нарочно на метр правее цели, другой — левее. Звук пролетающих на таком расстоянии пуль THV, должно быть, сильно её перепугал.

Я увидел, как она забежала за стену метрах в трёхстах от меня. Девушка, думаю, пребывала в шоке. Молодой лейтенант из фузилёров вызвал пеший патруль, чтобы поймать её, что они и сделали, найдя её за той же стеной и приведя в расположение наших войск. Позже её судили по статье «незаконное ношение оружия».

Что касается меня, то мне казалось, я тогда не выполнил свой воинский долг. Сперва я даже сожалел, что не выстрелил вовремя, тем самым отпустив её и дав ей возможность и дальше стрелять в моих товарищей. О моей репутации снайпера я не думал, а думал о том, что эта девочка не должна была быть целью для солдата, ведь ей тогда было лет семнадцать, если не меньше.

За мой промах меня по полной отчитал командир, но как отец двоих дочерей все его многоминутные словоизлияния я пропускал мимо ушей. Потом последовала долгая пауза — мы стояли лицом к лицу в его кабинете, его высокая фигура нависала надо мной. Он всё твердил мне одно: «Ты промахнулся! Промохнулся! Ты — промахнулся!!!» Я не отвечал, он продолжал сверлить меня взглядом, как будто пытаюсь перехватить и расшифровать мои мысли. После очередной паузы он тихо сказал: «Вали в свою роту и стреляй до ус...ру, косой, блин, снайпер».

Время шло, и я уже не жалел о том, что дал девушке уйти, а даже был рад, что поступил именно так. Но несколько месяцев спустя, когда моего напарника рядового Своника убили под Бэлликинлером и ещё нескольких друзей я потерял в «бандитском графстве» Армахе, я снова стал раздумывать над тем случаем и жалеть, что тогда упустил ту девчонку. Сегодня, спустя вот уже тридцать лет, при совершенно других обстоятельствах и воцарившемся в Ирландии долгожданном мире, я действительно рад за такой исход тех событий. Тогда передо мной была не военная задача, а моральный вопрос. И только сам человек, оказавшийся в подобных обстоятельствах, имеет право делать выбор. За себя.

Та девочка вышла из дома Иви на Богсайте. Если она или кто-то из её тогдашних знакомых сейчас читает этот рассказ, тогда, я уверен, она себя в нём уже узнала. Я надеюсь, что та девочка сегодня растит своих детей в мире и благополучии. Часто я думаю, вспоминает ли она тот августовский день семьдесят третьего года и знает ли она о том, что человек, стрелявший в неё, не промахнулся, а нарочно стрелял мимо, увидев её лицо и девичью фигурку, трёхкратно увеличенные и пережёванные крестом прицела... Но не мог я этого сделать!

БЕЛФАСТ, 1997 ДЖЕЙМС КИРКБИ, ПОЛК ЛЁГКОЙ ПЕХОТЫ

Рядовой Ричардсон погиб в Северной Ирландии в результате спланированного нападения ИРА. Два бронированных лэндровера па-

трулировали улицы, когда до меня дошли сведения, что боевик ИРА поджидает в проходе между домами с РПГ, чтобы уничтожить хвостовую машину (в верхнем отсеке которой находился рядовой Ричардсон). По ходу движения колонны неизвестный гражданский автомобиль вклинился между лэндроверами и специально замедлил ход, чтобы машина, идущая сзади, также сбросила скорость. Это был спланированный манёвр, чтобы боевику ИРА было проще попасть по движущейся цели.

Водитель лэндровера понял, что это ловушка, и попытался избежать опасности, обогнав идущую впереди гражданскую машину, которая увеличила скорость, не позволяя лэндроверу вернуться в полосу движения. Бронированная машина на полном ходу влетела на перекрёстке на «круг» и несколько раз перевернулась, при этом рядовой Ричардсон был зажат в верхнем отсеке. В результате, от многочисленных травм, полученных в результате ударов машины об землю, он скончался.) Находившийся в том же отсеке солдат успел выпрыгнуть из машины, отделавшись лишь ушибом о фонарный столб, стоявший на том перекрёстке.

Приведённая информация должна пролить свет на гибель рядового, которая не может считаться происшествием. Это было спланированное убийство, пусть и изначальный план был иным.

(По официальным документам гибель рядового Ричардсона из третьего батальона лёгкой пехоты проходит как неболевая потеря, последним же британским солдатом, убитым на многострадальной земле Ольстера, считается бомбардир Стивен Ресторик из Королевской артиллерии, убитый на КПП 12-го февраля 1997 г. — прим. пер.)

ПОБЕДА ВОЛЫНЩИКОВ ПРИ НЬЮРИ, 1972 РЯДОВОЙ СТИВЕН БЁРК, ПЕРВЫЙ ПОЛК АРГАЙЛСКИХ И САТЕРЛЕНДСКИХ ГОРЦЕВ

С июля по ноябрь 1972 года я служил с аргайлскими и сатерландскими горами в противотанковом взводе роты поддержки. Дислоцированы мы были в казармах Полка обороны Ольстера в графстве Даун.

Однажды, когда я стоял в карауле, возле центральных ворот в часть стала собираться большая агрессивная толпа. Я понятия не имею, из-за чего закрутился весь сыр-бор, но они без умолку повторяли какой-то лозунг, как мантру, и с грохотом ломались в металлические ворота. События могли принять серьёзный оборот каждую минуту, и я уже ждал, что меня отправят наружу разгонять эту толпу. Но наш командир майор Дэвид Томсон, кавалер «Военного Креста» (позже он дошёл до генерала), был очень сметливым офицером и, вместо того, чтобы отправить нас на разгон, он просто позвал к воротам наших волынщиков! Волынки заиграли знакомые всем с детства мелодии, и буквально на глазах разъярённые мгновением раньше люди запели песни и пустились в пляс.

Так была решена, казалось, разрешаемая только насилием ситуация. Я всегда восхищался майором Томсоном за его творческий, нестандартный подход к трудным ситуациям, который и позволил нашему полку установить дружественные связи с местным населением. <ИВ>

<http://www.militaryphotos.net/forums/showthread.php?t=42441>, <http://www.militaryphotos.net/forums/showthread.php?t=38545>, <http://cain.ulst.ac.uk/melaugh/gallery.htm>

1. Англ. Prod — протестант
2. Tommy от Tommy Atkins (уменьш. от Thomas), английский солдат; в военном уставе XIX в. солдат условно именовался Thomas Atkins
3. Фузилёр — солдат, вооружённый фузеей (кремнёвое гладкоствольное ружьё, заменившее мушкет), XVIII в. В Британской армии сохранено множество исторических наименований полков: драгунские, гусарские, уланские, фузилёрские и один Гвардейский гренадерский. Схожие традиции хранят и армии Королевств Содружества, Верховной главнокомандующей и Главной государств которых является Её Величество Королева Елизавета II.

Виктор
ПРИТУЛА

http://artofwar.ru/p/pritula_w_i/

ПОЛЯ СМЕРТИ

Родился в 1947 г. в г. Тбилиси. В 1974 году окончил факультет журналистики МГУ. Затем работал в Гостелерадио СССР (программа «Время»). В 1980-81 годах был собкором Гостелерадио СССР в Народной Республике Кампучия. Ушел с телевидения не «по собственному желанию». Работал в нескольких центральных газетах. В качестве спецкора побывал в ряде «горячих точек» нашей планеты. Эта публикация - фрагмент большой мемуарной книги «Пол Пот. Роман с судьбой», над которой автор продолжает работу. Журналист-международник, которому по воле судьбы довелось побывать в нескольких «горячих точках». Камбоджа (Кампучия) была его первой заграничной командировкой.

После того как шеф отдела печати МИД НРК дал добро на нашу деятельность в Пномпене, фортуна повернулась к нам лицом.

Мы начали снимать телерепортажи. Делать это было с одной стороны просто, но с другой — всякий раз приходилось открывать Америку.

В нас было много честолюбивых помыслов, но никакого жизненного опыта. Пашка работал ассистентом оператора, пусть даже у такого «профи» как Веня Черников, но он мог только отслеживать почерк мэтра. Здесь же ему предстояло обрести собственный почерк. А мне — свой.

Мы обретали его по ходу жизни. Мы были талантливыми парнями. Каждый по-своему.

Паша снимал «гениальную картинку», которую я не видел. Я сочинял, а потом озвучивал неестественно гнусным голосом, в отличие от естественно мачоподобного голоса Сергея Чонишвили, свой «гениальный текст». Но я же не артист.

Что же до нашей гениальности, то в ней у нас сомнений не было. Возможно, у телезрителей и нашего руководства на это счёт имелось иное мнение, но до Москвы было далеко, а до Бога высоко! Люди, назвавшие в Пномпень, говорили, что наши репортажи показывают в Москве регулярно. Для нас этот факт был важнее звания Героя Советского Союза. Нас показывают в программе «Время» и в выпусках «Международной панорамы», куда для многих зарубежных корреспондентов доступ был резко ограничен. А тут практически стажёры, десантированные в страну черепов и тотального злодейства, взялись за

работу с такой прытью, которой от нас никто не ожидал.

Мы попали в эпицентр человеческой боли, и при всём нашем «наивно супер» прекрасно осознавали, что живём в необычной стране, где на каждом шагу разверстые могилы и пирамиды из черепов.

Мы снимали сиротские дома, где сердце обливалось болью за этих безмолвных и так рано повзрослевших подранков! Сиротские дома в сердце буддийской Азии, где культ детства едва ли не превосходит культ Будды...

В этой стране и в этом городе всё воспринималось, как раскрытая кровоточащая и пугающая рана.

Возможно, это прозвучит кощунственно, но нам необыкновенно повезло. Каждый сюжет, как откровение. Мы открывали для себя и для мира Кампучию-Камбоджу, страну, пережившую три нулевых года.

Мы перестали обращать внимание на трудности быта.

Привыкли к тому, что пот струился по нашим телам 16 часов в сутки. И только скудные семь-шесть часов сна в комнате с дышащим на ладан кондиционером были временем релаксации.

Мы были молоды, амбициозны.

Мы были готовы работать от рассвета до заката.

Но где сегодня отснятые Пашкой километры киноплёнки?

Где все эти сюжеты, которые сделали нас тогда известными? Героями на час!

Говорят, газета живёт один день. А сколько живёт сюжет в программе «Время»? Те полторы-две минуты, пока он идёт в эфире? Пять минут в «Международной панораме»?

Весь мой архив однажды пропал. Пропали эфирные тексты, газетные и журнальные публикации посткампучийского периода. Но если печатное слово можно раскопать в библиотеках, то закадровые тексты к телерепортажам из Кампучии оказались безвозвратно утеряны.

Как мне восстановить тот период кампучийской жизни?

Сегодня я пытаюсь делать это по памяти, но ведь прошло почти тридцать лет.

В 1981 году многое из того времени ещё жило в памяти, мне удалось отразить в паре-тройке очерков в журнале «Вокруг света».

Сегодня я вижу в них неизбежную дань идеологии, которая пронизывала даже такие издания, как журнал путешествий. Но в те времена мне казалось, что я совершаю нечто важное. Потому что одно дело писать закадровый комментарий к телевизионным сюжетам, в котором главное — всё же, картинка, и совсем иное — описать то же самое, опираясь лишь на запечатлённое памятью.

Приведу небольшой отрывок из зарисовки, опубликованной в начале 80-х в одной из московских газет.

«Никогда я не видел столько неразорвавшихся мин и снарядов. Первая мина, найденная в рисовом поле месяца через три после приезда в Кампучию, бросила в дрожь, но мне объяснили, что такие мины обычно уже обезврежены. Разве что когда крестьяне выжидают стерню

прошлого урожая, разнесётся в знойном воздухе страшное эхо войны. Эта смертоносная железка тоже была без взрывателя.

Как-то ночью, сразу же по приезде в Пномпень, мне приснилась дорога с мёртвыми деревьями по обочинам. Дорога казалась бесконечной. А утром мы поехали в Прейвэнг, и деревья вдоль дороги были действительно мертвы. Их подпилили у основания,

— Они убили деревья, потому что боялись, — сказал тогда наш кхмерский куратор, переводчик и гид Сомарин.

Содянное полпотовцами казалось нелепостью, но они действительно боялись. В тот последний год они боялись всего. Народа, который предали; тишины, готовой в любой момент взорваться выстрелами патриотов; деревьев, которые могли укрыть повстанцев... Даже в Пномпене, из которого выселили всех жителей, главари режима не чувствовали себя в безопасности. Они почти никогда не жили в правительственной резиденции Чанкормон, а Пол Пот и вовсе не показывался на людях. Никто не знал, где живет этот верховный палач, искавший истину в неумном садизме. И сегодня неизвестно, где скрывается этот убийца, приговоренный за свои преступления народно-революционным трибуналом НРК к смертной казни. У въезда в бывший город Кампонгспы, когда-то единственный крупный населенный пункт по дороге в морской порт Кампонгсаом, тишина была такой же тяжелой, как и по пути в Прейвэнг. По разбитому мосту через речку Тноут мы проехать не могли и, оставив машину, пошли по дороге, некогда оживленной, но сейчас абсолютно безжизненной.

Мы стояли посреди главной улицы. Она была самая длинная и самая широкая в этом бывшем городе. И главное — еще не успела зараст травой. Все другие улицы города были улицами уже перестали.

— Почему люди не вернулись в Кампонгспы? — спросил я Сомарина.

— Думаю, некому сюда было возвращаться, — сказал он, — да и некуда...

Наполовину развороченный трехэтажный дом стоял, словно разрезанный тупым ножом коврига. Он уже пророс деревьями, которые торчали отовсюду. Другой дом зиял пустыми глазницами окон, у третьего провалилась крыша. Во дворах — изъеденные ржавчиной остовы автомобилей, водопроводные краны, из которых уже никогда не потечет вода, высохшие колодцы, засыпанные палой листвой...

Сегодня я вижу массу несуразностей в этом тексте. Во-первых, зачем «красным кхмерам» было пилить деревья вдоль дороги? Скорее, это могли сделать бойцы ВНА, чтобы колонны бронетехники не нарывались на засаду. Во-вторых, мне до сих пор не ясна трагедия провинциального центра Кампонгспы. Армия Пол Пота не жила в городах. По своей сути это была крестьянская армия, для которой всё городское было чуждо.

Я уже не могу с уверенностью утверждать, что именно «красные кхмеры» умышленно разрушили Кампонгспы. Если они бежали из Пномпеня, оставив повстанцам и регулярным бронетанковым подразделениям ВНА столицу на блюде, то какой смысл был удерживать провинциальный центр, который к тому же находился чуть в стороне от дороги № 4, связывающей Пномпень с портом Кампонгсаом.

Ведь знал же я в 1982 году, когда этот текст был опубликован, что уничтожение Кампонгспы полпотовцами — факт более чем сомнительный.

Скажем, в первые два месяца нашего пребывания в Пномпене я не задавался такими вопросами. Всё, что преподносили кхмерские товарищи, воспринималось нами как данность. Но потом я начал во многом сомневаться. Я начинал догадываться, что страшные разрушения, которым подверглись провинциальные центры Прейвэнг, Свайриенг и Кампонгспы — результат карательных рейдов правительственных войск генерала Лон Нола против «красных кхмеров», итоги печально знаменитой операции «Ченла-II», после которой Лон Нол понял, что его «Республика Кхмер» не проживёт и нескольких месяцев. А ужасные разрушения в пограничных с Вьетнамом провинциях в так называемом «Клюве попугая», практически снесенные города Прейвэнг и Свайриенг — дело американской авиации, совершавшей ковровые бомбардировки Камбоджи.

«Многие знания — многие печали». Поначалу печали у нас не было, равно как и знаний. Был один кураж дорвавшихся до творчества дилетантов. Мы всё списывали на злодеяния «красных кхмеров». Так было проще жить! Так нам объясняли ситуацию Сомарин и другие товарищи из местных народно-революционных комитетов. И эти объяснения нас вполне устраивали. А потом мы тиражировали «ложь во спасение».

Мы делали это не со злого умысла и даже не по неведению. Мы были «героями своего времени» и жили по матрицам того времени. А матрица для нашей журналистской работы была проста: «все злодеяния в Кампучии — дело рук Пол Пота и его преступной клики».

Из песни слов не выкинешь. Написанные уже в Москве кампучийские очерки и зарисовки — мои! Я не отрекаюсь от них. И не стану говорить о том, что всё это — плоды тогдашних заблуждений. Как раз заблуждений у меня на этот счёт через пару месяцев работы не было.

В памяти сохранились разные воспоминания из моей камбоджийской одиссеи. Например, первая встреча с массовыми захоронениями.

Случилось это в августе 1980 года. Жара стояла такая, что мозги плавились. Ук Сомарин, молодой чиновник отдела печати МИД НРК, курировавший нашу с Трубиным работу, привёз очередное приглашение. Вместе с группой западных журналистов для полноты политической палитры нас приглашали посетить место массовых захоронений в соседней с Пномпенем провинции Кампонгспы.

От приглашений из отдела печати МИД, облагодетельствовавшего нас недавно жильём и транспортом, мы никогда не отказывались. А тут — увидеть воочию свидетельство геноцида...

Разумеется, мы согласились. Разумеется, восторг обуял нас, потому что мы первыми должны были увидеть то, о чём только слышали.

Фильм «Поля смерти» вышел позднее и для показа в СССР был запрещён. Почему? — спросите вы.

Главный герой сказал, что вьетнамцы, загнавшие полпотовцев в джунгли, принесли в страну не свободу, а фашизм.

Обвинение — тяжкое!

Но в те годы и мы, и вьетнамцы именовались западной прессой «окупантами».

Мы начали вязнуть в Афгане, вьетнамцы — в Кампучии.

Правда, в отличие от наших идеологов, ханойские пропагандисты действовали тоньше. Не знаю, может быть, кто-то из них был очарован знаменитым полотном Верещагина «Апофеоз войны», но пирамиды из человеческих черепов среди тропических зарослей возводить они умели с необыкновенной художественной фантазией.

Мы приехали в местечко Пимро, где когда-то располагался агрономический колледж. Тишина вокруг была такая, что стрёкот цикад резал уши. Несколько кхмерских товарищей из отдела печати. Несколько неизвестных товарищей из спецслужб Народной Кампучии. Наверняка, были и одетые в гражданское платье ханойские товарищи. Англичанка, два австралийца, три француза, немец, три канадских журналиста и мы с Павлом. Бредём, обливаясь потом, по заросшему высокой травой бывшему школьному двору. Мрачная коробка когда-то жизнерадостного учебного заведения. Пол, покрытый пятнами коричневого цвета, над которым на пятнадцатисантиметровой высоте идут вмонтированные в стены металлические брусья. На некоторых остались ножные кандалы, на них всё та же ржа запёкшейся крови. Коллеги щёлкают затворами фотокамер. Павлик примеряется к бьющим в проемы окон лучам солнца. Эта огромная комната, ставшая массовой камерой смертников, хранит полумрак и ауру злодейства. Мы выходим во двор и дальше по тропинке направляемся к месту «недавно обнаруженного массового захоронения», как объясняют наши гиды на французском и английском языках. Первые человеческие черепа, сложены в аккуратные кучки по пять штук в каждой. Рядом живописно разложенные берцовые кости. На красноватом латерите, из которого состоит местная почва, белые, иссушенные солнцем и омытые тропическими ливнями человеческие кости — зрелище, боющее по нервам своей беспощадностью. В разлитой тишине звон цикад превращается в скрипучую симфонию смерти, словно кто-то беспрестанно повторяет как заклинание — «Мemento мори!» Идём дальше под стремительно темнеющим небом.

Наши гиды поторапливают, тревожно глядявываясь в надвигающийся тропический ливень. До главного зрелища метров сто. Но вокруг только огромное поле смерти с развёрстными могилами. Их много — десятки, а может сотни.

Вот перед нами вырастает зелёная стена из увитого лианами бамбука, за которым выложена самая изощренная пирамида из черепов. По сравнению с ней зловещий холм, составленный тамерлановым воинством и почти фотографически прописанный на верещагинском полотне кажется маленьким буторком. Прямо перед этой страшной рукотворной горой — огромная яма с булькающей гнилой водой зеленоватого оттенка. Смерд ужасный. Кого-то из группы выгашнивает. Павлик близок к обморочному состоянию. Я чувствую, что начинаю сходить с ума.

— Пашка! — кричу я оператору, что неуместно в этой обстановке. — Снимаю геноцид! Вот он! Вот!

Показываю ему на не весть кем брошенную на эту пирамиду смерти детскую соску и мужскую расчёску.

Право, не знаю, кто это сделал. Но такой наглядной пропаганды я больше не встречал нигде и никогда. Снимает Павел, снимают все остальные. И в этот момент с небес на нас обрушиваются потоки дождя. Трубин закрывает своим могучим торсом кинокамеру.

— Шеф, срочно беги к машине за плёнкой, иначе останемся без камеры.

Делать нечего. Я бреду под окружающей меня со всех сторон водой наискосок через поле к стоящей на дороге у въезда в бывший колледж нашей канареечной «Ладе». Неожиданно проваливаюсь под землю. Понимаю, что свалился в могилу. Пытаюсь выбраться из нее. Рука упирается во что-то скользкое и округлое. Боже мой! В руке у меня череп. Крик застывает в глотке.

Армия Пол Пота не жила в городах. По своей сути это была крестьянская армия, для которой всё городское было чуждо.

Я не знаю, как выбрался из этой ямы. Как заставил себя дойти до машины и взять в багажнике рулон полиэтиленовой плёнки. Не знаю, как шёл обратно к зелёным зарослям, за которыми скрывалась пирамида смерти.

Когда я пришёл с плёнкой к сбившейся кучке журналистов и наших гидов, ливень прекратился так же внезапно, как начался. От моих джинсов и рубашки повалил пар. Я отдал плёнку Павлику и молча побрёл по начинающей тут же просыхать тропинке в обратный путь.

Я был сыт по горло зрелищем выставленной напоказ смерти. Этому умело срежиссированному и смонтированному гениальными декораторами перформансу. Его еще долгое время будут показывать доверчивым или циничным журналистам, для которых это всего лишь удачный объект съемки, за которую им отвалят кучу денег. Этот рукотворный апофеоз человеческой жестокости. Такой вот геноцид, твою мать!

Мы вернулись в Пномпень ближе к вечеру, и всю дорогу я молчал. В городе кто-то из посольских сказал, что в Москве умер Владимир Высоцкий. В магазине для дипломатов я купил три бутылки джина. Напиток был тот ещё. С мутным осадком на дне. Видать, остался со времен падения лонноловского режима. Мне, впрочем, было всё равно. Пашка поставил кассету с «Банькой по-чёрному» и мы пили этот сомнительный джин прямо из горлышка. Не умерли, однако. Джин был хоть и просроченный, но не суррогатный. Вот так мы тогда работали. <ИВ>

Геннадий ШЕЛОМЫТОВ

ВСЕ СЧИТАЛИ, ЧТО ТАКОГО НЕ МОГЛО БЫТЬ НИКОГДА

Родился 09.03.1940 г. в Кронштадте.

В 1960 г. окончил Прибалтийское военно-техническое училище Войск ПВО страны. Проходил службу в 4-й Отдельной армии Войск ПВО командиром взвода стартовой батареи, затем командиром стартовой батареи 260-го ЗРП Брянского корпуса МО (Московского округа — прим. ред.) ПВО.

С марта 1966 по апрель 1967 гг. в составе этого полка участвовал в боевых действиях во Вьетнаме. В 1972 г. окончил Военную артиллерийскую академию им. Дзержинского в Москве и продолжал службу в наземном измерительном пункте командного измерительного комплекса в г. Якутске. С 1976 по 1990 гг. ведущий инженер военной приёмки в НИИ Радиосвязи. Награжден орденом «Красной Звезды» и 14 медалями, в т.ч. вьетнамской медалью Дружбы.

Наш 260-й зенитно-ракетный полк МО ПВО прибыл во Вьетнам из города Брянска в марте 1966 г., т.е. спустя восемь месяцев после первого применения ЗРК для защиты территории ДРВ. До этого американцы осуществляли налеты на больших высотах днем и ночью в любую погоду. Первые боевые стрельбы зенитными ракетами стали для американских летчиков полной неожиданностью. Ракеты прижали их ближе к земле, но к моменту нашего прибытия они тоже научились воевать:

1. Стали летать на низких высотах и только в светлое время суток, в солнечную погоду, держась ближе к горным массивам, чтобы после пуска ракет успеть скрыться за ними. Это значительно усложняло стрельбу, т.к. ЗРК С-75 не был рассчитан для стрельбы по низколетящим целям, хотя и был в процессе применения во Вьетнаме доработан для такой стрельбы.

2. На самолетах установили сигнализацию, предупреждающую летчика о попадании в зону облучения СНР и о работе радиопередатчика команд

(РПК) после пуска ракеты.

3. Стали широко применять самонаводящиеся ракеты «Шрайк» — летящие на максимум радиоизлучения, т.е. на антенну передатчика СНР, который, как правило, находится в центре позиции ЗРК.

4. Стали применять шариковые бомбы, предназначенные для массового поражения личного состава.

5. Наряду с применением обычных фугасных бомб, широко применяли неуправляемые ракеты «Булпаб».

6. В случае обнаружения позиции ЗРК летчики имели право вместо выполнения своего полетного задания наносить воздушные удары по зенитно-ракетному дивизиону.

Задача советских военных специалистов (так нас тогда называли) состояла в том, чтобы обучить личный состав 274-го зенитно-ракетного полка ВНА самостоятельно отражать налеты американских самолетов на территорию Северного Вьетнама. Полк был только что сформирован. Командиром полка был назначен майор Нунг. Он успешно закончил Военную академию связи в Ленинграде и хорошо говорил по-русски.

Прибыв во Вьетнам, мы в течение двух месяцев проводили занятия и обучали вьетнамские расчеты работе на материальной части. К этому времени прибыла боевая техника из Союза, и мы развернули ее для ведения боевых действий.

Позиции не были оборудованы в инженерном отношении, поэтому нам приходилось разворачивать технику для ведения боевых действий в основном на участках между рисовыми полями, у окраин деревень и поселков, иногда прямо на остатках фундаментов разрушенных бомбежками домов. Зачастую мы не имели возможности развернуть все шесть пусковых установок — места хватало лишь на 3-4 установки.

В течение месяца мы сами сидели за пультами, а вьетнамцы, находясь рядом и наблюдая за нашими действиями, набирались опыта ведения боевых стрельб. Потом они пересели за пульта, а мы стояли у них за спиной, контролируя их действия. Это продолжалось 3-4 месяца. По мере приобретения вьетнамцами боевого опыта, наши военные специалисты небольшими группами отправлялись домой. В конце в полку оставалась небольшая группа главного инженера майора А.Я. Петрова в составе 11 человек, в которую входили специалисты по всем системам. Они устраняли возникшие неисправности, проводили настройку и проверку систем после смены позиции. Мы все время жили на колесах. Позиции менялись очень часто — после каждой боевой стрельбы. Позиции, обнаруженные американскими летчиками, на следующий день, а иногда буквально через пару часов обязательно подвергались массированным бомбежкам. Поэтому оставаться на прежней позиции было очень опасно.

Наш ЗРДн под командованием майора И.В. Володина первым в полку принял боевое крещение.

Произошло это в мае 1966 г., когда мы развернулись на боевой позиции на подступах к Ханю, прикрывая его от воздушного нападения. По условиям местности мы смогли развернуть только три пусковые

установки.

Налет начался после обеда. Погода была солнечная, сухая, видимость отличная. Операторы своевременно обнаружили на экранах низколетящие цели. После вхождения их в зону пуска был дан старт двумя ракетами. Стрельба происходила недалеко от горной гряды и американские летчики, совершив противоракетный маневр, успели уйти за эту гряду. Мы потеряли две ракеты.

После старта ракет образовался столб пыли высотой 25-30 м, а для летчиков — это отличный ориентир для прицельного бомбометания. И вот на этот ориентир бросились три самолета. Второй самолет сбросил 5 фугасных бомб. Первый самолет, вероятно, корректировал бомбометание своих ведомых. Первая бомба попала точно в столб пыли. Образовалась воронка глубиной 7-8 м, диаметром около 15 м. Остальные бомбы легли так, что образовалась продольная воронка общей протяженностью 75 м. В воздух была выброшена огромная масса земли, которая посыпалась на нас сверху. Вид был такой, как когда-то я видел в кино: показывали мирный взрыв для возведения плотины гидроэлектростанции.

В это время со станции наведения дали команду подвезти и зарядить новые ракеты. Из кабин станции не видно, что происходит на улице, а здесь вместо дороги образовался огромный овраг глубиной более семи метров. Чтобы подвезти и зарядить ракеты, нужно было заново прокладывать подъездную дорогу.

Нам еще повезло, что дул ветер и успел снести столб пыли после старта ракет метров на 50 в сторону от позиции к моменту, когда его засекли летчики. Если бы погода была безветренной, то от нас и от материальной части не осталось бы ничего.

На одной из ПУ появилась неисправность. Устранять ее пришлось в напряженной обстановке. Существовала угроза повторения только что увиденного — пока светло, самолеты в любой момент могли вернуться и повторить бомбежку. К счастью, этого не произошло.

Осмотрев воронки от бомб и осознав все произошедшее, мы задумались о том, что смерть ходит рядом с нами и что вероятнее всего она может настигнуть нас после пусков ракет, когда мы, демаскировав себя, становимся реальной и очень привлекательной целью для летчиков.

Через три часа на позицию приехал командир нашего полка подполковник В.В. Федоров. Осмотрев разбомбленную позицию, он сказал, что мы родились в рубашке.

Во Вьетнаме после захода солнца очень быстро темнеет. Это было нам на руку — мы перевели технику в походное положение, снялись и той же ночью переехали на новую позицию. В последующем после каждой стрельбы мы обязательно меняли боевую позицию.

В дальнейшем боевые стрельбы стали для нас — военных людей — просто повседневной работой. Пришлось ощутить нам на себе и

применение американскими летчиками самонаводящихся ракет типа «Шрайк», как осколочных, так и шариковых.

В дивизионе под командованием майора С.Т. Воробьева, после пуска ракеты по цели оператор ручного сопровождения В.К. Мельничук увидел на экране «всплеск» цели и отделившуюся от нее движущуюся отметку. Он немедленно доложил командиру:

— Вижу «Шрайк»! Идет курсом на нас!

Пока через переводчика решали с вьетнамским командованием вопрос о снятии излучения с антенны, «Шрайк» уже подлетал к СНР. Тогда офицер наведения лейтенант Вадим Щербаков сам принял решение и переключил излучение с антенны на эквивалент. Через 5 секунд раздался взрыв. В кабине «П», на которой находится передающая антенна, взрывом выбило дверь и осколком был убит вьетнамский оператор. Стоящие рядом с кабиной деревья осколками «Шрайка» срезало как пилой, а от палатки, в которой перед стрельбой находился личный состав батареи, остались лоскуты размером с носовой платок. Нашим военным повезло — все остались живы.

В том случае, если взрывался «Шрайк» начиненный шариками, они, разлетаясь по стартовой позиции, попадали в ракеты, находящиеся на пусковых. Боевая часть ракеты весом 200 кг взрывалась вместе с окислителем и горючим. От взрыва детонировали и взрывались ракеты на других ПУ. Всё металлическое превращалось в искореженные, дырявые меха от гармошки. Воспламенялось и горело высокотоксичное ракетное топливо. Ощущение и зрелище, скажу я вам, не из приятных.

Мы научились бороться со «Шрайком»: при обнаружении «Шрайка» и включенном излучении отводили антенну кабины «П» в сторону или вверх. «Шрайк», следуя за максимумом излучения, тоже поворачивал в сторону или вверх. Затем мгновенно снимали излучение с антенны передатчика СНР, и «Шрайк» терял сигнал для самонаведения на цель. Его рули стопорились запоминающим устройством, и далее он продолжал полет, как обычный НУРС, падая в 1,5-2 км в стороне от позиции или на таком же расстоянии за позицией. При этом, сохраняя дивизион, приходилось жертвовать уже выпущенными ракетами. Так мы учились сами и учили вьетнамцев воевать с реальным и сильным противником.

Ощутили мы также, что такое шариковые бомбы. Однажды во время налета, на дом, где мы жили, был сброшен контейнер с шариковыми бомбами. Он взорвался на высоте 500 метров от земли. Из него разлетелось 300 «шариков-мам» и стали падать на крышу дома и на землю вокруг него. От удара при падении они с задержкой взрывались и сотни шариков-дробинок диаметром 3-4 мм разлетались во все стороны. Все, кто находился в доме, легли на пол. Взрывы шариков продолжались на протяжении нескольких минут. Дробинки влетали в окна, впивались в стены и потолки. Шарик взорвавшийся на крыше дома никого не смогли

поразить, так как дом был двухэтажный. Те, кто оказался на улице, успели спрятаться за колоннами и невысокой стенкой галереи. Бачок с питьевой водой, стоявший перед колонной, превратился в душлаг и из него во все стороны струйками лилась прозрачная вода. У 24-летнего лейтенанта Николая Бакулина, оказавшегося во время бомбежки на улице, после этого появилась седая прядь.

Одна половина раскрывшегося контейнера-бомбы длиной 2100 мм и диаметром 300 мм воткнулась в землю перед входной дверью дома, выпуклой стороной к нам. Когда все стихло, мы стали выходить на улицу, а увидев контейнер, бросились обратно в дом, приняв его за невзорвавшуюся бомбу.

Поняв, что бомба пустая, решили шутки ради положить ее под одеяло на постель командиру дивизиона. Командир с позиции видел, как бомбили дом с его подчиненными и подумал, что многие могли погибнуть. Но на наше счастье, все закончилось благополучно, и когда командир подъезжал к дому с позиции, мы встретили его песней под аккордеон: «А помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела...» Обнаружив сюрприз под одеялом, командир смеялся вместе с нами.

После одного из таких налетов один из наших офицеров — Саша Гусев — написал нашу боевую песню на мотив известной песни «На безымянной высоте» из кинофильма «Тишина»:

**Чертил в небе след ракет
Который раз уже подфя.
Кто хоть однажды видел это,
Как F-105-е бомбят.
Воронки, словно котлованы,
И видно было, неспроста
Стояли мы среди развалин
У Тхайнгуенского моста.**

**Удары «Шрайка» испытали.
Шрапнель рвалась над головой.
Но лишь дружить мы крепче стали.
Нет крепче дружбы боевой.
Нет крепче дружбы той солдатской.
Что закалялась, словно сталь.
В борьбе с ордой американской
У Тхайнгуенского моста.**

**Плечом к плечу с вьетнамским другом.
Стояли мы на том пути.
Он называл меня «Товарищ».
Я называл его «Дом ти».
И были в этой дружбе братской —
Залог победы и мечта.
Ковали славу части Брянской
У Тхайнгуенского моста.**

В словах этой песни все сказано. Эта песня стала нашим полковым гимном. Она сопровождала нас повсюду и звучала при всех переездах и на встречах с боевыми друзьями из других дивизионов полка.

В это время массированные налеты американских самолетов на важные стратегические объекты Северного Вьетнама стали проводиться под прикрытием радиопомех, которые ставили, специально переоборудованные для этого самолеты-постановщики помех, тяжелые стратегические бомбардировщики типа В-47 и В-52. Барражируя вдоль границы Вьетнама с Лаосом и Камбоджей, такой самолет, ставя помехи, мешал нашим станциям наведения ракет обнаруживать цели. В этих условиях американские самолеты могли выполнять свои полетные задания безнаказанно.

Для того, чтобы сорвать тактические планы американцев, необходимо было уничтожить самолет-постановщик помех. Для этого осенью 1966 г. в составе одного из дивизионов полка мы выезжали «в засаду» на юго-запад к границе с Лаосом, чтобы встретить этот самолет там, где он нас не ждал. Передвигались скрытно, ночью, с выключенными фарами, чтобы нас не могли обнаружить. Совершив трудный марш в несколько сотен километров по разбитым бомбами горным дорогам, мы развернули свой зенитно-ракетный дивизион в джунглях. Тщательно замаскировали технику и стали ждать.

В один из дней появился постановщик помех — самолет RB-47 в сопровождении 10 истребителей-бомбардировщиков F-105 и палубных штурмовиков A-4D. Самолет RB-47 начинен всевозможной радиоаппаратурой, с экипажем около 15 человек стоил очень дорого, поэтому так тщательно охранялся. Они никак не ожидали встречи с нами на дальних подступах.

Операторы СНР произвели захват самолета RB-47, затем был произведен пуск очередью из 3-х ракет. Цель была уничтожена. На наше счастье в суматохе боя боевое охранение нас не обнаружило и отбомбилось на заранее оборудованную нами ложную стартовую позицию. Она была своевременно и в достаточной степени размаскирована, чтобы пилоты боевого охранения приняли ее за настоящую. Когда стемнело, мы благополучно свернули технику, перевели ее в походное положение и двинулись в обратный путь.

В то самое время, когда мы уничтожили самолет-постановщик помех, продолжался массированный налет в районе Ханоя на стратегические объекты в других районах ДРВ. Американские летчики считали, что все идет по их плану и они в полной безопасности могут, не боясь зенитных ракет, безнаказанно совершать свои полеты.

И здесь, оставшись без прикрытия, они здорово просчитались: зенитно-ракетные дивизионы активно поработали и сбили в тот день более десяти американских самолетов. После таких потерь и траурных церемоний у американских летчиков несколько дней длилась вынужденная боевая пауза.

Мы же, совершив трудный марш обратно, развернулись на новой стартовой позиции для ведения боевых действий.

Вот так мы, тогда 20-25-летние лейтенанты и еще более молодые солдаты и сержанты срочной службы, мужая и набираясь боевого опыта, воевали сами и учили воевать вьетнамских ракетчиков, чтобы они в любой ситуации умели побеждать противника.

Постепенно мы становились обычными рабочими войны. Даже в очень трудных и сложных ситуациях мы шутили, сочиняли и пели песни и не думали о том, что могли не вернуться живыми домой, где нас ждали родные и близкие. В то время они ничего толком не знали о том, где мы находимся, а моя мать только догадывалась. Перед отъездом во Вьетнам нас строго предупредили, что это очень секретная миссия и довольно длительное время все считали, что такого не могло быть никогда. Но все это было на самом деле.

Наш 260-й зенитно-ракетный полк МО ПВО, дислоцированный в Брянске, единственный полк из всего Советского Союза, был направлен во Вьетнам в полном составе. За период выполнения специального правительственного задания во Вьетнаме полк выполнил 43 боевые стрельбы и сбил 25 американских самолетов. Все остальные боевые расчеты полков (учебных центров) формировались из сборного состава — по несколько человек из разных полков и округов Войск ПВО с территории всего Союза, в течение всего периода войны во Вьетнаме.

Лично для меня — командира стартовой батареи 260 ЗРП — спецкомандировка во Вьетнам закончилась в апреле 1966 г., когда в 274 ЗРП ВНА нас сменила новая группа СВБ из 11 человек, чтобы продолжить нашу работу. <И>

Москва, июль 1977 г.

Антон БЛАЖКО

Участвовал: Чечня
Род войск: МВД

http://artofwar.ru/b/blazhko_a_w/

Родился 14.02.1970 в г. Владикавказе (тогда Орджоникидзе). После I курса был призван в СА, старший сержант, замкомвзвода. В 1994 г. окончил с отличием исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Прослужил 11 лет в милиции. В Чечню ездил в составе сводных отрядов (2001–2002 гг.). Уволился в 2005 г., майор милиции запаса.

ЧЕЧЕНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Город Грозный в декабре...
Снег припорошил руины.
Встречный ветер на лице
Режет ранние морщины.

Под «романовским» мостом
Вязнут в месиве колеса.
Вывози, родной «Газон»,
Из владения безносой!

Поплясал дракон войны
Округ площади Минутка.
Даже старые бойцы
Оборвали прибаутки...

Пусть Аллах всегда акбар,
Правят нами воеводы.
Отглянись назад, Джохар:
Вот она, твоя свобода.

...К ночи кончилась крупа,
Гнется серпик новолуныя.
Позади остался ад.
Грозный — памятник безумью.

декабрь 2001,
Грозный—Урус-Мартан

Прошлое день ото дня
Дальше и дальше уходит.
Снова приснилась Чечня,
Снова вернулся в те годы.

Грозный—Аргун—Гудермес,
Урус—Мартан ваххабитский.
Трасса, Самашкинский лес,
Полузабытые лица.

Снежные пики вдали.
Ржавая пыль над дорогой.
Солнце, снега и дожди.
Да захолустья убогость.

Жженая дважды войной.
Эта земля, мне казалось,
Прифронтовой полосой
Так навсегда и осталась.

Крепости—блоки, посты.
Перемещение конвоев,
Мины, «колочка», «ежи» —
Нынче, слышал, все иное:

Грозного центр не узнать.
Ретушью серых развалин
В ряд декораций парад.
Отдана власть местным кланам.

Было — как будто вчера,
Но холодны воды Леты...
Только что снилась Чечня.
Снова не спать до рассвета.

март 2007, Санкт-Петербург

Вечная память — что вечная слава,
Вечного нету на брэнной земли.
Плохо, начальники, стыдно, держава:
Снова кого-то сберечь не смогли.

Долг для служивого выше любовей,
Тверже престижа, дороже семьи.
И от отчизны за верность сыновью
Веточка хвои у черной доски.

Павшим в боях Бог дарует прощенье,
Вражеской нет для него стороны.
Танют в лазореве легкие тени
Славных детей недостойной страны.

декабрь 2001, Урус-Мартан

...

...

Валерий ЖУКИН

Родился в 1953 году в поселке Саракташ Саракташского района Оренбургской области. Кадровый военный. Выпускник 1973 года Краснодарского Высшего военного училища имени генерала армии Штеменко. В 1992 году окончил военную академию имени Ф.Э. Дзержинского. Участник контртеррористической операции на территории Северного Кавказа в 1995 году. В настоящее время — полковник запаса. Проживает в г. Шатуре Московской области. Член Союза писателей России.

Василич, не найдется закурить?
Я тоже не курю... ты понимаешь.
А эту ночь так хочется прожить,
Как никогда! Ведь дома жаут.
Ты знаешь.

Вот кто-то рядом очередь пустил,
Ночь трассер расчертил на строчки.
Но написать письмо не хватит сил,
Такой листок война рвет на кусочки.

Опять взметнулся огненный фонтан.
Броня горит, как факел из бумаги.
Поддай-ка полный матазин, братан,
Видать, не избежать нам этой драки.

Кто там? Чеченцы или кто другой?
А, может быть, и «белые колготки»
Собрались стаей черной под горой
И рыщут по ночам, как злые волки.

Василич, ты чего же замолчал?
Проходит ночь, и «духи» отступили...
Прости, браток, что на тебя ворчал.
Прости, браток, что не меня убили!

12.02.95 г.
ст. Червленая — Узловая — Моздок

ВЫСОТА

Мне командир, ткнув в карту, приказал
Взять высоту во что бы то ни стало.
«А не возьмешь — отдам под трибунал», —
Взглянув в мои глаза, сказал устало.

«Иль трудя в крестах, иль голова в кустах».
Не раз уже такое мне случалось.
Но в командирских слышалось устах:
«Ступай, сынок, чуть-чуть всего осталось».

И мы пошли, открыто, в полный рост.
Захлебывались наши глотки кровью.
На клочья рвался неба грязный холст,
Чтоб завернуть в тряпицу должно вдовью.

Мы, скрежеща зубами, шли вперед.
За каждый метр земли мой взвод цеплялся.
И знаю я, что тот, конечно, врет,
Кто говорит, что смерти не боялся.

Проклятую мы взяли высоту.
Быть по-другому не могло иначе.
Увидел я сквозь дыма черноту,
Как наш суровый ротный тихо плачет.

04.10.2008 г.

Сергей ГАВРИЛОВ

Звание: Рядовой
Род войск: Артиллерия

<http://artofwar.ru/g/gawrilow/>

НИ ШАГУ НАЗАД

Всю блажь выбивая, по плацу полка
Гонял старшина нас сурово:
«Все подвиги там, впереди, а пока —
Здесь поле для вас Куликово».

И около штаба про знамя, про честь
Беспарфосно нам говорил,
Чтоб знали сынки: так было и есть —
Здесь Рымник ваш и Измаил.

И мы все вбирали в себя, как песок,
А он нам все снова и снова,
Когда уходили на юго-восток
В тот август две тыщи восьмого.

На поле войны исковерканный танк.
И нам здесь стоять суждено.
Один к четверым — в преимуществе враг —
Вот здесь наше Бородино.

До смерти держать свой последний рубеж
Кому-то, быть может, нелепость,
Но хоть на куски поруби и порежь —
Вот здесь наша Брестская крепость.

«Ни шагу назад!» — в голове сотый раз.
Учили нас, значит, толково!
Там, где ты стоишь, выполняя приказ, —
Там поле твое Куликово.

Андрей
ЗАГОРЦЕВ

<http://www.navoine.ru/authors/zagortsev-andrey>

ОКОНЧАНИЕ

(СУХАРНИК С «НИШТЯКАМИ»)

Такой набор, уже будучи «в должностях», я всегда таскал с собой в сухарнике на разгрузке. Если собирались на длительное время, конечно же, получал и паек, и дополнительное питание, рассывая «ништяки» по рюкзаку. Но описанный мною комплект для меня считался НЗ. Плечи не тянет, много места не занимает, собирать его не надо, он всегда в готовности.

Как-то вылетали мы на задачу совместно с «альфонсами»: выставляли засады вокруг горного села во время зачистки и адресных мероприятий. Согласно боевому распоряжению, задача была длительностью всего на два часа. На второй день «двухчасовой» задачи я выполз с базы и, взяв с собой радиста и разведчика, пошел проверять места засад. В одной из групп разведчики, сидевшие на «фишке», с печально-одухотворенными лицами кипятили в крышке из-под аккумуляторного отсека радиостанции Р-392 ягоды шиповника и кляли нелетную погоду. Возможности доставить нам воздушным путем продовольствия не было никакой. Пришлось страстно «отлюбить» командира группы за подготовку и за нелепую надежду, что задача действительно продлится два часа. Так вот, еще одна аксиома: если задача на «два часа», захвати с собой паек на пару суток. Тогда группа, с которой я забазировался, на запасах моего сухарника, шиповнике и одном пайке (прихваченным сообразительным радистом) протянула ровно трое суток и не засветилась. Остальным пришлось намного хуже.

По поводу кухонной утвари. Самое главное, наверное, ложка, ей как суп можно хлебать, так и тушенку из банки выковыривать, главное — мыть после использования, пусть всегда лежит у вас в сухарнике вместе с кружкой. Кстати, заметил, что многие разведчики вместо кружек использовали жестяные банки с крышкой из-под кофе. Жесть более теплопроводна, вода в такой банке закипает намного быстрее, чем в простой солдатской кружке, плюс наличие крышки (которую иногда давлением пара может вышибить). У одного разведчика из Бердской бригады (честь и слава этой боевой части, расформированной ради реформ) я видел занятное ноу-хау из тех же жестяных банок. К среднего размера банке снизу приварена была маленькая баночка из-под того же кофе, в которой было проделано несколько дырок различного диаметра. Когда я спросил, для чего и зачем сия «приспособа», разведчик показал фокус. В большую банку налил воды, закрыл крышкой, а в маленькую налил веточек и, засунув таблетку сухого спирта, все это зажег. Буквально через пару минут кипятков был готов. Неплохое, конечно, приспособление: и мини-печка, и кипятильник, и кружка — все в одном, но у меня была отличная раскладывающаяся газовая плитка китайского производства с баллончиком (два часа непрерывного горения), вполне компактная и мощная. Такая плитка стоила по тем временам всего 120 рублей, деньги небольшие, но пользы намного больше. Одно плохо — такие баллончики можно было

достать только на «большой земле». Теперь такие плитки и баллончики можно купить в любом охотничьем магазине.

Ну и напоследок расскажу один небольшой случай, который характеризует лично мое отношение к «особенностям питания разведчика».

Выписался я и еще куча народа из госпиталя, и сидим, значит, отмечаем это дело. Среди нас старший лейтенант-разведчик из Внутренних войск. Вроде, все нормально: речка, водка холодная, шашлыки, зелень, лимончик. А он, как привязался ко мне: и нудит, и нудит. А смысл вопроса таков: чем это мы, спецы, круче их разведчиков, «вованов», в чем различия? И пытается всеми своими полуадекватными поступками доказать свою крутизну. Надоел он мне хуже прокурора. Я его спрашиваю:

— Малыш, а вы лягушек потребляете?

Он замялся и «сдулся», однако, стопарь «Истока» накатил и орет, что они этому не обучены, но если надо, то легко сожрут и лягушек.

— Ну, давай, — говорю, — иди, лови земноводных.

Старлей всех жаб распугал, но парочку квакушек отловил и, торжествуя, притащил мне их в пластиковом пакетике. Далее он стал действовать по моим инструкциям. Проверил лягушек на предмет стрел в зубах и других признаков царственной крови. Потом ободрал их, насадил на шампуры и принялся жарить. Соли мы ему не дали, и он посыпал несчастные тушки золой. Короче, приготовил он их и сидит, морщится, есть не решается. Тут его толпа народа подначивает:

— Ууу, а орал-то: «Мы, разведчики, мы голой ж... на ежей садимся!»

А тут лягуху слопать не можешь.

Старлей водки попросил для тонуса, его соответственно послали в ... и сказали: «Жри так».

Я ему долго внушал, что он один, и лягушки — это его последний шанс выжить. Наконец, он решился и осторожноенько начал грызть вялые лапки, а тут у нас и шашлык подоспел. Свинина молодая на косточке, такая с корочкой пузырящейся, в яблоках, минералке и с лимоном маринованная, зеленью посыпанная. Ну, тут мы и разлили, пожелали старлею приятного аппетита, хрюпнули, начали закусывать дымящимся мясом.

— А вы чё лягушек не едите? — недоуменно заблеял старлей.

— А на фига нам эту гадость жрать-то, когда до фиги нормальной еды? Мы чё, идиоты что ли? — ответил я старлею.

Разведчик скуксился и побежал блевать в кусты, так и не поняв, чем мы различаемся...

Так вот, к чему я это рассказал: «Если есть шашлык (тушенка, сухари, лапша... — список бесконечен), на хр.. есть лягушек и глотать кору с деревьев?» Главное в подготовке питания на «выход» — это мозги!

Мнение это лично мое и оно может не совпадать со множеством других. <ИВ>